

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

№ 1(69), 2024

Т о м I.
R o k 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.
Электронная версия номера размещена на сайте: <https://journals.psu.by/humanities>

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск В.Е. Овсейчик.
Редактор И.Н. Чапкевич.

Подписано к печати 07.02.2024. Бумага офсетная 80 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 14,57. Тираж 50 экз. Заказ 034.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 904:739.1(476.5-21)"10/18"

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-2-5

**МЕТАДЫ ДАСЛЕДАВАННЯ ХІМІЧНАГА СКЛАДУ ВЫРАБАЎ З КАЛЯРОВЫХ МЕТАЛАЎ
X–XVIII СТСТ. З ТЭРЫТОРЫІ ПАЎНОЧНАЙ І ЦЭНТРАЛЬНАЙ БЕЛАРУСІ**

канд. гіст. навук, дац. І.У. МАГАЛІНСКІ
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)

У артыкуле прадстаўлены агляд сучасных метадаў даследавання хімічнага складу вырабаў з каляровых металаў X–XVIII стст. Адзначаецца, што найбольш прыдатным для даследавання археалагічнага металу трэба лічыць безэталонны рэнтгена-флюарэсцэнтны спектральны аналіз, які дазваляе атрымаваць колькасныя і якасныя даныя ў рэжыме рэальнага часу, не патрабуе папярэдняй падрыхтоўкі пробы і не пакідае слядоў на паверхні артэфектаў. У выніку праведзенага аўтарам аналізу статыстычнай хібнасці ў вызначэнні асноўных складаючых сплаваў на меднай аснове з дапамогай t-крытэрыя Сьюдэнта, устаноўлена, што атрыманы падчас даследаванняў у розных лабараторыях на розных метадыках даныя, магчыма выкарыстоўваюць і супастаўляць для вывучэння асаблівасцей каляровай металапрацоўкі X–XVIII стст. на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі.

Ключавыя словы: археалогія Беларусі, гісторыя старажытнай тэхналогіі, ювелірнае рамяство, археа-металургія.

Уводзіны. Важнае значэнне для вывучэння ювелірнай вытворчасці на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі ў X–XVIII стст. мае даследаванне хімічнага складу рамеснай прадукцыі, сыравіннага металу, нарыхтовак і інструментаў. Хімічныя элементы, якія свядома ўводзіліся майстрамі ў склад сплаваў, з’яўляюцца важным індикатарам адметнасцей мясцовай металапрацоўкі, прафесійнага ўзроўню рамеснікаў, указваюць на сувязі з пэўнымі тэрыторыямі. Вывучэнне хімічнага складу вырабаў з каляровых металаў таксама дае магчымасць вызначыць адметнасці вытворчасці асобных катэгорый артэфектаў, абазначыць асноўныя напрамкі паступлення сыравіннага металу.

На працягу 2010–2023 гг. намі праводзілася маштабная работа па вывучэнні элементнага складу каляровага металу X–XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі. За час працы аўтарам у лабараторыях Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай і Інстытуце фізікі НАН Беларусі атрыманы даныя аб элементным складзе 1216 абразцоў [1; 2]. Акрамя таго, каляровы метал з даследуемага рэгіёна вывучаўся ў Ленінградскім аддзяленні Інстытута археалогіі АН СССР у 1960-я гг. [3].

Асноўная частка. У дадзенай рабоце разглядаюцца толькі актуальныя метады вывучэння элементнага складу каляровага металу, якія на сённяшні момант маюцца ў распараджэнні спецыялістаў. Такім чынам, асноўная ўвага ў артыкуле звяртаецца на аптыка-эмісійны спектральны аналіз (далей – ОЭСА), рэнтгена-флюарэсцэнтны спектральны аналіз (далей – РФА) і лазерны эмісійны спектральны аналіз (далей – ЛЭСА).

Лазерны эмісійны спектральны аналіз для вывучэння археалагічнага каляровага металу з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі выконваўся з дапамогай мабільнай версіі лазернага эмісійнага спектральнага аналізатара, распрацаванага ў Інстытуце фізікі НАН Беларусі імя Б.І. Сцяпанавы. Для выпарэння матэрыялу і генерацыі спектраў плазмы тут выкарыстоўваўся АІГ:Nd³⁺-лазар з дыёднай напампоўкай, які генеруе выпраменьванне на даўжыню хвалі 1064 нм. Энергія кожнага імпульса складае 70–80 мДж. Рэгістрацыя эмісійных спектраў праводзілася ў спектральным дыяпазоне 270–390 нм з дапамогай поліхраматара MS2004i (Solar TII, Беларусь), абсталяванага рашоткай 1200 штр/мм і шматканальным рэгістратарам на аснове ПЗС-матрыцы Hamamatsu S11071-1106, якая працуе ў рэжыме сумавання радкоў. Спектрометр мае магчымасць адначасовага шматэлементнага аналізу без папярэдняй падрыхтоўкі прадмета.

Важнейшымі асаблівасцямі лазернага метаду спектральнага аналізу з’яўляюцца экспрэсны аналіз у рэжымах практычна неразбуральнага кантролю, рэальнага часу, in situ; адсутнасць ці мінімальна папярэдня падрыхтоўка пробы, высокая лакальнасць і магчымасць вызначэння элементнага складу мікраколькасці рэчыва, стэхіаметрычнае выпарэнне абразца, выключэнне змянення першапачатковага складу пробы, правядзенне адначасовага шматэлементнага аналізу, а таксама вызначэнне макра- і мікраўтрыманняў элементаў, магчымасць безэталоннага алгарытмаў аналізу. З дапамогай лазерных крыніц узбуджэння магчыма аналізаваць як матэрыялы, якія праводзяць электрычны ток, так і дыэлектрыкі, вырашаць задачы лакальнага, павярхоўнага, паслойнага, дынамічнага аналізу, вывучаць аднароднасць матэрыялаў і распаўсюджванне элементаў [4, с. 27].

Сярод недахопаў дадзенага метаду трэба адзначыць магчымасць правядзення толькі якаснага спектральнага аналізу, а таксама нязначнае пашкоджанне аб’екта вывучэння, якое выяўляецца падчас мікраскапічных даследаванняў.

У Інстытуце фізікі НАН Беларусі імя Б.І. Сцяпанавы для ўдакладнення даных лазернага спектральнага аналізу таксама праводзілася колькаснае даследаванне элементнага складу сплаваў асобных прадметаў з дапамогай *атамна-эмісійнага спектрометра* з індуктыўна-звязанай плазмай IRIS Intrepid XDL DUO INTERTECH

Corporation (INTERTECH Corporation, ЗША), выкананага па аптычнай схеме Эшале з перакрывавамай дысперсіяй. У такой схеме дыспергіраванне спектра адбываецца ў двух вымярэннях.

Рэгістрацыя двухмерных непарыўных эмісійных спектраў адбываецца ў спектральным дыяпазоне 165–1050 нм на паўправадніковую астуджальную матрыцу з інжэкцыяй носьбітаў зараду (CID-дэтэктар), якая складаецца з двухмернага масіву фотаадчувальных элементаў (ад 0,0001 мг/дм³). Такім чынам, спектрометр мае магчымасць адначасовага шматэлементнага аналізу (больш 30 элементаў) з нізкімі межамі выяўлення (ад 0,0001 мг/дм³). Крыніца выпраменьвання – індуктыўна звязаная плазма, частата генератара 27,11 МГц, рабочая магутнасць 150 Вт, рэжым назірання аксіяльны, хуткасць пракачкі пробнага вырабу 4 мл/хв, час прамыўкі 40 с, час рэгістрацыі сігналу 20 с. Для каліброўкі прыбора выкарыстоўваецца шматэлементныя стандартныя растворы (Merck GmbH, Германія) з масавай канцэнтрацыяй элементаў 0,01–10 мг/л. Для падрыхтоўкі аналітных раствораў мікрафрагменты даследаваных артэфектаў вагой 5–15 мг растваралі ў азотнай і салянай кіслотах [5, с. 98–99].

Істотным недахопам дадзенага метаду, нягледзячы на яго высокую дакладнасць, з’яўляецца неабходнасць істотнага пашкоджання аб’екта даследавання. У сувязі з гэтым, такі падыход ужываўся толькі лакальна і ўяўляецца непрыдатным для вывучэння вялікіх серый артэфектаў.

Оптыка-эмісійны аналіз праводзіўся ў кантрольна-выпрабавальнай лабараторыі Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасініі Полацкай на партатыўным іскравым аптычным эмісійным спектрометры SPECTROPORT вытворчасці кампаніі “Spectro Analytical Instruments GmbH” (Германія) (401 абразец).

У дадзеным прыборы матэрыял абразца выпараецца выпрабавальным зондам з дапамогай іскравога разраду. Выпараныя атамы і іёны, знаходзячыся ва ўзбуджаным стане, выпускаюць выпраменьванне, якое трапляе ў прыборы спектрометра пры дапамозе аптычнага святлавода, дзе раскладаецца на спектральныя кампаненты. З дыяпазону выпушчаных даўжынь хваль для кожнага элемента выбіраюцца найбольш падобныя лініі і вымяраюцца з дапамогай CCD-матрыцы. Інтэнсіўнасць выпраменьвання прапарцыянальная канцэнтрацыі элемента ў абразцы. З дапамогай захаванага ў спектрометры набору калібровачных крывых магчыма разлічыць канцэнтрацыю элементаў і паказаць яе ў працэнтах. Правядзенне аналізу аднаго абразца займае ад 2 да 10 секунд, а саманаладжвальная аптычная сістэма гарантуе атрыманне стабільных вынікаў з устойлівасцю да змен знешняй тэмпературы без правядзення стандартызацыі [6, с. 64].

Недахопам метаду трэба лічыць неабходнасць істотнай папярэдняй падрыхтоўкі пробы для аналізу (лакальная зачыстка паверхні прадмета), непрыдатнасць для аналізу легкаплаўкіх сплаваў і неліграваных легкаплаўкіх металаў у сувязі з выкарыстаннем у якасці крыніцы ўзбуджэння іскравога разраду, які падчас працы істотна награвает прадмет, а таксама складанасць даследавання дробных абразцоў, што абумоўлена асаблівасцямі канструкцыі спектрометра.

Рэнтгена-флюарэсцэнтны спектральны аналіз праводзіўся аўтарам у археалагічнай лабараторыі Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасініі Полацкай на партатыўным РФА-спектрометры Vanta C вытворчасці кампаніі Olimpus (602 абразцы). Дададзены спектрометр працуе па метаде рэнтгена-флюарэсцэнтнага безэталоннага аналізу, ён мабільны, не патрабуе папярэдняй падрыхтоўкі пробы, а таксама не наносіць шкоды абразцу, што асабліва важна падчас даследавання вырабаў з каляровых металаў.

Прынцып дзеяння РФА-спектрометра заснаваны на вымярэнні спектру другаснага рэнтгенаўскага выпраменьвання. Першасныя рэнтгенаўскія прамяні, што ствараюцца рэнтгенаўскай трубкай, апраменьваюць аналізаваную пробу і выклікаюць другаснае рэнтгенаўскае выпраменьванне, спектр якога залежыць ад элементнага складу абразца. Разлік масавай долі аналізаваных элементаў заснаваны на залежнасці інтэнсіўнасці выпраменьвання ад яго масавай долі ў пробе. Пры разліку выкарыстоўваецца безэталонны варыянт метаду фундаментальных параметраў [7, с. 84].

Улічваючы атрыманне асноўнага масіву даных адносна хімічнага складу вырабаў з каляровых металаў Х–ХVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі з дапамогай ОЭСА і РФА, важным пытаннем уяўляецца ступень карэктнасці супастаўлення такіх матэрыялаў і магчымасць іх выкарыстання для вывучэння асаблівасцей мясцовай ювелірнай вытворчасці.

Статыстычнае даследаванне заўсёды дапускае магчымасць памылкі і неабходна ўлічваць максімальную верагоднасць яе ўзнікнення. Вывучэнне дапушчальнасці выкарыстання даных элементнага складу вырабаў з каляровых металаў, атрыманых у розных лабараторыях з дапамогай адрозных метадаў, праводзілася намі на аснове т-крытэрыя Сцюдэнта, які з’яўляецца агульнай назвай для класа метадаў статыстычнай праверкі гіпотэз, заснаваных на размеркаванні Сцюдэнта. Найбольш часта т-крытэрыі выкарыстоўваецца для праверкі роўнасці сярэдніх значэнняў у дзвюх выбарках [8, с. 49]. Мэтай выкарыстання т-крытэрыя Сцюдэнта з’яўляецца доказ ці абвяржэнне так званай нулявой гіпотэзы, якая з’яўляецца здагадкай, што даследуемыя фактары не аказваюць уплыву на вымераную прыкмету і атрыманыя ў ходзе даследавання адрозненні выпадковыя. У сувязі з гэтым, чым менш t , тым больш верагоднасць таго, што выяўленыя адрозненні статыстычна не істотныя. Крытычныя значэнні т-крытэрыя Сцюдэнта фіксуюцца ў адмысловай табліцы крытычных значэнняў ці разлічваюцца спецыялізаваным праграмным забеспячэннем. Такім чынам, калі t разліковае меней ці роўна t таблічнаму пры $P = 0,05$ (95% давяральных верагоднасць, што азначае верагоднасць памылкова абвергнуць нулявую гіпотэзу), то сістэматычную хібнасць магчыма лічыць нязначнай [9, с. 145].

У археалагічным кантэксце падобныя даследаванні з дапамогай т-крытэрыя Сцюдэнта праводзіліся расійскімі даследчыкамі, якімі было ўстаноўлена, што вынікі аналізаў хімічнага складу вырабаў з каляровых металаў,

праведзеных па метадазе рэнтгена-флюарэсцэнтнага аналізу, опытка-эмісійнага спектральнага аналізу, а таксама хімічнага “мокрага” аналізу супастаўныя, а статыстычная хібнасць не істотная. Аўтарамі працы асобна адзначэцца, што даныя адрозніваюцца толькі па ўтрыманні свінца ў сплавах, які не раствараецца ў медзі, а вылучаецца ў элементарным выглядзе [10, с. 116].

Для выяўлення разыходжанняў у вызначэнні асноўных складаючых сплаваў намі было праведзена вывучэнне 15 абразцоў зробленых са сплаваў на меднай аснове, хімічны склад якіх даследаваўся з дапамогай іскравога аптычнага эмісійнага спектрометра SPECTROPORT і РФА-спектрометра Vanta C. Для статыстычнага аналізу намі былі адабраныя абразцы з матэрыялаў археалагічных работ на тэрыторыі гандлёва-рамесніцкага паселішча Бірулі (Докшыцкі раён), якія датуецца X–XI стст. Статыстычная хібнасць вызначалася для асновы сплаваў (Cu) і галоўных легіруючых кампанентаў, такіх як цынк (Zn), волава (Sn) і свінец (Pb). Даследаванне праводзілася ўручную, а таксама дадаткова правяралася з дапамогай праграмага комплексу SPSS Statistics (табліца).

Табліца. – Вынікі аналізу сістэматычнай хібнасці па выніках РФА-ОЭСА (лабараторыі Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасіні Полацкай)

Элементы	t таблічнае	t разлічанае
Cu	2,131	0,87
Zn	2,131	1,29
Sn	2,131	0,02
Pb	2,131	0,17

Аналіз паказаў, што даныя, атрыманыя падчас даследавання хімічнага складу металу ў розных лабараторыях па розных метадыках, магчыма выкарыстоўваць і супастаўляць для вывучэння адметнасцей каляровай металаапрацоўкі X–XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі. Пры гэтым неабходна адзначыць, што намі падчас вывучэння структуры абразцоў на металаграфічным мікраскопе, было заўважана нераўнамернае размеркаванне па шліфах свінцовых уключэнняў, што ўказвае на магчымасць несупадзення вынікаў аналізаў па розных метадах у частцы працэнтнага ўтрымання свінцу, які не раствараецца ў сплавах медзі.

Заклучэнне. Такім чынам, у выніку праведзенага агляду метадаў даследавання хімічнага складу вырабаў з каляровых металаў X–XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі магчыма зрабіць наступныя высновы:

1. Асноўнымі метадамі вывучэння вырабаў з каляровых металаў у сучаснай археалагічнай навуцы з’яўляюцца лазерны эмісійны спектральны аналіз, іскравы опытка-эмісійны аналіз і рэнтгена-флюарэсцэнтны спектральны аналіз.

2. Кожны з метадаў мае пэўныя перавагі і недахопы, аднак найбольш прыдатным для вывучэння археалагічнага каляровага металу ўяўляецца безэталонны рэнтгена-флюарэсцэнтны спектральны аналіз, які дазваляе атрымліваць колькасныя і якасныя даныя адносна элементнага складу ў рэжыме рэальнага часу, не патрабуе папярэдняй падрыхтоўкі пробы і не пакідае на паверхні абразца слядоў. Акрамя таго, дадзены метады выкарыстоўваецца большасцю даследчыкаў старажытнага каляровага металу, таму атрыманыя з яго выкарыстаннем вынікі магчыма непасрэдна параўноўваць з данымі іншых лабараторый.

3. Аналіз з дапамогай t-крытэрыя Сцюдэнта статыстычнай хібнасці у вызначэнні асноўных складаючых сплаваў на меднай аснове, хімічны склад якіх даследаваўся з дапамогай іскравога аптычнага эмісійнага спектрометра SPECTROPORT і РФА-спектрометра Vanta C, выявіў, што даныя, атрыманыя падчас даследавання хімічнага складу металу ў розных лабараторыях па розных метадыках, магчыма выкарыстоўваць і супастаўляць для вывучэння адметнасцей каляровай металаапрацоўкі X–XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі.

ЛІТАРАТУРА

- Магалинский И.В., Райков С.Н. Применение данных лазерного спектрального анализа химического состава цветных металлов при изучении ювелирного ремесла Полоцка X–XVII вв. // Доклады НАН Беларуси. – Т. 58, № 2. – Минск: Беларуская навука, 2014. – С. 119–122.
- Магалинский И.В. Новые данные по химическому составу изделий из цветных металлов X–XVIII вв. с территории Северной и Центральной Беларуси // Доклады НАН Беларуси. – Т. 65, № 2. – Минск: Беларуская навука, 2021. – С. 241–246.
- Наумов Д.В. Химическое и структурное исследование некоторых предметов из Полоцка XII–XIII стст. // Белорусские древности. Доклады к конференции по археологии Белоруссии (январь-февраль 1968 г.). – Минск: Ин-т истории АН БССР, 1968. – С. 298–306.
- Бельков М.В. Райков С.Н. Козьянковский клад арабских куфических дирхамов IX–X веков из музейного собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника. – Полоцк: НППКМЗ, 2011. – 40 с.
- Вынікі даследавання хімічнага складу вырабаў з каляровых металаў з ювелірнага майстэрні XII ст. на тэрыторыі Запалоцкага пасада Полацка / І.У. Магалінскі, М.В. Бялкоў, А.У. Шабуна-Клячкоўская і інш. // Беларуская Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. III міжнар. навук.-практ. канф., Полацк, 14–15 крас. 2016 г.: у 2 ч. / Полацкі дзярж. ун-т; пад агул. рэд.: Д.У. Дука, У.А. Лобача, А.І. Корсак. – Наваполацк, 2016. – Ч. 1. – С. 98–100.
- Магалинский И.В., Кенько П.М. Химический состав сырьевых слитков из цветных металлов X–XI вв. (по материалам археологических исследований торгового-ремесленного поселения Бирули) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Даследаванне беларускіх старажытнасцей (да 80-годдзя з дня нараджэння А.Г. Калечыц). – Вып. 31. – Минск: Беларуская навука, 2020. – С. 64–69.

7. Нехин М.Ю., Мамедов С.Б. Рентгенофлуоресцентная спектрометрия: высокоточный экспрессный элементный анализ для науки и промышленности // Лаборатория и производство. – 2019. – № 4. – С. 84–88.
8. Берестнева О.Г., Марухина О.В., Шевелёв Г.Е. Прикладная математическая статистика: учеб. пособие. – Томск: Изд-во Томск. политехн. ун-та, 2012. – 188 с.
9. Ван дер Варден Б.Л. Математическая статистика. – М.: Иностранная литература, 1960. – 434 с.
10. Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья. – М.: Издательская фирма «Восточная литература РАН», 2008. – С. 107–188.

Паступніў 02.10.2023

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ X–XVIII ВВ. С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ БЕЛАРУСИ

канд. ист. наук, доц. **И.В. МАГАЛИНСКИЙ**
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

*В статье представлен обзор современных методов исследования химического состава изделий из цветных металлов X–XVIII вв. Установлено, что основными методами изучения элементного состава археологического цветного металла являются лазерный эмиссионный спектральный анализ, оптико-эмиссионный спектральный анализ и рентгено-флюоресцентный спектральный анализ. Отмечается, что наиболее пригодным для изучения изделий из цветных металлов X–XVIII вв. следует считать безэталонный рентгено-флюоресцентный спектральный анализ, который позволяет получать количественные и качественные данные в режиме реального времени, не требует предварительной подготовки проб и не оставляет следов на поверхности артефактов. В результате проведенного автором анализа статистической погрешности определения основных компонентов сплавов на медной основе с помощью *t*-критерия Стьюдента установлено, что данные, полученные в ходе исследований в разных лабораториях разными методами, являются сопоставимыми и могут быть использованы для изучения особенностей цветной металлообработки на территории Северной и Центральной Беларуси в X–XVIII вв.*

Ключевые слова: археология Беларуси, история древней технологии, ювелирное ремесло, археометаллургия.

METHODS FOR STUDYING THE CHEMICAL COMPOSITION OF PRODUCTS FROM NON-FERROUS METALS OF THE X–XVIII CENTURIES FROM THE TERRITORY OF NORTH AND CENTRAL BELARUS

I. MAHALINSKI
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

*The article provides an overview of modern methods for studying the chemical composition of products made of non-ferrous metals of the X–XVIII centuries. It has been established that the main methods for studying the elemental composition of archaeological non-ferrous metals are laser emission spectral analysis, optical emission spectral analysis and X-ray fluorescence spectral analysis. It is noted that the most suitable for studying products made of non-ferrous metals are the X–XVIII centuries should be considered standard-free X-ray fluorescence spectral analysis, which allows obtaining quantitative and qualitative data in real time, does not require preliminary sample preparation and does not leave traces on the surface of artifacts. As a result of the author's analysis of the statistical error in determining the main components of copper-based alloys using the Student's *t*-test, it was established that the data obtained during research in different laboratories using different methods are comparable and can be used to study the characteristics of non-ferrous metalworking in the Northern and Central Belarus in the X–XVIII centuries.*

Keywords: archeology of Belarus, history of ancient technology, jewelry craft, archaeometallurgy.

УДК 94(476)"-14-10"

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-6-10

ГЕНЭЗІС, ХРАНАЛОГІЯ І ГІСТАРЫЧНЫ ЛЁС КУЛЬТУРЫ БРОМЕ Ё КАНТЭКСЦЕ АСВАЕННЯ МІЖРЭЧЧА ЗАХОДНЯГА БУГА, ПРЫПЯЦІ І НЁМАНА Ё ПОЗНЕЛЕДАВІКОВЫ ЧАС**А.Д. ГАРШКОЎ***(Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2805-0678>

Артыкул прысвечаны праблемам храналогіі і гістарычнага лёсу культуры бrome ё кантэксце засялення тэрыторыі сучаснай Беларусі, прынамсі, міжрэчча Заходняга Буга, Прыпяці і Нёмана. Аўтарам выкананы агляд гістарыяграфіі на праблеме даследавання і вызначана ступень даследавання дадзенага пытання ў беларускай гістарыяграфіі і археалагічнай навуцы. Зыходзячы з даных, атрыманых у выніку палявых даследаванняў на помніках археалогіі, а таксама даных прыродазнаўчых навук, былі сфармуляваны магчымыя варыянты з'яўлення насельніцтва культуры бrome ё выніку ўздзеяння прыродных катаклізмаў, якія, у сваю чаргу, паспрыялі яе фарміраванню і асваенню Заходнебугска-Прыпяцка-Нёманскага міжрэчча.

Ключавыя словы: археалогія, культура бrome, фінальны палеаліт, першабытная гісторыя Беларусі.

Уводзіны. Адною з першых адносна масавых міграцый на тэрыторыю сучаснай Беларусі ё фінальнапалеалітычны перыяд здзейснілі носьбіты культуры бrome (у беларускай гістарыяграфіі яна вядома як “лінгбі”, “лінгбійская” ці “бrome-лінгбі”). Асноўная маса помнікаў (вядома каля 50 пунктаў) дадзенай культурнай адзінкі размяшчаецца ў басейнах рэк Нёман, Прыпяць і Дняпро. Даследаваліся стацыянарнымі раскопкамі толькі некалькі, у асноўным – у межах Гродзенскага і Ваўкавыскага ўзвышшаў. Нягледзячы на невялікую колькасць палявых даследаванняў, назапашаны матэрыял патрабуе асэнсавання, а самае галоўнае – вызначэння некаторых асноўных характарыстык любой археалагічнай культуры: генезісу, храналогіі і гістарычнага лёсу. Менавіта спроба вырашэння дадзеных праблем у кантэксце асваення Заходнебугска-Прыпяцка-Нёманскага міжрэчча з'яўляецца мэтай дадзенага артыкула.

Гістарыяграфія. Нягледзячы на тое, што наяўнасць матэрыялаў, характэрных для культуры бrome, у міжрэччы Заходняга Буга, Прыпяці і Нёмана адзначалася яшчэ ў 60-я гг. XX ст., пытанні генезісу, храналогіі і гістарычнага лёсу дадзенай супольнасці ў беларускай гістарыяграфіі пачалі распрацоўвацца толькі ў канцы XX ст. [1, с. 58–59]. У энцыклапедыі “Археалогія і нумізматыка Беларусі”, якая выйшла ў 1993 г. змешчаны невялікі артыкул У.Ф. Ісаенкі, прысвечаны культуры бrome. У ім даследчык адносіць дадзеную супольнасць да перыяду мезаліту і датуе 9–8 тыс. да н. э. [26, с. 370]. Пытанні генезісу і гістарычнага лёсу ў гэтым артыкуле не ўздымаліся. У першым томе акадэмічнага выдання “Археалогія Беларусі. Том 1” (1997 г.) прысутнічае раздзел, напісаны М.М. Чарняўскім, прысвечаны помнікам лінгбійскай культуры, дзе згадваюцца толькі два – Кавальцы 2 і Краснасельскі 5. На аснове аналізу матэрыялаў дадзеных стаянак, а таксама іх тапаграфічнага размяшчэння, аўтар храналагічна прывязвае іх да алероду – дрыясу III. У якасці асновы для фарміравання культуры бrome М.М. Чарняўскі разглядаў некаторыя позднемадленскія групы з тэрыторыі Францыі. Гістарычны лёс дадзенага насельніцтва звязваецца з арэнсбургскай супольнасцю [3, с. 34–35].

Новым поглядам на праблему міграцыі культуры бrome ў міжрэччы Заходняга Буга, Прыпяці і Нёмана з'яўляюцца публікацыі В.С. Абухоўскага. Даследчык адносіць з'яўленне дадзенага насельніцтва на азначаных тэрыторыях у перыяд алероду (11,8 – 10,8 тыс. г. назад) [4, с. 73]. Пытанні генезісу і гістарычнага лёсу В.С. Абухоўскі ў сваіх працах не закранаў, верагодна, гэта звязана з адсутнасцю добра стратыфікаваных крамянёвых комплексаў. Гэтыя думкі таксама знайшлі адлюстраванне ў другім томе энцыклапедыі “Археалогія Беларусі” (2011 г.). У артыкуле, прысвечаным культуры бrome, аўтарам якога з'яўляецца А.Г. Калечыц, падаюцца гіпотэзы аб паходжанні супольнасці на аснове помнікаў тыпу Фон-Робер, мадлену тыпу Таэт або прадстаўнікоў культурнай адзінкі федэрсмер. Храналагічна з'яўленне даследуемага насельніцтва на тэрыторыі Беларусі адносіцца да алероду – пачатку дрыясу III (9 – 8 тыс. да н. э.). Гістарычны лёс культуры бrome звязваецца з арэнсбургам [5, с. 16–17]. Гэтыя погляды без істотных змяненняў знайшлі адлюстраванне ў іншых працах А.Г. Калечыц і з'яўляюцца дамінуючымі ў сучаснай беларускай археалагічнай гістарыяграфіі [6, с. 42–43; 7, с. 395–396.]

Асноўная частка. *Генезіс.* Адзін з распачынальнікаў даследавання культуры бrome Т. Мацьясен суадносіў дадзеную адзінку з познім мадленам Францыі (тып наканечнікаў Фон-Робер) [8, с. 148; 9, с. 211]. Гэта звязана, хутчэй за ўсё, з тым, што для гэтага этапа характэрныя чаранковыя наканечнікі, якія знешне падобныя да тыпу Лінгбі, але, разам з тым, у тэхналагічным плане такія элементы кідальнага ўзбраення істотна розняцца, як і разыходзяцца храналагічна – артэфакты датуюцца прамеркам 29–22 тыс. uncal BP [10, с. 153; 11, с. 92–93, р. 2–3].

Ю. Мольн у 1956 г. звяртаў увагу на падабенства матэрыялаў з помнікамі ва Усходняй Еўропе і прапаноўваў шукаць там пачаткі культуры бrome [12, р. 115–116]. Падобная думка была прывабная і для расійскіх археолагаў. Існавала спроба знайсці “пераход” ад індустрыі, характэрных для помнікаў касцёнкаўска-баршчоўскага рэгіёна, да фінальнага палеаліту. Для гэтага быў выбраны адзін з самых позніх помнікаў – Баршчова 1, дзе ўтрымліваюцца “чаранковыя” наканечнікі стрэл [13, с. 30, рис. 7; 14, с. 131]. Але, як паказаў далейшы аналіз,

гэтыя экзэмпляры з'яўляліся ўсяго паўфабрыкатамі гравецкіх наканечнікаў з бакавой выемкай, якія сустракаюцца ў культурных напластаваннях з датыроўкамі 40–22 тыс. cal BP [15, p. 191].

В. Таутэ і Я. Казлоўскі ў сваіх працах бачылі генезіс культуры бrome ў познім мадлене, дзе прысутнічаюць чаранковыя элементы кідальнага ўзбраення [16, p. 234]. Гэта наканечнікі тыпу Тэйжа, якія выконваліся на пласцінах, вастрыё паўтарала контуры нарыхтоўкі і не мела дадатковай апрацоўкі. Чаранок афармляўся паўстромкай рэтушшу па адным ці двух краях на вентральным баку нарыхтоўкі [17, с. 152].

Усе вышэй пададзеныя варыянты генезісу даследуемай культурнай адзінкі звязваюцца з познім палеалітам. Разам з тым, А. Фішар бачыць вытокі культуры бrome ў культуры федэрмесер, якая датуецца фінальным палеалітам [18, p. 38]. Гэта звязана з падабенствам тэхналогіі апрацоўкі крэменю і храналагічнай блізкасцю супольнасцей. Апошнія датыроўкі помнікаў з матэрыяламі культуры федэрмесер знаходзяцца ў дыяпазоне 13–11,9 тыс. cal BC [19, s. 62–68]. Акрамя таго, у комплексах помнікаў з матэрыяламі гэтай культуры прысутнічаюць формы, падобныя на чаранковыя наканечнікі або наканечнікі тыпу Лінгбі [19, s. 91, rys. 91:6-9, s. 116 rys. 39:8, s. 131]. Гэтую думку працягвае іншы навуковец, Ф. Райдэ, які схіляецца да таго, што федэрмесер і бrome – гэта адна культура. Праз вывяржэнне вулкана Лах (возера Лаахер Зээ, Германія) (каля 13 тыс. uncal BP) група носьбітаў культуры федэрмесер была “адціснута” на поўнач, і пачала сваю “новую эвалюцыю” [20, p. 90–91]. Прааналізаваўшы інвентар са стаянак першай і другой культур, ён прыходзіць да высновы, што розніца прасочваецца толькі ў адсутнасці некаторых форм крамянёвага інвентару (напрыклад, саміх федэрмесераў) і касцяных вырабаў у культуры бrome [20, p. 72].

Зыходзячы з апісаных канцэпцый, аўтар артыкула схіляецца да апошніх двух як найбольш верагодных. Безумоўна, усе фінальнапалеалітычныя культуры маюць свае вытокі з гравецкай індустрыі, але культура бrome дакладна не сфарміравалася на яе аснове. Гэта добра прасочваецца па тэхналогіі расшчаплення крэменю. Па гэтай прычыне разглядаемая намі культура, хутчэй за ўсё, не мае прамых каранёў у мадлене, нягледзячы на падабенства наканечнікаў, бо пры дэталёвым аналізе тэхналогіі іх вырабу аказваецца, што наканечнікі тыпу Тэйжа бліжэйшыя да арэнсбургскай культуры, чым да бrome. Пасля фарміравання новай культурнай адзінкі на тэрыторыі паўднёвай Швецыі, Даніі і поўначы Германіі, адбываецца міграцыя яе насельніцтва ва ўсходнім накірунку. Менавіта ў выніку гэтых працэсаў культура бrome засяляе міжрэчча Заходняга Буга, Прыпяці і Нёмана. Доказам гэтага з'яўляецца параўнаўчы тэхніка-марфалагічны аналіз матэрыялаў з беларускіх тэрыторый і асноўнага арэала распаўсюджвання дадзенай адзінкі. Характарыстыкі калекцый з тэрыторыі Заходняй Еўропы і Заходнебугска-Прыпяцка-Нёманскага міжрэчча ўказваюць на поўнае падабенства, што магло быць выклікана толькі хуткім перасоўваннем.

Прычынай міграцыі, з нашага пункту гледжання, хутчэй за ўсё, з'явіліся прыродна-кліматычныя ўмовы, а менавіта пахаладанне, выкліканае спускам Балтыйскага ледавіковага возера [21]. У выніку гаспадарка культуры бrome перабудавалася з палявання на лясных і тундравых жывёл на папуляцыі паўночнага алена, які здзяйсняе даволі працяглы перасоўванні [22, с. 44].

Храналогія. На дадзены момант у беларускай археалагічнай навуцы датыроўка фінальнапалеалітычных культур адбываецца на аснове метада аналогіі. Не з'яўляецца выключэннем і культура бrome. Гэта звязана ў першую чаргу з тым, што глеба, у якой залягаюць культурныя напластаванні, мае пясчаны і рыхлы характар, а яе хімічны склад не спрыяе захоўванню арганічных парэшткаў. Паколькі ў нас няма абсалютных датыровак, якія паходзяць са стаянак, размешчаных на даследуемай тэрыторыі, пры напісанні гэтага падпункта мы будзем карыстацца інфармацыяй з апорных помнікаў дадзенай культуры на тэрыторыі Еўропы.

Так, культуру бrome датуюць алеродам – пачаткам дрыяса III (13,9–12,7 тыс. г.). Гэтыя датыроўкі былі атрыманы як на падставе рэканструкцый расліннасці па даных паліналогіі, так і з дапамогай радыёвугляроднага аналізу [23, с. 40]. Помнік Тролсгэйв (Данія), які размешчаны ў паўночна-ўсходняй частцы Даніі, паводле паліналагічных даследаванняў знаходзіцца ў межах кліматычнага перыяду алерод [24, p. 4667–4669]. Радыёвугляродныя датыроўкі, атрыманыя з вугалю і часткова абпаленых галінак ядлоўца, вярбы, бярозы, таполі, а таксама арганічных рэчываў, трапляюць у прамежак 13 288–11 161 cal BP¹, што прыпадае на перыяд GS-1 [24, p. 4670–4671]. На помніку Фенсмарк (Данія) у пласце з матэрыяламі культуры бrome былі зафіксаваны рэшткі раслін, якія характэрныя для алероду [25, p. 136]. Радыёвугляродныя даты, атрыманыя па вугалю, знаходзяцца ў прамежку 13 065–10 574 cal BP, што таксама прыпадае на перыяд GS-1 [25, p. 135–136]. На стаянцы Норэ-Льонгбю, што на поўначы Даніі, па вугалю і касцяных матэрыялах, паводле апошніх апублікаваных даследаванняў помніка, былі атрыманы C14 даты, якія ўкладаюцца ў дыяпазон 13 751–12 729 cal BP. Гэтыя даты адносяцца ўжо да GS-1a [26, p. 148]. Эпанімны помнік Бrome, які размешчаны ў цэнтральнай частцы Даніі, мае, на дадзены момант, толькі адну дату C14, якая размешчана ў дыяпазоне 12 771–12 524 cal BP. Дата цалкам прыпадае на перыяд GS-1 [26, p. 154].

Зыходзячы з вышэйпададзенай інфармацыі, можна зрабіць выснову, што культура бrome, як мінімум, на тэрыторыі часткі паўночнай Еўропы існавала ў перыяд алероду – дрыяса III (GS-1/1a). Што датычыцца нашых тэрыторый, вызначыць храналагічныя рамкі існавання культуры бrome даволі цяжка. Радыёвугляродныя, OSL, тэрмалюмінесцэнтныя, паліналагічныя датыроўкі ў нас адсутнічаюць. Для вырашэння гэтай праблемы нам застаецца датаваць культуру бrome ў міжрэччы Заходняга Буга, Прыпяці і Нёмана з дапамогай метаду аналогіі або спрабаваць “выцапіць” нейкія ўскосныя датыроўкі. Так, на многіх матэрыялах, якія па сваіх тэхніка-марфалагічных

¹ Каліброўка дат выканана аўтарам артыкула ў праграме OxCal 4.4. IntCal20.

характарыстыках адносяцца да дадзенай адзінкі, прасочваюцца трэшчыны – сляды тэрмічнага ўздзеяння. Частка з іх – значна фрагментаваная, але гэтыя трэшчыны не падобныя на тыя, якія з’яўляюцца на крэмені пры высокай тэмпературы. Верагодна, яны атрымаліся ў выніку ўздзеяння на артэфакты нізкай тэмпературы. Не выключана, што гэта звязана з пахаладаннем эпохі дрыяс III, але гэтую гіпотэзу трэба правяраць эксперыментальна.

Дзякуючы працам геолагаў на тэрыторыі Гродзенскага ўзвышша, мы маем радыёвугляродныя даты фарміравання верхняй тоўшчы высокай тэрасы р. Нёман каля аг. Гожа (Гродзенскі раён), якія прыпадаюць на самы канец алерода – дрыяс III [27]. Гэтая датыроўка перасякаецца з храналагіяй культуры бrome, артэфакты якой на помніках Кавальцы 1, 2, 4 залягаюць у вышэйзгаданых літалагічных умовах. Акрамя таго, калі мы ў разлік бяром тое, што носьбіты культуры бrome з’явіліся на нашых тэрыторыях пасля вывяржэння вулкана Лах, то датаваць гэтыя матэрыялы варта канцом алерода – пачаткам дрыяса III [28]. Падобную датыроўку для з’яўлення насельніцтва культуры бrome ў вярхоўях Волгі прапаноўвае С.М. Лісіцын [29, с. 95].

Гістарычны лёс. На дадзены момант, большасць даследчыкаў лічыць, што культура бrome дала пачатак арэнсбургскай культуры [6, с. 42-43; 8, с. 148; 30, с. 51; 31]. На карысць гэтай гіпотэзы прыводзіцца падабенства тэхналогіі апрацоўкі крэменю і знаходак наканечнікаў, характэрных для культуры бrome ў арэнсбургскіх комплексах. Л.Л. Залізняк лічыць, што носьбіты даследуемай культурнай адзінкі з надыходам дрыясу III, адступілі на поўдзень, дзе засялілі частку Польскай і Палесскай нізін. Менавіта на іх аснове ў басейнах Віслы, Заходняга Буга і Прыпяці сфарміравалася свідэрская культура, а на тэрыторыі Палесся, міжрэчча Нёмана і Дняпра – краснасельскай [9, с. 216]. Такой жа думкі прытрымліваецца і Д.В. Ступак [32, с. 37].

Іншую канцэпцыю прапаноўвае К. Шымчак, які амаль на тых жа самых тэрыторыях вылучаў асобную пергунскую культуру, якая была блізкая па тыпалагічных прыкметах крамянёвага інвентару (а, магчыма, была лакальным варыянтам ці адпавядальнікам) да культуры бrome і паклала пачатак свідэрскай і валкушанскай² культурам [33, с. 193-194; 34, с. 21,36]. Г.В. Сініцына адзначае міграцыю носьбітаў культуры бrome на ўсход і звязвае яе з басейнам р. Рось, дзе размешчана стаянка-майстэрня Краснасельскі 5 [35, с. 159]. Менавіта падобнай думкі прытрымліваецца С.М. Лісіцын, які разглядае матэрыялы з помніка Падол III (эпанімнага для падольскай культуры) як следства прамога перасоўвання часткі насельніцтва чаранковага комплекса, але не з тэрыторыі Заходнебугска-Прыпяцка-Нёманскага міжрэчча, а з берагоў Паўднёвай Балтыкі [36, с. 63]. Не прымае існавання падольскай культуры А.М. Сарокін, які лічыць яе класічным бrome. Даследчык адзначае, што нягледзячы на спецыфіку, “заходнія” і “ўсходнія” стаянкі “нічым” не адрозніваюцца [37, с. 17].

На наш погляд, насельніцтва культуры бrome міжрэчча Заходняга Буга, Прыпяці і Нёмана мігрвала ў паўночна-ўсходнім накірунку, у выніку чаго былі пакінуты стаянкі Берасценева, Каромка, Орша ў басейне р. Дняпро, Падол III і іншыя на тэрыторыі Валдайскага ўзвышша. Адсутнасць матэрыялаў у цэнтральнай частцы краіны звязана, на нашу думку, са слабой даследаванасцю гэтых абшараў. Дадзены накірунак перасоўвання таксама быў абумоўлены існаваннем у дрыясе III на паўднёвым ўсходзе Беларусі Палесскага возера, спуск якога адбыўся прыблізна 11 тыс. гадоў (un cal.) каля аг. Юравічы (Калінкавіцкага раёна). Найбольш хараналагічна старажытныя матэрыялы ў гэтай мясцовасці звязваюцца са свідэрскім насельніцтвам [38, с. 101-103].

Заклучэнне. Такім чынам, на сённяшні момант, мы можам казаць пра верагодны генезіс культуры бrome на аснове культуры федэрмесер. Адбылося гэта ў выніку вывяржэння вулкана Лах на тэрыторыі Германіі каля 13 тыс. гадоў назад. Гэтая храналагія, прынятая паводле паліналагічных даных, атрыманых на апорных помніках яшчэ ў сярэдзіне XX ст., зараз пацвярджаецца радыёвугляроднымі датамі. На жаль, адсутнасць такіх дат на нашых тэрыторыях не дазваляе дакладна вызначыць месца ў сістэме міграцый носьбітаў культуры помнікаў, размешчаных у Заходнебугска-Прыпяцка-Нёманскім міжрэччы. Верагодней за ўсё, насельніцтва бrome на гэтых абшарах з’яўляецца ў канцы алерода – пачатку дрыяса III. Гістарычны лёс бrome лічыцца звязаным з наступнымі насельнікамі тэрыторыі міжрэчча Заходняга Буга, Прыпяці і Нёмана – валкушанскай/краснасельскай і арэнсбургскай культурам). Іншая частка носьбітаў дадзенай адзінкі мігрвала на паўночны ўсход, дзе існавала ў розных формах да канца дрыяса III.

ЛІТАРАТУРА

1. Исаенко В.Ф. Мезолит Припятского Полесья // КСИА. – 1977б. – Вып. 149. – С. 53-59.
2. Исаенко У.Ф. Лінгві культура // Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыкл. / Беларус. энцыкл.; Рэдкал.: В.В. Гетаў і інш. – Мінск: БелЭн, 1993. – С. 370.
3. Чарняўскі М.М. Помнікі лінгвіскай культуры // Археалогія Беларусі: у 4 т. / рэдкал. М.В. Біч (старш.). – Мінск: Беларус. навука, 1997-2001. – Т. 1: Каменны і бронзавы вякі / Э.М. Зайкоўскі [і інш.]. – 1997. – С. 31-35.
4. Абухоўскі В.С. Палеаліт Беларусі – сучасны стан і перспектыва даследаванняў // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski / redakcja tomu: Aleksander Koško, Alena Kalечыц. – Warszawa: Ośrodek Ochronny Dziedzictwa Archeologicznego Przedsiębiorstwo Poligraficzne «ДЕКА», 2004. – С. 67-79.
5. Калечыц А.Г. Лінгві культура // Археалогія Беларусі: энцыкл. У 2 т. – Т. 2. Л – Я / рэдкал. : Т. У. Бялова (гал. рэд.). – Мінск: Беларус. Энцыкл. Імя П. Броўкі, 2011. – С. 16-17.
6. Калечыц А.Г., Коласаў А.У., Абухоўскі В.С. Палеалітычныя помнікі Беларусі: (культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц). – Мінск: Беларус. навука, 2010. – 323 с.

² Трэба адзначыць, што ў айчыннай літаратуры валкушанская і краснасельская культуры, фактычна з’яўляюцца сінонімамі.

7. Калечыц А.Г. Чалавек і асяроддзе: каменны век, Заходняе Палессе. – Мінск: Беларус. навука, 2018. – 583 с.
8. Сорокин А.Н., Ошибкина С., Трусов А. На переломе эпох. – М., 2009. – 387 с.
9. Залізняк Л.Л. Фінальний палеоліт і мезоліт північного заходу Східної Європи. – Київ, 1999. – 283 с.
10. Васильев С.А. Финальный палеолит Дании // *Stratum plus. Время собирать камни.* – 1999. – № 1. – С. 211–218.
11. Onorati G., Combier J. Les Gravettiens de la Bourgogne a la Mediterranee relations avec le Gravettien oriental // *Восточный граветт / Под ред. Х.А. Амирханова.* – М.: Науч. мир, 1998. – С. 90–124.
12. De Molyn J. The Bromme Culture // *Notes on Denmark's most ancient culture.* – Utrecht, 1954. – P. 109–117.
13. Амирханов Х.А. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы? // *Восточный граветт. / Под ред. Х.А. Амирханова.* – М.: Науч. мир, 1998. – С. 15–34.
14. Векилова Е.А. Палеолитическая стоянка Борщево I // *МИА.* – 1953. – № 39. – С. 111–137.
15. The Late Gravettian Site of Kostënki 21 Layer III, Russia: a Chronocultural Reassessment Based on a New Interpretation of the Significance of Intra-site Spatial Patterning / N. Reynolds, M. Germonpré, A. A. Bessudnov, M. V. Sablin // *Journal of Paleolithic Archaeology.* – 2019. – № 2. – P. 160–210. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s41982-018-0018-6>.
16. Doronichev V., Golovanova L. Environment, Culture and Subsistence of Humans in the Caucasus between 40,000 and 10,000 Years Ago. – Cambridge Scholars Publishing, 2020. – 530 s.
17. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) сл.-справ. по археологии палеолита / С.А. Васильев, Г. Бозински, Б.А. Бредли, Л.Б. Вишняцкий, Е.Ю. Гирия, Ю.Н. Грибченко, М.Н. Желтова, А.Н. Тихонов. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2007. – 264 с. (*Archaeologica Petropolitana*, XX).
18. Fischer A., Nielsen F. Senistidens boplader ved Bromme. En genbearbejdning af Westerby's og Mathiassen's fund // *Aarboder for Nordisk Oldkyndighed og Historie* 1986. – Kobenhavn, 1987. – P. 5–42.
19. Sobkowiak-Tabaka I. Rozwoj społeczności federmešser na nizinie Srodkowoeuropejskiej. – Poznan, 2017. – 400 s.
20. Sauer F., Riede F. A Critical Reassessment of Cultural Taxonomies in the Central European Late Palaeolithic // *J Archaeol Method Theory.* – 2019. – №. 26. – P. 155–184. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s10816-018-9368-0>.
21. Were abrupt Lateglacial and early-Holocene climatic changes in northwest Europe linked to freshwater outbursts to the North Atlantic and Arctic Oceans? / A. Nesje, S. O. Dahl, J. Bakke // *The Holocene.* – 2004. – Vol. 14(2). – P. 299–310. – DOI: <https://doi.org/10.1191/0959683604hl708fa>.
22. Горшков А.Д. Природно-климатические условия и их влияние на степень заселения территории Беларуси в первобытную эпоху (40-8 тыс. лет. до н.э.) // *Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1. Гісторыі і археалогія. Філасофія. Паліталогія.* – 2022. – Т. 14, № 1. – С. 41–50.
23. Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация). – М., 2008. – 313 с.
24. Dating the Trollesgave site and the Bromme culture e chronological fix–points for the Lateglacial settlement of Southern Scandinavia / A. Fischer, M. Mortensen, P. Henriksen, D. Mathiassen, J. Olsen // *Journal of Archaeological Science.* – 2013. – № 40. – P. 4663–4674. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2013.06.026>.
25. Fischer A. The Fensmark settlement and the almost invisible Late Palaeolithic in Danish field archaeology // *Danish Journal of Archaeology.* – 2013. – Vol. 1, No. 2. – P. 123–141. – DOI: <https://doi.org/10.1080/21662282.2012.760895>.
26. Late Palaeolithic Nørre Lyngby – a northern outpost close to the west coast of Europe / A. Fischer, L. Clemmensen, R. Donahue, J. Heinemeier, H. Lykke-Andersen, R. Lysdahl, M. Mortensen, J. Olsen, P. Retersen // *Quartär.* – 2013. – № 60. – P. 137–162. – DOI: <https://doi.org/10.7485/QU60-7>.
27. Калечиц Е.Г. Палеогеография эпохи верхнего палеолита на территории Белоруссии и Брянской области: дисс. ... канд. геогр. наук: 11.00.04. – Минск, 1972. – 186 л.
28. Environmental impact of the Laacher See eruption at a large distance from the volcano: Integrated palaeoecological studies from Vorpommern (NE Germany) / P. Klerka, W. Janke, P. Kühn, M. Theuerkauf // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology.* – 2008. – № 270. – P. 196–214. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.palaeo.2008.09.013>.
29. Лисицын С.Н. Технокомплексы рубежа плейстоцена и голоцена в лесной зоне Восточной Европы // *Каменный век: от Атлантики до Пацифики // Замятинский сб.* – СПб.: МАЭ РАН; ИИМК РАН, 2014. – Вып. 3. – С. 85–109.
30. Залізняк Л.Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальное України. Культурний поділ та періодизація // *Кам'яна доба України.* – 2005. – Вип. 8. – 184 с.
31. Сеницына Г.В. О финальном палеолите на Валдайской возвышенности (дискуссионные вопросы) // *Твер. археол. сб.* – 2015. – Т. 1, вып. 5. – С. 11–23.
32. Ступак Д.В. Технології розщеплення кременю фінальнопалеолітичних і мезолітичних культур Українського Полісся: автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.04 «Археологія», Київ, 2017. – 387 с.
33. Szymczak K. Kultura perstuńska w paleolicie schyłkowym nizu srodkowoeuropejskiego // *Swiatowit, XXXVIII.* – Warszawa, 1991. – S. 143–188.
34. Szymczak K. Epoka kamienia Polski północnowschodniej na tle Środkowoeuropejskim. – Warszawa: Wydawnictwa Fundacji «Historia pro futuro», 1995. – 191 s.
35. Сеницына Г.В. О миграциях и автохтонном развитии культур финального палеолита на северо-западе Русской равнины // *Проблемы заселения Северо-Запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы) / Отв. ред. Г.В. Сеницына.* – СПб.: ИИМК РАН, 2013. – С. 152–181.
36. Лисицын С.Н. Экологический подход к периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжском регионе // *Stratum plus. Время собирать камни.* – 1999. – № 1. – С. 59–110.
37. Сеницына Г.В. Финальный палеолит Восточной Европы // *Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Н.Н. Гуриной (20–25 окт. 2009 г.) / Ред. С.А. Васильев.* – СПб.: ИИМК – С. 17–20.
38. Залізняк Л.Л. Доба катастроф у первісній Європі та її історичні наслідки // *Кам'яна доба України.* – 2008. – Вип. 11. – С. 96–115.

**ГЕНЕЗИС, ХРОНОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА КУЛЬТУРЫ БРОМЕ
В КОНТЕКСТЕ ОСВОЕНИЯ МЕЖДУРЕЧЬЯ ЗАПАДНОГО БУГА, ПРИПЯТИ И НЕМАНА
В ПОЗДНЕЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД**

А.Д. ГОРШКОВ

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

Статья посвящена проблемам хронологии и исторической судьбы культуры бrome в контексте заселения территории современной Беларуси, а в частности, междуречья Западного Буга, Припяти и Немана. Автором выполнен обзор историографии по проблеме исследования и обозначена степень изученности данных вопросов в белорусской исторической и археологической науке. Исходя из данных, полученных в результате полевых исследований на памятниках археологии, а также данных естественных наук, были сформулированы возможные варианты появления населения культуры бrome в результате воздействия природных катаклизмов, которые, в свою очередь, способствовали её формированию и освоению Западнобугско-Припятско-Неманского междуречья.

Ключевые слова: археология, культура бrome, финальный палеолит, первобытная история Беларуси.

**GENESIS, CHRONOLOGY AND HISTORICAL DESTINY OF THE BROMME CULTURE
IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF THE INTERFLUVE OF THE WESTERN BUG,
PRIPYAT AND NEMAN IN THE LATE GLACIAL**

A. HARSHKOU

(Yanka Kupala State University of Grodno)

The article is devoted to the problems of the chronology and historical fate of the Bromme culture in the context of the settlement of the territory of modern Belarus, and in particular, the interfluvium of the Western Bug, Pripyat and Neman. The author made a review of historiography on the research problem and indicates the degree of study of these issues in the Belarusian historical and archaeological science. Based on the data obtained as a result of field research on archaeological sites, as well as data from natural sciences, possible options for the appearance of the population of the Bromme culture as a result of natural disasters were formulated, which, in turn, contributed to its formation and development of the West Bug-Pripyat-Neman interfluvium in the future.

Keywords: archeology, Bromine culture, final Paleolithic, primitive history of Belarus.

УДК 903.25-033.5"653"(476.2-21)

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-11-17

**ШКЛЯНЫЯ БРАНЗАЛЕТЫ З ТЭРЫТОРЫІ СТАРАЖЫТНАГА ТУРАВА:
МАРФАЛОГІЯ І ТЭХНАЛОГІЯ ВЫТВОРЧАСЦІ****К. А. КУХАРАВА***(Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск)**e-mail: kukharava.katsiaryna@gmail.com*

Артыкул грунтуецца на аналізе 715 экзэмпляраў шклянных бранзалетаў (матэрыялы даследаванняў П.Ф. Лысенкі 1968 і 1992 гг.) з тэрыторыі дзядзінца і вакольнага горада старажытнага Турава. Вызначыны ўнутраны дыяметр бранзалетаў, форма, колеравая гама і дэкор. Дыяметр большасці бранзалетаў унісваецца ў межы 5–6 см (82,1%), вырабы большага дыяметру – каля 7–8 см – складаюць 9,1%, экзэмпляры меншага дыяметра – каля 4–4,5 см – 8,2%. Адносна формы пераважаюць вырабы гладкія акруглага сячэння (56,8%) і кручаныя (38,2%), значна менш экзэмпляраў падтрохвугольнага сячэння, плоска-выпуклых, рыфлёных і вітых. Колеравая гама вылучаецца дамінаваннем адценняў зялёнага, бірузовага і карычневага, у меншай ступені прадстаўлены вырабы сіня, фіялетавага і жоўтага, у адзінкавых экзэмплярах – з чырвонага заглашанага шкла. Дэкор маюць 13,3% вырабаў, самы распаўсюджаны спосаб – перавіццё жоўтай непразрыстай ніццю. Вылучана група вырабаў са спецыфічнай тэхналагічнай характарыстыкай – наяўнасцю металічнага дроту ўнутры шклянога абруча.

Ключавыя словы: археалогія, Сярэднявечча, старажытнарускі горад, матэрыяльная культура, шклянныя ўпрыгажэнні, шклянныя бранзалеты.

Уводзіны. Старажытны Тураў (сёння г. п. Тураў Жыткавіцкага раёна) размешчаны на прыродным узвышшы ў месцы ўпадзення ў р. Прыпяць яе прытока р. Язды. Помнік складаецца з дзвюх частак, падзеленых ровам: дзядзінца (паўночна-заходняя мысавая частка плошчай каля 7500 м²) і вакольнага горада (паўднёва-ўсходняя частка плошчай каля 15000 м²) [1, с. 51]. Сёння на адзначанай тэрыторыі размяшчаецца музей, а таксама жылая і гаспадарчая забудова горада.

Пачатак археалагічнага вывучэння старажытнага Турава адносіцца да 1927 г., калі ў межах разведак краязнаўчага таварыства Белдзяржуніверсітэта А.Д. Каваленем і С.С. Шутавым было абследавана і апісана гарадзішча, зняты план мясцовасці. Закладзеныя даследчыкамі шурфы выявілі магутны культурны слой (звыш 2 м на дзядзінцы і 2,5 м на вакольным горадзе) з наяўнасцю старажытнарускіх матэрыялаў [2, с. 373–374]. Першыя паўнамаштабныя раскопкі былі праведзены на тэрыторыі дзядзінца ў 1961 г. М.Д. Полубаярынавай у межах экспедыцыі атрада Інстытута археалогіі АН СССР. З 1962 г. даследаванне працягнуў П.Ф. Лысенка. Экспедыцыі працягваліся ў 1963, 1968 і 2004 гг. У выніку даследавання плошча склала каля 840 м² [1; 3; 4; 5].

Вывучэнне тэрыторыі вакольнага горада было звязана з выяўленымі ў 1961 г. М.Д. Полубаярынавай і П.А. Раппапортам рэшткамі мураванага збудавання [1, с. 71]. У 1962 г. М.К. Каргерам была ўстаноўлена яго лакалізацыя, даследчык інтэрпрэтаваў помнік як храм сярэдзіны – другой паловы XII ст. У 1963 г. у межах Галіцка-Валынскай архітэктурна-археалагічнай экспедыцыі Ленінградскага ўніверсітэта М.К. Каргерам была ўскрыта ўся плошча храма (каля 490 м²) [6]. У 1992–1993 гг. помнік даследаваў П.Ф. Лысенка з мэтай музефікацыі парэшткаў і пабудовы новага храма на гэтым месцы. Раскопы агульнай плошчай 432 м² ахоплівалі тэрыторыю на поўдзень ад развалаў храма [7; 8].

Такім чынам, у выніку археалагічнага вывучэння гарадзішча старажытнага Турава на працягу XX – пачатку XXI ст. была даследавана плошча каля 1760 м², якая ўключала рэшткі жылой, гаспадарчай і культавай забудовы. Накоплена калекцыя вырабаў са шкла колькасцю каля 3000 прадметаў, сярод якіх фрагменты посуду, ваконнага шкла, пацеркі, пярсцёнкі, а таксама магчымыя адыходы шкларобнай вытворчасці¹. Аднак найбольш колькасную групу вырабаў складаюць шклянныя бранзалеты, прадстаўленыя прыкладна 2300 экзэмплярамі, у тым ліку 2 цэлымі бранзалетамі (дзядзінец – 1600 адзінак, вакольны горад – 750)².

Нягледзячы на масавасць, у навуковы абарот адзначаная катэгорыя шклянных упрыгажэнняў уведзена толькі часткова. Ю.Л. Шчапавай прааналізавана калекцыя 1962 г. (529 фрагментаў). На аснове колеравай гамы і вынікаў хімічнага аналізу невялікай часткі бранзалетаў даследчыца аднесла тураўскія бранзалеты да кіёўскай вытворчасці [9, с. 157–158]. У манаграфіі П.Ф. Лысенкі, якая абагульняе вынікі даследаванняў старажытнага Турава, дадзена толькі статыстычная выкладка бранзалетаў па форме, колеру і стратыграфічных сляях. Аднак уведзена яна не з агульнай колькасці наяўнага матэрыялу, якую адзначае аўтар (2300 экзэмпляраў), а толькі на аснове 267 фрагментаў, якія адносяцца, верагодна³, да калекцыі 1992 г. [10, с. 64–65]. Такім чынам, шклянныя бранзалеты з тэрыторыі старажытнага Турава так і не былі комплексна прааналізаваны.

¹ Шклянныя шлакі, кавалкі аплаўленай шкламасы.

² Калекцыі захоўваюцца ў фондах Тураўскага краязнаўчага музея, Інстытута гісторыі НАН Беларусі, Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь.

³ Вынік зроблены, выходзячы з колькасці бранзалетаў, узгаданых у статыстычнай выкладцы.

Асноўная частка. Падчас даследавання шкляных вырабаў марфалагічныя і тэхналагічныя прыкметы часта разглядаюцца ў сукупнасці, што абумоўлена іх узаемасувяззю. Гэты падыход сфарміраваны яшчэ ў 1960-х гг. М.Д. Полубаярынавай, якая пры апрацоўцы шкляных бранзалетаў са старажытнага Ноўгарада распрацавала класіфікацыйную схему, пабудаваную на аснове марфалогіі прадмета, колеру і тэхналагічных прыкмет вытворчасці [11]. У далейшым Ю.Л. Шчапавай была распрацавана ўніфікаваная схема характарыстыкі знешніх уласцівасцей шкляных бранзалетаў, таксама заснаваная на марфалагічных і часткова тэхналагічных прыкметах [12]. У якасці асноўных характарыстык выступаюць унутраны дыяметр бранзалета, форма сячэння абруча, колер шкла, наяўнасць і асаблівасці дэкору. Унутраны дыяметр бранзалета ўказвае на памер вырабу і можа сведчыць аб спосабе нашэння ўпрыгажэння. Форма сячэння шклянога абруча адлюстраввае тэхналогію вытворчасці. Паводле гэтай характарыстыкі традыцыйна вылучаюцца наступныя групы бранзалетаў: гладкія акруглага сячэння, кручаныя, вітыя, плоска-выпуклыя (або сегментападобнага сячэння), рыфленыя, падтрохвугольнага сячэння, плоскія. Колер шкла залежыць ад складу шыхты, можа ўказваць на асаблівасці выкарыстанай сыравіны і тэхналагічныя дадаткі, у тым ліку фарбавальнік. Дэкор адсылае да тэхналогіі вытворчасці і мастацкай вартасці ўпрыгажэння. Такім чынам, вывучэнне марфалагічных і тэхналагічных прыкмет шкляных бранзалетаў дазваляе ўстанавіць усе магчымыя варыянты вырабаў і вылучыць дамінуючыя сярод іх, на аснове чаго можна меркаваць аб спосабах нашэння гэтых упрыгажэнняў, модных тэндэнцыях пэўнага перыяду ці мясцовасці, а таксама сфарміраваць падмурак для вывучэння тэхналогіі вытворчасці.

У аснове дадзенай публікацыі лёг аналіз выбаркі з 715 экзэмпляраў шкляных бранзалетаў (713 фрагментаў і 2 цэлыя вырабы), даступных для апрацоўкі на момант правядзення даследавання. Матэрыялы з дзядзінца прадстаўлены 302 фрагментамі шкляных бранзалетаў, якія паходзяць з раскопак П.Ф. Лысенкі 1968 г. Матэрыялы з тэрыторыі вакольнага горада прадстаўлены калекцыяй бранзалетаў з раскопак П.Ф. Лысенкі 1992 г. колькасцю 266 фрагментаў. 147 фрагментаў бранзалетаў з апрацаванай выбаркі дэпашпартызаваны⁴. Прааналізаваны такія характарыстыкі, як дыяметр і дыяметр сячэння бранзалета, форма сячэння шклянога абруча, колер шкла, наяўнасць і асаблівасці дэкору.

Шкляныя бранзалеты ў культурным слоі старажытнага Турава ў масавай колькасці фіксуюцца з верхняга гарызонта V стратыграфічнага слоя, які датуецца пачаткам XI ст., да ніжняга гарызонта III стратыграфічнага слоя, які прыпадае на другую палову XIII ст. Пік распаўсюджвання дадзеных упрыгажэнняў, згодна са справаздачамі, прыпадае на IV стратыграфічны слой, які датуецца П.Ф. Лысенкам XII – першай паловай XIII ст. У III слоі, які прыпадае на другую палову XIII – XVI стст., колькасць бранзалетаў зніжаецца, аднак яны працягваюць даволі масава фіксавацца ў ніжнім гарызонце адзначанага слоя, датуемага другой паловай XIII ст. [4; 8; 10, с. 31–36].

Аб'ектыўна параўнаць распаўсюджанне шкляных бранзалетаў на тэрыторыі дзядзінца і вакольнага горада старажытнага Турава на дадзеным этапе даследавання складана з-за рознага памеру даследаванай плошчы, а таксама рознага характару выяўленай забудовы. На вакольным горадзе даследаваліся руіны храма і тэрыторыя, прылеглая да іх. Шкляных бранзалетаў там сустрэта значна менш, чым на тэрыторыі гаспадарчай і жылой забудовы дзядзінца, таму калекцыя разглядалася ў сукупнасці.

Дыяметр большасці бранзалетаў, для якіх было магчыма вызначыць дадзеную характарыстыку (75% ад агульнай колькасці вырабаў), упісваецца ў межы 5–6 см (82,1%), пры пераважаючых значэннях каля 6 см (61%). Вырабы большага дыяметра – каля 7–8 см – складаюць 9,1% і, верагодна, насіліся не на запяскі, як бранзалеты стандартнага памеру, а вышэй за локаць [13, с. 278]. Экзэмпляры меншага дыяметра – каля 4–4,5 см (8,2%), могуць адносіцца да дзіцячых упрыгажэнняў, што пацвярджаецца знаходкай з пахавання некропаля Богаўленскага манастыра Масквы [14, с. 46–47]. Адзін экзэмпляр з апрацаванай выбаркі мае дыяметр 3 см. Падобныя вырабы маглі выконваць функцыю не бранзалетаў, а шкляных кольцаў, якія ўпляталіся ў валасы або нашываліся на дэталі касцюма [15, р. 238]. А.У. Касцюкевіч прапаноўвае варыянт нашэння іх у складзе караляў [16, с. 419]. М.М. Яніцкая разглядае такія вырабы ў якасці шкляных скроневых кольцаў [17, с. 54].

Дыяметр бранзалета карэлюе з дыяметрам сячэння шклянога абруча: для бранзалетаў малага дыяметра (3–4,5 см) характэрны дыяметр сячэння 0,3 – 0,5 см, дыяметр 5–7 см – дыяметр сячэння 0,4 – 0,8 см, дыяметр 7,5–8 см – дыяметр сячэння 0,6 – 1,1 см.

Колеравая гама шкляных бранзалетаў (табліца) з тэрыторыі старажытнага Турава характарызуецца дамінаваннем адценняў зялёнага (31,6%), бірузовага (24,9%) і карычневага (15,6%), радзей сустракаюцца вырабы сінія (9,1%), фіялетаваыя (8,7%) і жоўтыя (5,2%), у адзінкавых экзэмплярах – бранзалеты з чырвонага заглушанага шкла (0,6%). У 4,3% экзэмпляраў колер выявіць не ўдалося. Дадзеная статыстыка не супярэчыць апублікаваным Ю.Л. Шчапавай даным паводле калекцыі 1962 г. і інфармацыі з вопісу матэрыялаў з раскопак П.Ф. Лысенкі на тэрыторыі вакольнага горада ў 1993 г. [9, с. 157; 8, с. 46–52].

Паводле формы сячэння шклянога абруча пераважаюць вырабы гладкія акруглыя ў сячэнні (56,8%), вырабленыя шляхам свабоднага выцягвання шкляной палачкі з далейшым злучэннем канцоў праз зварку і прасаванне на плоскасць (малюнак 1, №№ 1–5, 7). Для дадзенай групы вырабаў уласцівы невялікі дыяметр сячэння – 0,3 – 0,6 см, пры пераважаючым унутраным дыяметры бранзалета да 6 см. Суадносіны колераў унутры групы (гл. табліцу) адрозніваюцца ад агульнай статыстыкі большым адсоткам карычневых бранзалетаў (23,7%)

⁴ Матэрыялы з фондаў і экспазіцыі Тураўскага краязнаўчага музея.

і жоўтых (6,9%) і меншым – сініх (2,6%). Пры гэтым зялёныя (28%), бірузовыя (23,4%) і фіялетаваыя (9%) вырабы захоўваюць сваю колькасць. Адзначым, што да дадзенай групы адносіцца 85% ад усіх экзэмпляраў карычневага колеру і 74% ад агульнай колькасці жоўтых вырабаў. Адзін экзэмпляр гладкага круглага бранзалета жоўтага колеру быў выяўлены ў цэлай форме, аднак на сённяшні момант, на жаль, фрагментаваны. Тым не менш можна адзначыць яго дыяметр – 5 см.

Табліца. – Колеравая гама бранзалетаў

Колер/форма	Гладкія акруглага сячэння	Кручанья	Вітыя	Трохвугольнага сячэння	Плоска-выпуклыя	Рыфлёныя	Не вызначана	Усяго
зялёны	117	96	3	5	–	1	4	226
бірузовы	97	78	–	1	1	1	2	180
карычневы	97	14	1	–	–	–	–	112
фіялетаваы	37	26	–	–	1	–	1	65
сіні	10	36	1	4	2	5	3	61
жоўты	27	10	–	–	–	–	–	37
чырвоны	–	2	–	–	–	–	–	2
чорны	1	–	–	–	–	–	–	1
не вызначана	16	12	–	–	–	–	3	31
Усяго	402	274	5	10	4	7	13	715

Другая група – кручанья бранзалеты (38,2%), вырабленыя шляхам перакручвання выцягнутай праз форму або свабодна шкляной палачкі з далейшым злучэннем канцоў праз зварку і прасаванне на плоскасць (малюнак 1, №№ 6, 8–13, 16, 25). Характарызуюцца большым дыяметрам сячэння – 0,5 – 0,8 см, пры дыяметры шклянога абруча каля 6 см. Да адзначанай групы належаць усе вырабы з чырвонага (пячоначнага) заглушанага шкла (4 фрагменты, 1,4% ад усіх кручаных бранзалетаў) і больш за палову (57%) бранзалетаў сіняга колеру. Дамінуюць экзэмпляры адценняў зялёнага (34%) і бірузовага (28%), пры значнай колькасці сініх (13,7%) і фіялетаваых (9,1%). Значна менш вырабаў карычневых (4,9%) і жоўтых (3,5%).

Трэцяя група – бранзалеты падтрохвугольнага сячэння (1,4%), вырабляліся навіўкай шкляной масы на балванку, у выніку чаго атрымліваўся суцэльны бранзалет без слядоў злучэння (малюнак 1, №№ 17, 20). Падтрохвугольная форма, верагодна, надавалася шчыпцамі або нанясеннем барозд, аб чым сведчаць вылучанае цэнтральнае рабро і экзэмпляры з невыразнай рабрыстасцю ўсяго бранзалета. Дыяметр шклянога абруча вырабаў адзначанага тыпу складае 6–8 см. Колеравая гама прадстаўлена адценнямі зялёнага (5 экзэмпляраў), сіняга (4 экзэмпляры) і бірузовым (1 экзэмпляр).

Рыфлёныя бранзалеты – чацвёртая група (1%), атрыманыя шляхам выцягвання шкляной палачкі праз форму або нанясеннем барозд на свабодна выцягнутую шкляную палачку з далейшым злучэннем канцоў (малюнак 1, № 14). Два з выяўленых экзэмпляраў маюць рыфленне толькі з унутранага боку. Сярод колеравай гамы дамінуе сіні (5 фрагментаў), сустракаецца зялёны і бірузовы (па 1 фрагменце). Характэрны даволі вялікі дыяметр сячэння шклянога абруча (0,6 – 1 см), чаму адпавядае дыяметр бранзалета (6–7 см).

Бранзалеты плоска-выпуклыя (сегментападобнага сячэння) (5 экзэмпляраў, што складае 0,6% ад агульнай колькасці) – пятая група – вырабленыя навіўкай шкляной масы на балванку або выцягваннем на плоскасць і злучэннем канцоў (малюнак 1, №№ 18, 19). Пераважаюць вырабы сіняга колеру (3 экзэмпляры), па адным фрагменце прадстаўлены фіялетаваы і бірузовы. Дыяметр абруча 6–7 см.

Адзін з сініх бранзалетаў сегментападобнага сячэння захаваны ў поўнай форме (малюнак 1, № 19). Ён выраблены, верагодна, шляхам навіўкі, аб чым сведчыць адсутнасць злучальнага шва. Паверхня бранзалета, магчыма, падвяргалася вогненнай паліроўцы. З унутранага боку бранзалет пакрыты неглыбокімі рыскамі/расчосамі, што можа ўказваць на іншы спосаб вытворчасці: расцягванне кавалку шкла з дапамогай спецыяльных пругоў. Бранзалет мае падавальную форму, з дыяметрам каля 4,5–5 см. Адносіцца да матэрыялаў даследаванняў 1993 г. на тэрыторыі вакольнага горада, паходзіць з пабудовы, якая выяўлена ў 14 раскопачным пласце і датуецца П.Ф. Лысенкам 80-мі гг. XI – пачаткам XII ст. [8, с. 33–36; 10, с. 49–50].

Шостая група – вітыя бранзалеты (0,7%), вырабленыя шляхам перавіцця дзвюх (2 экзэмпляры) або чатырох (3 экзэмпляры) шкляных палачак з далейшым змацаваннем канцоў (малюнак 1, № 15). Унутраны дыяметр бранзалетаў дадзенага тыпу складае 4,5 або 6 см. Колеравая гама прадстаўлена зялёным, сінімі і карычневым (гл. табліцу).

Дэкор маюць бранзалеты гладкія акруглага сячэння, кручанья і рыфлёныя. Найбольш распаўсюджаны спосаб дэкаравання – накладанне адной або некалькіх шкляных ніцей з паўпразрыстага або непразрыстага шкла, часцей за ўсё жоўтага, рэдка – чырвонага колеру. Сустракаюцца вырабы, перавітыя адначасова некалькімі ніцямі аднаго або розных колераў. Перавіццё можа быць выпуклым (малюнак 1, № 7), аднак часцей шчыльна ўваходзіць у паверхню абруча (малюнак 1, №№ 2, 5, 16). Перавіццём дэкарыравана 9% гладкіх бранзалетаў круглага сячэння карычневага, бірузовага, зялёнага і жоўтага колераў і 17,2% кручаных бранзалетаў у асноўным зялёнага і бірузовага колераў, у адзінкавых выпадках – сіняга і карычневага. Адначасова ніцямі жоўтага і чырвонага колеру дэкараваны толькі зялёныя бранзалеты аліўкавага адцення (малюнак 1, № 16).

1–5, 7 – гладкія круглага сячэння; 6, 8–13, 16, 25 – кручаныя; 14 – рыфлены; 15 – віты; 17, 20 – падтрохвугольнага сячэння; 18–19 – плоска-выпуклыя; 21 – філігранны; 22–23, 26 – гладкія акруглага сячэння з дротам; 28 – кручаны з дротам; 24 – гладкі акруглага сячэння са скразной дзірачкай; 27 – кручаны са скразной дзірачкай

Малюнак 1. – Шклянныя бранзалеты з тэрыторыі старажытнага Турава. Фотаздымкі аўтара

Другі варыянт дэкору – уздоўж накладзеная паласа (малюнак 1, № 3) жоўтага або светлага/бежавага заглушанага шкла (6 экзэмпляраў). Такім спосабам упрыгожаны бранзалеты гладкія круглыя ў сячэнні і адзін рыфлены. Магчыма, падобныя вырабы можна разглядаць як незавершанае перавіццё. Пасля нанясення ніці шкляная палачка павінна была перакручвацца, аднак майстар прапусціў гэты этап і атрымаўся ўздоўжны дэкор.

Тры фрагменты бранзалетаў маюць унутры перакручаную ніць шкла кантраснага колеру або бясколерную. Т.С. Скрыпчанка прапанавала называць такія вырабы “філіграннымі” па аналогіі з венецыянскім шклом [18, с. 96–98]. Два бранзалеты (жоўты з чырвонымі ніцямі ўнутры і зялёны з бясколернымі ніцямі) адносяцца, паводле Т.С. Скрыпчанка, да складаных філігранных бранзалетаў прастай формы (гладкі круглага сячэння бранзалет, унутры якога па цэнтру размяшчаюцца перакручаныя снапкі ніцяў). Такія ўпрыгажэнні маглі вырабляцца шляхам накладання шкляных ніцяў на першасны стрыжань, яго кручэння і нанясення другога слоя. У нашым выпадку дэкор дапоўнены зверху перавіццём жоўтай ніццю. Трэці бранзалет – жоўты кручаны са снапком перакручаных чырвоных ніцяў унутры – складаны ўскладнаеннай формы, паводле Т.С. Скрыпчанка (малюнак 1, № 21). У дадзеным выпадку тэхналогія вытворчасці дапаўнялася кручэннем стрыжня пасля нанясення другога слоя шкла.

У 32 артэфектаў з апрацаванай выбаркі (4,5% ад агульнай колькасці) адзначана спецыфічная тэхналагічная характарыстыка: наяўнасць металічнага дрота ўнутры шклянога абруча (малюнак 1, №№ 22–24, 26–28). Прысутнічае яна ў двух тыпаў бранзалетаў: гладкіх круглага сячэння (24 фрагменты) і кручаных (8 фрагментаў). Дыяметр бранзалета і дыяметр сячэння шклянога абруча не вылучаюцца з агульнай характарыстыкі вырабаў адзначаных тыпаў. Колеравая гама прадстаўлена адценнямі бірузовага (20 фрагментаў), зялёнага (8 фрагментаў), сіняга (1 фрагмент), карычневага (2 фрагменты) і фіялетавага (1 фрагмент). Сустрэкаюцца адзначаныя вырабы як на тэрыторыі дзядзінца, так і вакольнага горада, паходзяць з розных частак даследаванай плошчы, не прывязаны да жылля, печы ці іншых аб’ектаў. Большасць фрагментаў (21 адз.) адносяцца да пластоў, якія даюцца XII – XIII стст., частка (3 фрагменты) – з пераадкладзенага слоя, частка (8 фрагментаў) – дэпазитарызавана.

Варта адзначыць складанасць выяўлення дрота ў бранзалетах, асабліва са шкла цёмнага адцення або заглушанага. У абсалютнай большасці зафіксаваных выпадкаў шкло празрыстае або паўпразрыстае, што дало магчымасць зафіксаваць наяўнасць спецыфічнай характарыстыкі выраба. У частцы артэфектаў наяўнасць дрота пацверджана толькі на прасвет або па зломе.

Дрот сустракаецца двух відаў:

1) каля 0,3 – 0,5 мм шэрага або чырвонага колеру (малюнак 1, №№ 22–23, 26), які праходзіць прыкладна па цэнтры шклянога абруча (найчасцей гэта бранзалеты гладкія акруглага сячэння зялёнага ці бірузовага колеру (19 фрагментаў), кручаныя вырабы прадстаўлены выключна бірузовым (4 фрагменты); вылучаецца адзіны фрагмент гладкага бранзалета карычневага колеру;

2) каля 0,1 – 0,2 мм шэрага колеру (малюнак 1, № 28), які праходзіць у знешняй або цэнтральнай частцы шклянога абруча (сустракаецца у кручаных (3 фрагменты) і гладкіх акруглага сячэння (3 фрагменты) экзэмплярах бірузовага колеру).

У першым выпадку шкляны абруч пранізваюць адна або дзве (большага і меншага дыяметру) драцінкі, у другім – дзве і больш. Дрот часта размешчаны ўнутры шкла няроўна: можа перарывацца, ісці па цэнтры, затым прыбліжацца да знешняй або ўнутранай часткі бранзалета. Імаверна, у шкляную масу дрот быў уведзены на адным з першых этапаў фармавання выраба, так як у артэфектах, якія адносяцца да тыпу кручаных, ён паўтарае віткі бранзалета. Аднак мэта і спосаб увядзення металічнага дрота ў шкляны бранзалет застаюцца нераскрытымі. Трываласці вырабу дрот не дадае, так як з’яўляецца занадта тонкім і з лёгкасцю можа заламацца падчас расколвання шкла. Эстэтычная функцыя, як у выпадку з філіграннымі бранзалетамі, таксама малаверагодная. Магчыма, дрот быў неабходны на этапе выцягвання з расплаўленай шкламасы шкляной палачкі або надання ёй неабходнай формы ці змацавання канцоў. Аднак, на дадзены момант не зусім зразумела, якім чынам гэта магло адбывацца.

Таксама адзначым наяўнасць у калекцыі фрагментаў вырабаў са скразной дзірачкай каля 0,7 – 1 мм дыяметрам, якая праходзіць прыкладна па цэнтры абруча. Сустрэкаецца дадзеная характарыстыка ў 2 бранзалетаў: гладкага акруглага сячэння фіялетавага колеру і кручанага сіняга колеру. Пры гэтым у выпадку кручанага бранзалета дзірачка, як і драцінка, паўтарае віткі шкла (малюнак 1, №№ 24, 27) Магчыма, дадзеныя бранзалеты вырабляліся па схеме, падобнай да вырабу бранзалетаў з дротам.

Заклучэнне. Праведзены аналіз марфалагічных і тэхналагічных прыкмет шкляных бранзалетаў старажытнага Турава паказаў, што на тэрыторыі помніку пераважаюць вырабы гладкія акруглага сячэння (56,8%) і кручаныя (38,2%), пры невялікім адсотку экзэмпляраў падтрохвугольнага сячэння, плоска-выпуклых, рыфленых і вітых. Дыяметр большасці бранзалетаў упісваецца ў межы 5–6 см (82,1%), пры пераважаючых значэннях каля 6 см (61%), што сведчыць на карысць нашэння дадзеных упрыгажэнняў на запяскі. Колеравая гама вылучаецца дамінаваннем адценняў зялёнага (31,6%), бірузовага (24,9%) і карычневага (15,6%) шкла. У меншай ступені прадстаўлены вырабы сіня (9,1%), фіялетавага (8,7%) і жоўтыя (5,2%), у адзінкавых экзэмплярах – з чырвонага заглушанага шкла (0,6%). 13,3% вырабаў маюць дэкор; самы распаўсюджаны спосаб – перавіццё абруча жоўтай непразрыстай ніццю. Пры гэтым накладаннем ніці часцей дэкараваны вырабы кручаныя. Сустрэкаецца і больш складаная тэхніка: размяшчэнне дэкору ўнутры шклянога абруча (філігранныя бранзалеты паводле Т.С. Скрыпчанка). З тэрыторыі Турава паходзіць тры фрагменты, упрыгожаныя адзначаным спосабам. Падобныя бранзалеты таксама выяўлены на тэрыторыі Беларусі ў Рагачове, Копысі, Свіслачы, Мазыры, Маскавічах, Вішчыне [18,

с. 96–98]. К.К. Сталярова адзначае характэрнасць дадзеных знаходак для Заходняй Русі. Аднак сустракаюцца яны і ў калекцыях Масквы і Яраслаўля [13, с. 277–278]. Як правіла, прадстаўлены адзінкавымі знаходкамі.

Важнай асаблівасцю прааналізаванай калекцыі з’яўляецца наяўнасць вырабаў са спецыфічнай тэхналагічнай характарыстыкай – металічным дротам унутры шклянога абруча. Колькасць артэфактаў з дадзенай прыкметай складае 4,5%. Аналогіі сярод апублікаваных калекцый дадзеным вырабам пакуль выявіць не ўдалося. Аднак аўтарам зафіксавана наяўнасць шкляных бранзалетаў з металічным дротам унутры шкляной масы ў калекцыях з тэрыторыі Клецка і Пінска (падчас працы з калекцыямі). Гэта паказвае неабходнасць больш дасканаллага агляду шкляных вырабаў падчас даследавання, у тым ліку прасвечвання, мікраскапіі, пры неабходнасці – вывучэння сколу. Дадае пытанне патрабуе асобнага даследавання тэхналагічнага аспекту ўвядзення дроту ў шкламасу, а таксама перагляду калекцый з мэтай вызначэння межаў распаўсюджвання шкляных вырабаў з дротам, іх асаблівасцей і паходжання.

ЛІТАРАТУРА

1. Седов В.В., Полубояринова М.Д. Отчёт о полевых археологических работах на территории Белорусской ССР в 1961 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Воп. 1. – Арх. № 115. – 138 с.
2. Каваленя А.Дз., Шутаў С.С. Матэрыялы з дагісторыі Тураўшчыны // Запіскі аддзела гуманітарных навук БАН. – Кн. 11. Працы археалагічнай камісіі. – Т. 2. – Мінск, 1930. – С. 339–379.
3. Лысенко П.Ф. Текстовый отчет о полевой работе Туровского отряда археологической экспедиции Института истории АН БССР за 1962 год // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Воп. 1. – Арх. № 177. – 56 с.
4. Лысенко П.Ф. Отчет о полевой работе Туровского отряда археологической экспедиции Института истории АН БССР в 1968 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Воп. 1. – Арх. №№ 330, 330а. – 24 с.
5. Лысенко П.Ф. Отчет о полевых исследованиях Туровской группы Днепровского отряда археологической экспедиции Института истории НАН Беларуси в 2004 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Воп. 1. – Арх. № 2190. – 43 с.
6. Каргер М.К. Отчет о раскопках руин древнего храма XII в. в Турове в 1963 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 229. – 23 с.
7. Лысенко П.Ф. Отчет за 1992 г. Храм XII века в г. п. Туров Житковичского района Гомельской области. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Воп. 1. – Арх. № 1408. – 138 с.
8. Лысенко П.Ф. Отчет о полевых исследованиях Туровского археологического отряда за 1993 г. (раскопки древнего Турова) // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Воп. 1. – Арх. № 1584. – 152 с.
9. Шапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 215 с.
10. Лысенко П.Ф. Древний Туров. – Минск: Беларуская навука, 2004. – 180 с.
11. Полубояринова М.Д. Стекланные браслеты древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1963. – Т. 3, № 117. – С. 164–199.
12. Шапова Ю.Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 119 с.
13. Столярова Е.К. Стекланные браслеты городов северо-востока Руси // Балканы, Подунавье и Восточная Европа в римское время и эпоху Средневековья: Материалы II российско-сербской археологической конф. «Славяне в мире Балкан и Восточной Европы: историко-археологическая панорама». – М.: ИА РАН, Музей Воеводины, 2022. – С. 273–286.
14. Столярова Е.К. Стекло средневековой Москвы: XII—XIV века. – М.: РГГУ, 2016. – 692 с.
15. Steiner M.L. An Analysis of the Islamic Glass Bracelets Found at Tell abu Sarbut // Sacred and Sweet. Studies on the Material Culture of Tell Deit ‘Ala and Tell Abu Sarbut / Eds. M.L. Sterner, E.J. van der Steen. Leuven, Paris, Dudley, MA, 2008. – P. 231–239.
16. Костюкевич А.В. Стекланные украшения // Друцк / науч. ред. О.Н. Левко. – Минск: Беларуская навука, 2014. – С. 410–431.
17. Яніцкая М.М. Выгокі шкларобства Беларусі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – 160 с.
18. Скрипченко Т.С. О производстве двухслойных и филигранных стекланных браслетов // Древнерусское государство и славяне. – Минск: Наука и техника, 1983. – С. 96–98.

Паступіў 11.04.2023

СТЕКЛЯННЫЕ БРАСЛЕТЫ С ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕГО ТУРОВА: МОРФОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА

Е.А. КУХАРЕВА

(Институт истории НАН Беларуси, Минск)

Статья основывается на анализе 715 экземпляров стекланных браслетов (материалы исследований П.Ф. Лысенко 1968 и 1992 гг.) с территории детинца и окольного города древнего Турова. Определён внутренний диаметр браслетов, форма, цветовая гамма и декор. Диаметр большинства браслетов вписывается в пределы 5–6 см (82,1%), изделия большего диаметра – около 7–8 см – составляют 9,1%, экземпляры меньшего диаметра – около 4–4,5 см – 8,2%. Относительно формы преобладают изделия гладкие округлого сечения (56,8%) и крученые (38,2%), значительно меньше экземпляров подтреугольного сечения, плоско-выпуклых, рифленых и витых. Цветовая гамма выделяется доминированием оттенков зеленого, бирюзового и коричневого, в меньшей

степени представлены изделия синие, фиолетовые и желтые, в единичных экземплярах – из красного заглушенного стекла. Декор имеют 13,3% изделий, самый распространенный способ – перевитие обруча желтой непрозрачной нитью. Выделена группа изделий со специфической технологической характеристикой – наличием металлической проволоки внутри стеклянного обруча.

Ключевые слова: археология, средневековье, древнерусский город, материальная культура, стеклянные украшения, стеклянные браслеты.

GLASS BRACELETS FROM THE TERRITORY OF ANCIENT TUROV: MORPHOLOGY AND PRODUCTION TECHNOLOGY

K. KUKHARAVA

(Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

The article is based on the analysis of 715 copies of glass bracelets (materials of P. F. Lysenko research in 1968 and 1992) from the territory of detinets and the roundabout city of ancient Turov. The inner diameter of the bracelets, shape, color scheme and decor are determined. The diameter of most bracelets fits within the limits of 5-6 cm (82.1%), products of a larger diameter – about 7-8 cm – make up 9.1%, specimens of a smaller diameter – about 4-4.5 cm – 8.2%. With respect to the shape, smooth products of rounded cross-section (56.8%) and twisted (38.2%) predominate, there are significantly fewer instances of sub-triangular cross-section, flat-convex, grooved and twisted. The color scheme is distinguished by the dominance of shades of green, turquoise and brown, blue, purple and yellow products are presented to a lesser extent, in single copies – from red muffled glass. Decor has 13.3% of products, the most common way is to twist the hoop with a yellow opaque thread. A group of products with a specific technological characteristic is identified – the presence of metal wire inside a glass hoop.

Keywords: archeology, Middle Ages, ancient Russian city, material culture, glass jewelry, glass bracelets.

УДК 903.25:671.121.9"638"(476)

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-18-23

АБ НОВЫХ ЗНАХОДКАХ СЯКЕРАПАДОБНЫХ ПАДВЕСАК НА ТЭРЫТОРЫ БЕЛАРУСІ

У.А. ЛУЧШАВА

(Институт гісторыі НАН Беларусі, Мінск)

e-mail: luchsheva99@tut.by

Праца прысвечана сякерападобным падвескам з тэрыторыі Беларусі, якія былі знойдзены за апошнія гады. Разгледжаны пытанні інтэрпрэтацыі дадзеных упрыгожанняў, іх датыроўка і картаграфія. Падвескі з тэрыторыі Прыпяцкага Палесся з'яўляюцца сведчаннем суіснавання гоцкага насельніцтва і насельніцтва ўсходнееўрапейскай лясной зоны на працягу большай часткі гунскага часу, а "сякеркі" з тэрыторыі Панямоння – аб паступовым перамяшчэнні часткі гоцкага насельніцтва ў бок сучаснай Літвы. Прадстаўленыя вышковыя могуць быць выкарыстаны для далейшага вывучэння кантактаў усходнееўрапейскай лясной зоны і гоцкага насельніцтва ў гэты перыяд.

Ключавыя словы: археалогія Беларусі, жалезны век, познерымскі час, вельбарская культура, готы, шыйныя ўпрыгожання, сякерападобныя падвескі, картаграфія, тыпалогія.

Уводзіны. Сякерападобныя падвескі ўяўляюць сабой мініяцюрныя выявы сякерак. Яны з'явіліся на тэрыторыі Міжземнамор'я ў антычны перыяд і бытавалі ў культуры народаў Еўропы да ранняга Сярэднявечча ўключна. У I ст. да н.э. – п.п. III ст. н.э. падвескі, якія імітуюць адно- або дзвухлязовыя сякеры і сякеры-кіркі, вядомыя ў культуры гета-дакійскіх, сармацкіх плямёнаў Падунаў і насельніцтва Паўднёвага Крыма. Бліжэй да рубяжу эр у гэтым культурным коле з'яўляюцца, у нашым успрыманні "класічныя", сякерападобныя падвескі. Аднак шырока яны распаўсюдзіліся пазней: толькі ў познерымскім часе ў полікультурным асяроддзі еўрапейскага Барбарыкума [1, s.100; 2, с. 59–67]. Выраблялі падвескі тэхнікай ліцця. Формы для адлівання, а таксама загатоўкі апошнім часам знаходзяць на тэрыторыі Украіны [3, с. 179].

Падобныя ўпрыгожання часта паходзяць з жаночых пахаванняў, радзей іх знаходзяць у дзіцячых, а ў некастрычаных выпадках яны сустракаюцца і ў мужчынскіх, могілках. Трэба таксама адзначыць, што такія падвескі, хутчэй за ўсё, не з'яўляліся паказчыкамі сацыяльнай ролі нябожчыка пры жыцці [4, s. 124–125].

Сякерападобным падвескам часта прыпісваюць апатрапейную ролю. Звычайна іх звязваюць з культам багоў, якія валодаюць сіламі прыроды і ладам свету. Прыкладам такога бога з'яўляецца скандынаўскі Тор, ад назвы якога паходзяць больш пазнейшыя "сякеркі" або "малаточкі Тора". У старажытнагерманскай міфалогіі аналагам гэтага скандынаўскага бажаства з'яўляўся Донар – бог гromу, буры і ўрадлівасці, чароўны волат, які абараняе багоў і людзей ад веліканаў і пачвар [4, s. 124–125]. Падобныя амулеты вельмі часта мелі форму звязанага з дадзеным богам прадмета, і іх нашэнне павінна было абараніць ад няшчасцяў [4, s. 126]. "Малаточкі Тора" маглі насіць хворыя, верачы ў магічныя ўласцівасці дапамагаць у выздараўленні. Аб іх ахоўнай функцыі можа сведчыць і звычка насіць "сякеркі" падчас родаў, а таксама жаданне абараніць жанчыну, калі яе муж або бацька ішоў на поле бою. Яны таксама маглі быць сімвалам загінуўшага родзіча [4, s. 126]. З пункту гледжання кантэксту бытавання падвесак у выглядзе мініяцюрных сякер, у асноўным, у жаночых пахаваннях, такая інтэрпрэтацыя іх сімвалічнага сэнсу здаецца цалкам верагоднай.

Падвешваліся сякерападобныя падвескі праз адтуліну на вушцы ці больш складаным чынам – на колцы з перамотанымі канцамі або спіральным шчыткам. Іх насілі ў складзе шыйных упрыгожанняў, дзе такія падвескі кампанаваліся пераважна разам з дыскападобнымі і прадаўгаватымі пацеркамі, маглі падвешвацца таксама на шыйныя грыўны [5, s. 211]. Вядомыя выпадкі, калі сякерападобныя падвескі мацаваліся да бранзалетаў і паясоў [1, s. 100; 2, с. 63]. Пры гэтым адзначаюцца пэўныя адрозненні ў спосабе нашэння сякерападобных падвесак у розных народаў Барбарыкума: гета-дакі I–II стст. мацавалі іх да грыўнаў і бранзалетаў, германцы Эльба–Везэрскага міжрэчча і готы насілі іх пераважна ў складзе шыйных упрыгожанняў. Сарматы маглі насіць іх на шыі ў складзе калье або проста як амулет, а таксама на правым перадплеччы як частку наборнага бранзалета з пацерак, завязвалі іх на асобным шнуры, а таксама вешалі "сякеркі" па 1–5 штук на пояс разам з іншымі амулетами. На тэрыторыі Беларусі ўсе, вядомыя нам сёння, "класічныя" сякерападобныя падвескі знойдзены па-за пахаваннямі¹, таму казаць пра іх выкарыстанне і месца ў касцюме немагчыма.

Сякерападобным падвескам было прысвечана некалькі абагульняючых артыкулаў А. Какоўскага [1], А. Стаянавай [6], В. Беяўца [2], Г. Гульі [7], у якіх агаворваюцца пытанні іх тыпалогіі, картаграфавання і культурнага кантэксту. Прынятая сёння тыпалогія сякерападобных падвесак была распрацавана ў 1998 г. А. Какоўскім. Ім было прапанавана вылучаць 6 тыпаў, якія адрозніваюцца між сабой формай.

Так, да тыпу 1 былі аднесены самыя раннія сякерападобныя падвескі, якія выглядалі як мініяцюрныя копіі сапраўдных сякер і кірак. Тып 2 па А. Какоўскаму – падвескі падтрохвугольнай формы з бляхі, забяспечаныя

¹ Падвеска ў выглядзе мініяцюрнага цясла, або ўтулкавай сякеры, знойдзеная ў пахаванні № 49 могільніка Брэст-Трышын, мае іншую форму, канструкцыю і спосаб мацавання, чым тыповыя сякерападобныя падвескі рымскага часу, з прычыны чаго павінна разглядацца асобна [8, с. 50].

невялікім вушкам, з моцна выгнутым лязом, якое не выходзіць, аднак, за межы плечукоў. Тып 3 – плоскія падвескі, контур якіх блізкі да раўнабедранага трохвугольніка, з дугападобным лязом і доўгім вузкім вушкам. Тып 4 – плоскія падвескі, з падобным да “якара” лязом з моцна ўвагнутымі бакамі і выразна прыўзнятымі плечукамі, вызначаюцца таксама масіўнымі вушкамі, часта багата прафіляванымі. Падтып 4А – вушка ў іх атрымана шляхам перагібу канца тулава ў пяцельку. Тып 5 – падвескі ў выглядзе высокага трохвугольніка, якія маюць моцна клінаватае сячэнне з адтулінай у найбольшым пашырэнні. Тып 5А – падвескі з вушкам, як у тыпа 4А. Тып 6 – са звонападобным контурам і моцна выгнутым лязом [1, s. 100–101]. А. Какоўскім таксама былі зроблены высновы адносна распаўсюджання гэтых падвесак. Так, тып 1 найбольш шырока прадстаўлены ў сярэднім цячэнні Дуная і на Крымскім паўвостраве; падвескі тыпаў К.2 і К.3 найчасцей выступаюць у культурах гоцкага кола (вельбарскай, чарняхойскай культурах і масламенцкай групе); падвескі тыпа К.4 былі папулярны, перадусім, у германцаў, якія жылі паміж рэкамі Лаба і Вэзар; тып К.5 звязаны пераважна са старажытнасцямі сарматаў Вялікай Дунайскай раўніны; падвескі тыпу К.6 не маюць выразных зон канцэнтрацыі [1, s. 106–107].

Трэба адзначыць, што А. Стаянава ў сваёй працы таксама разглядае падобныя падвескі, падзяляючы іх на два асобныя тыпы. Тып 1 – двухлязовыя падвескі-сякеркі, у якіх абодва лёзы знаходзяцца ў адной плошчы, а канал адтуліны – у цэнтры, у двум шырокім месцы папярэчнага сячэння [6, с. 48]. Тып 2 – таксама двухлязовыя падвескі, у якіх лёзы размяшчаюцца ў двух плошчах, перпендыкулярна адно аднаму, а канал адтуліны – у цэнтры [6, с. 48].

Разглядаючы сякерападобныя падвескі, адкрытыя ў кантэксце культуры сарматаў Падунаўя, Г. Гульы прапанавала іншую тыпалогію такіх падвесак, асноўнымі крытэрыямі ў якой з’яўляецца форма ляза, а таксама іх месца ў касцюме [7, о. 133]. Даследчыца вызначае 3 тыпа, якія ў сваю чаргу падзяляюцца на падтыпы. Да I тыпу адносяцца падвескі ў выглядзе адналязовых сякер², якія падзяляюцца на 6 падтыпаў у залежнасці ад шырыні ляза [7, о. 134–135]. У тып II вылучаны падвескі, якія набліжаны да баявой сякіры (палэкс) [7, о. 138]. III тып складаецца з сякерападобных падвесак унікальных форм [7, о. 139].

Асноўная частка. На тэрыторыі Беларусі на сённяшні дзень вядома 16 знаходак сякерападобных падвесак. У 2016 г. В.Г. Беляўцом былі апублікаваныя звесткі толькі аб шасці такіх амулетах, прадстаўлены картаграфічны аналіз, а таксама прапанаваны некаторыя высновы аб іх культурным кантэксце. Адпаведна, у гэтым артыкуле будуць прадстаўлены звесткі аб 10-ці астатніх падвесках.

Першая з іх (малюнак 1:1; карта 1:6) – гэта сякерападобная падвеска, знойдзеная ў 2018 г. на селішчы Яскавічы-1 у Салігорскім раёне Мінскай вобласці падчас археалагічных даследаванняў. Зроблена са сплаву медзі³, высокая, з вузкім закружленым лязом. Вушка адламанае. Захаваная вышыня каля 2 см. Паводле класіфікацыі А. Какоўскага адносіцца да тыпу 3 і датуецца ў межах III ст. [1, s. 120]. Рымскі гарызонт селішча Яскавічы-1 датаваны ў межах з канца II па IV ст. і аднесены да кіеўскага культурнага кола, а згаданая падвеска разглядаецца тут як адзін з імпартаў з арэалу цэнтральнапалесскіх помнікаў вельбарскай культуры [9, с. 136].

Яшчэ адна падвеска са сплаву медзі паходзіць з Воранаўскага раёну, з наваколляў г/п Радунь (малюнак 1:8; карта 1:9). Знаходзіцца яна ў фондах Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея і з’яўляецца выпадковай знаходкай. Абламанае вушка, паверхня пацёртая [10, с. 4]. Корпус з абодвух бакоў па перыметры ўпрыгожаны гравіраванай трэмалай. Захаваная вышыня 2,7 см, шырыня 2,6 см. Падвеска адносіцца да тыпу К.4, які датуецца пераважна фазай С₃ (каля 300 – 375 гг.) [1, s. 102].

Наступныя 6 бронзавых сякерападобных падвесак былі знойдзеныя на могільніку вельбарскай культуры, які знаходзіцца на ворным полі каля в. Малыя Радванічы Брэсцкай вобласці (карта 1:3). Гэта выпадковыя знаходкі, якія былі перададзены ў зборы Вучэбнай лабараторыі музейнай справы Гістарычнага факультэта БДУ ў 2020 г.⁴ Усе падвескі выкананыя са сплаваў медзі, нясуць сляды абпалу, часткова дэфармаваныя, пашкоджаныя і пацінаныя. Верагодна, яны паходзяць з аднаго альбо некалькіх пахаванняў па абраду крэмацыі. Першая падвеска (малюнак 1:2) падобная на падвескі тыпу 3 па А. Какоўскаму. Захавалася частка скручанага колца. Частка ляза падвескі была страчана. Захаваная вышыня 2,4 см, шырыня 1,9 см. Аплаўленая, хутчэй за ўсё, падчас крэмацыі, дэфармаваная. Другая падвеска (малюнак 1:3) абпаленая, вушка і частка ляза страчаны, пакрытая цёмна-зялёнай пацінай. Адносіцца да тыпу К.5. Захаваная вышыня 1,8 см, шырыня 1,1 см. Трэцяя (малюнак 1:4) – адносіцца да тыпу К.4, зроблена з бронзы. Пакрыта цёмна-зялёнай пацінай. Мае сляды абпалу. Страчана частка ляза. Захаваная вышыня 2,1 см, шырыня 1,4 см. Чацвёртая падвеска (малюнак 1: 5) адносіцца да варыянту К.3. Страчана частка ляза. Захаваная вышыня 2,8, шырыня 1,6 см. Таксама была абпалена, хутчэй за ўсё, падчас крэмацыі. Пятая (малюнак 1: 6) мае характэрныя рысы тыпу К.4. Страчана частка ляза. Вышыня знаходкі 2,4 см, шырыня 1,6 см. Апошняя сякерападобная падвеска пакрытая цёмна-зялёнай пацінай. Абпаленая і дэфармаваная. блізкая да тыпу К.3. Захаваная вышыня 1,7 см, шырыня 1,4 см. Усе падвескі з Малых Радваніч датуюцца фазай С₂ (каля 260 – 300 гг.) [1, s. 102].

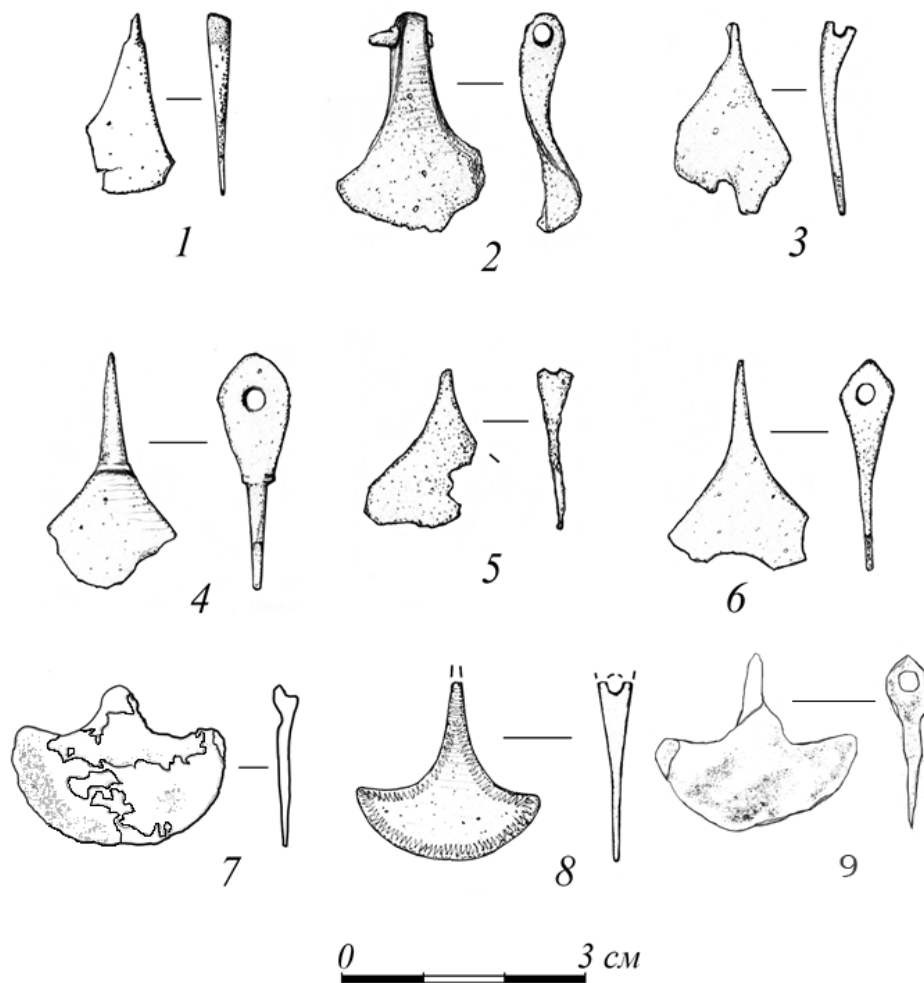
Сякерападобная падвеска, выпадкова знойдзеная каля в. Загор’е Пружанскага раёну (малюнак 1:7; карта 1:2), паступіла ў Нацыянальны гістарычны музей у 2019 г.⁵ Захаваная вышыня 2,5 см, шырыня 3 см, моцна пацінаныя і зацёртая, вушка адламанае. Верагодней за ўсё, як і падвеска з-пад Радуні (малюнак 1: 8), павінна быць аднесена да тыпу К.4 [1, s. 102].

² Даследчыца дадзеную групу так і называе – “сякерападобныя”.

³ Усталяванне матэрыялу вырабу падвесак у гэтым і наступных выпадках зроблена на падставе знешніх марфалагічных прыкмет.

⁴ № 15–19, 36.

⁵ Без інвентарнага нумару.

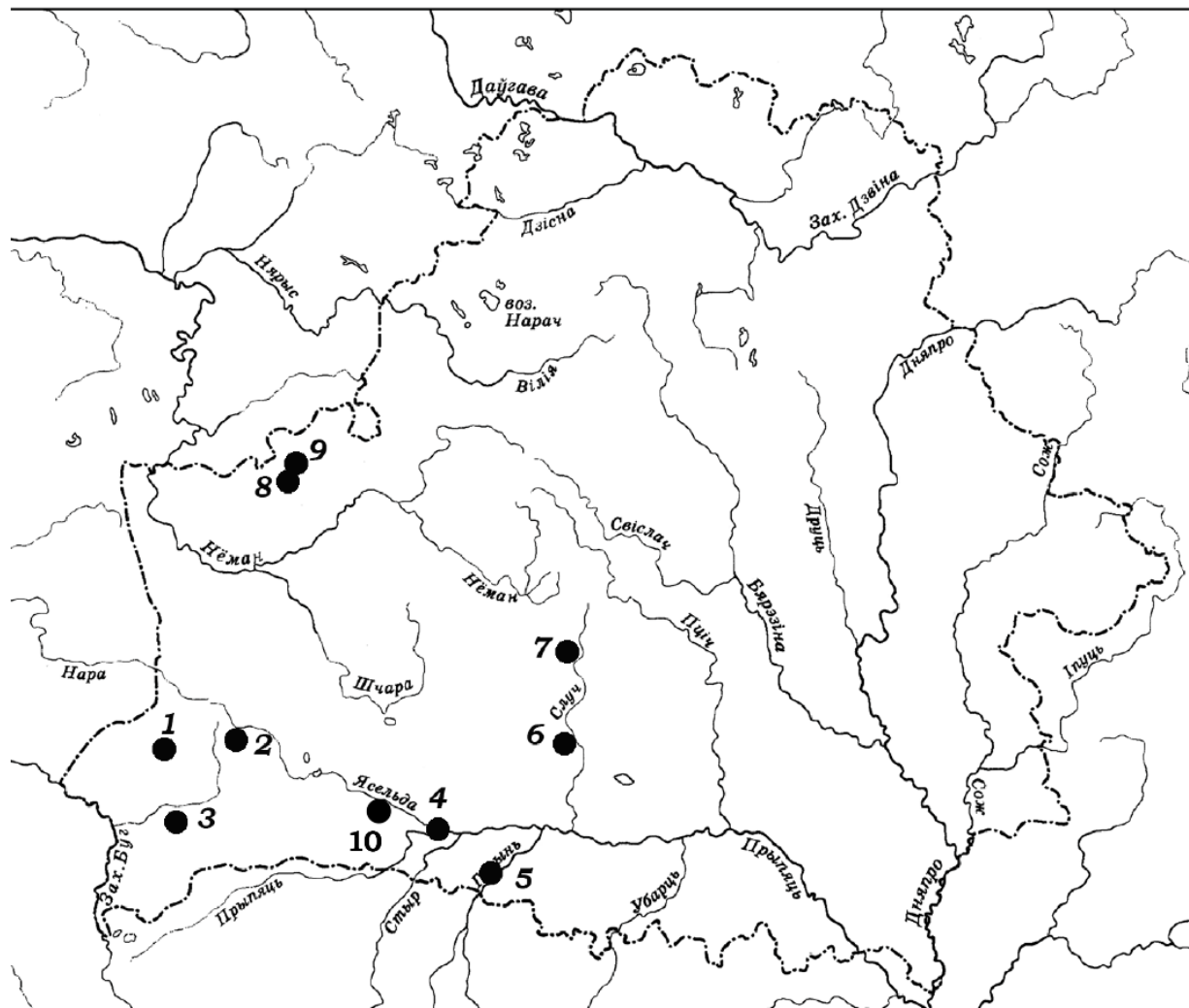
Малюнак 1. – Сякерападобныя падвескі з Яскавіч (1), М. Радваніч (2 – 6), Загор’е (7), Радунь (8), Мерчыцы (9).
Малюнкi В.Г. Беляўца і аўтара

Апошняя з’яўляецца падвеска, якая была знойдзена каля в. Мерчыцы Пінскага раёну (малюнак 1: 9; карта 1:10). Яна паступіла ў Вучэбную лабараторыю гістарычнага факультэта БДУ ў 2017 г.⁶ Захаваная вышыня 2,4 см, шырыня 2,5 см, пацінаваная і зацёртая. Яе таксама магчыма аднесці да тыпу К.4 [1, с. 102]. Датаваць знаходку мы можам фазай Сз. Каля вёскі знаходзіцца шматслойнае селішча Мерчыцы-2, разведаныя працы В.Г. Беляўца на якім дазволілі вызначыць, што помнік актыўна выкарыстоўваўся, пачынаючы з ранняга жалезнага веку і заканчваючы эпохай Вялікага перасялення народаў [11, с. 253]. Пры гэтым дадзеныю знаходку мы павінны звязваць з гарызонтам вельбарскай культуры.

Як пісалася раней, В.Г. Беляўцом былі зроблены высновы наконт картаграфіі сякерападобных падвесак на тэрыторыі Беларусі, а менавіта падвескі дадзенай формы канцэнтруюцца на паўднёвым захадзе краіны ў Беларускім Пабужжы і Прыпяцкім Палессі; адзіныя знаходкі паходзяць з тэрыторыі Паўночнага Перадпалесся і Панямоння. Новыя знаходкі сякерападобных падвесак у цэлым адпавядаюць гэтым высновам, дапаўняючы іх (гл. карту 1). Яны падкрэсліваюць праблематычнасць інтэрпрэтацыі культурнага кантэксту часткі з гэтых упрыгожанняў. Культурная прыналежнасць 11-ці сякерападобных падвесак, якія паходзяць з помнікаў вельбарскай культуры, не выклікае пытанняў – гэта экзэмпляры з Бухліцкага Хутара, Плошчава ды Ступічава [2, с. 64–66], да якіх дадаюцца падвескі з Малых Радванічаў. Магчыма, наяўнасць помніка альбо актыўнасць насельніцтва вельбарскай культуры маркіруе таксама падвеска з Загор’я.

Астатнія падвескі выходзяць па-за межы арэала гэтай культуры – гэта знаходкі з помнікаў Івань, Бальцішкі, Яскавічы, Радунь, Мерчыц. Па-за арэалам вельбарскай культуры на тэрыторыі Беларусі сякерападобныя падвескі выступаюць у двух рэгіёнах: на паўночных ускрайках Цэнтральнага Палесся і на поўначы Беларускага Панямоння. Пры гэтым на сённяшні дзень цяжка казаць пра культурны кантэкст знаходак з Івані, Радуні, Бальцішкаў: падаецца верагодным, што гэтыя знаходкі сякерападобных падвесак адлюстроўваюць сувязі мясцовага насельніцтва кола культур усходнеўрапейскай лясной зоны з носьбітамі вельбарскай культуры.

⁶ А1-13-17.

1 – Ступічыва; 2 – Загор’е; 3 – Малыя Радванічы; 4 – Плошчава; 5 – Бухліцкі хутар; 6 – Яскавічы;
7 – Івань; 8 – Большішкі; 9 – Радунь; 10 – Мерчыцы

Карта 1. – Картаграфія знаходак сякерападобных падвесак на тэрыторыі Беларусі

Верагодней за ўсё, падвескі з Івані і Яскавіч паступалі ад “гоцкага” насельніцтва з Цэнтральнага Палесся. Бліжэйшы вельбарскі помнік тут зафіксаваны каля Мікашэвіч [12, с. 128] – прыкладна 40 км ад Яскавічы і 80 км да Івані. Сыходзячы з апошніх звестак аб помніках гэтай культуры ў Палессі – у месцах упадзення ў Прыпяць яе буйных прытокаў, рэк Ясельды і Гарынь, – прысутнасць гоцкага насельніцтва тут магла захоўвацца да фазы D₂ уключна. Пры гэтым насельніцтва магло быць уцягнута ў сувязі ўнутры знікаючай ужо “гоцкай айкумены” паміж Падунаў’ем, Паўночным Прычарнамор’ем і Польскім Памор’ем. Доказам гэтага могуць служыць такія знаходкі, як шчыток ад спражкі тыпу Стрзэганіцэ-Цішаладаны-Керч (Strzegocisce-Tiszaládány-Kerč) і фібула-цыкада серыі Керч з селішча Мерчыцы [11, с. 252]. У беларускім Цэнтральным Палессі датыроўкі позніх матэрыялаў вельбарскай культуры і ранніх пражскіх перакрываюцца на працягу большага, чым меркавалася, адрэзка – з другой паловы IV па першыя дзесяцігоддзі V ст. [13, с. 124]. Хутчэй за ўсё, насельніцтва двух культурных колаў суіснавала ў розных частках Прыпяцкага Палесся на працягу большай часткі гунскага перыяду, пры гэтым праходзіла паступовае паслабленне пазіцыі готаў і ўсё больш шырокага рассялення раннегістарычных славян [13, с. 125].

Сякерападобныя падвескі з тэрыторыі Панямоння, хутчэй за ўсё, з’яўляюцца сведчаннем кантактаў мясцовых жыхароў з вельбарскім насельніцтвам з тэрыторыі Беласточчыны: бліжэйшым вельбарскім помнікам з’яўляецца Чупрынава, які знаходзіцца на р. Ласосна – левым прытоку Нёмана [14, s. 37]. Пры гэтым блізкае размяшчэнне помнікаў (вёскі Большішкі і Радунь знаходзяцца на адлегласці 15–16 км адна ад адной) можа казаць аб тым, што падвескі, верагодна, дасягнулі гэтага рэгіёну агульным шляхам. Трэба адзначыць, што ў гэтым рэгіёне апошнім часам усё больш адзначаюць месцазнаходжанні з рэчамі, якія магчыма аднесці да вельбарскага насельніцтва. Уплыў “готаў” у гэтым рэгіёне пачынаецца на рубяжы III/II ст. На гэта ўказвае фібула тыпу А.41, варыянту Z паводле Я. Шустара, з-пад в. Стараельня Дзятлаўскага раёну [10, с. 8]. Інтэнсіўнасць гэтых жа сувязей дасягае піку напрыканцы познерымскага перыяду і ў пачатку Вялікага перасялення народаў. Фінальны ж яго эпізод

характарызуе скарб з Алекшыц Бераставіцкага раёну, які магчыма датаваць не раней за рубеж IV–V стст. – першую трэць – сярэдзіну V ст. [10, с. 9].

Прысутнасць знаходак у Панямонні, якія могуць датычыцца насельніцтва культур гоцкага кола (скарбы з срэбнымі рымскімі манетамі, некаторыя тыпы фібул) можа з’яўляцца паказчыкам паступовага перамяшчэння часткі вельбарскага насельніцтва ў бок земляў сучаснай Літвы. Аднак, на сённяшні дзень такая інтэрпрэтацыя знаходак, якія з’яўляюцца выпадковымі і паходзяць ад “аматараў археалогіі”, пакуль можа насіць толькі гіпатэтычны характар.

Заклучэнне. Такім чынам, на сённяшні дзень на тэрыторыі Беларусі знойдзена 16 сякерападобных падвесак, большасць з якіх паходзіць з арэала вельбарскай культуры. Што тычыцца знаходак па-за межамі арэала, то падвескі з тэрыторыі Прыпяцкага Палесся з’яўляюцца сведчаннем суіснавання гоцкага насельніцтва і насельніцтва ўсходнееўрапейскай лясной зоны на працягу большай часткі гунскага часу, а “сякеркі” з тэрыторыі Панямоння – аб паступовым перамяшчэнні часткі гоцкага насельніцтва ў бок сучаснай Літвы.

ЛІТАРАТУРА

1. Kokowski A. Metalowe wężorki w krztałcie topora na terenie Barbaricum na północ i północny-wschód od limesu rzymskiego, w okresie rzymskim i we wczesnym okresie wędrówek ludów // 20 lat archeologii w Masłomęczu: 2 t. / pod red. J. Ilkjaera, A. Kokowskiego. – Lublin, 1998 – S. 99–116.
2. Белевец В.Г. О находках топоровидных подвесок позднеримского времени на территории Беларуси // ОІУМ, Вып. 5: Черняхівська культура. До 85-річчя від дня народження І.С. Винокура. – Київ, 2016. – С. 59–67.
3. Бондаренко Г., Охріменко Г., Локайчук С., Скляренко Н., Ільчук С. Старожитності готів на Волині. – Луцьк: Вежа-Друк, 2021. – 236 с.
4. Imiołczyk E. Miniaturyzacja różnych form kulturowych w kulturze kręgu gocko-gepidzkiego w okresie rzymskim i wędrówek ludów. – Poznan, 2009. – 252 s.
5. Tempelmann-Maczyńska M. Srotoj kobiecej ludności kultury wielbarskiej i jego powizania z sąsiednimi obszarami // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim: (materiały z konf.) / pod red. J. Gurby, A. Kokowskiego. – Lublin, 1989. – Т. 2. – S. 205–218.
6. Стоянова А.А. Металеві падвіскі у формі сокирок із Криму // Археологія. – Кіеў, 2005. – № 2 – С. 47–54.
7. Gulyás Gy. A balta alakú csüngők a szarmata leletanyagban (Axe-shaped pendants among Sarmatian finds). In: Hadak útján. A népvándorlások fiatal kutatóinak XXIV. Conference of young scholars on the Migration Period, Esztergom, November 4–6. 2014. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia. Archaeological Studies of PPCU Department of Archaeology – A PPKE BTK Régészeti Tanszékének kiadványai 3.1. – Magyar Tudományos Akadémia Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok 3.1. Főszerk.: Türk A., szerk.: Balogh Cs. – Major B. Esztergom 2015, – O. 129–163.
8. Кухаренко Ю.В. Могильник Брест-Тришин / Акад. наук СССР, Ин-т археологии. – М: Наука, 1980. – С. 50.
9. Белявец В.Г. Даследаванні на селішчы Яскавічы-1 у 2018 г.: да вывучэння помнікаў “перадпражскага” гарызонту на Беларускам Палессі // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. – 2019. – № 3 – С. 110–145.
10. Белявец В. Рэчы вельбарскага паходжання ў зборах Гродзенскага Дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея // Labor omnia vincit. Праца заўсёды перамагае: матэрыяльная культура ў гістарычным кантэксце. Праблемы вывучэння і захавання: матэрыялы навуковай канферэнцыі (г. Гродна, 6-7 мая 2021 г.) / УК “Гродзенскі дзяржаўны музей гісторыі рэлігіі”; рэдкал.: А.У. Ціхаміраў (гал. рэд.), А.Д. Гаршкоў. – Гродна: ГрДУ імя Янкі Купалы, 2022 – С. 3–14
11. Белевец В.Г. Результаты разведочных работ на поселении Мерчицы-2 и перспективы изучения памятников римского времени и эпохи Великого переселения народов в белорусском Полесье // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: К 60-летию А.М. Обломского. – 2017. – № 19. – С. 249–261.
12. Белявец В.Г. Помнікі вельбарскай культуры ў Турава-Пінскім Палессі: праблемы вывучэння // Гіст.-археал. зб. / Нац. акад. навук Беларусі. – 2008. – № 22. – С. 124–143.
13. Белевец В.Г. Бутероль из Яскович: к изучению эпохи Великого переселения народов в Припятском Полесье // Stratum plus. – 2020 – № 4 – С. 115–130.
14. Andrzejowski J. Ciekawe materiały z okresu rzymskiego znalezione w Czuprynowie w woj. Białostockim // Nunc de suebis disendum est: studia dedukowane profesorowi Jezemu Kolendo w 60-lecie urodzin i 40-lecie pracy naukowej / Inst. Archeologii Uniw. Warszawskiego; [red.: A. Bursche, M. Mielczarek, W. Nowakowski]. –Warszawa, 1995. – S. 35–46.

Паступіў 12.04.2023

О НОВЫХ НАХОДКАХ ТОПОРОВИДНЫХ ПОДВЕСОК НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

В.А. ЛУЧШЕВА

(Институт истории НАН Беларуси, Минск)

Статья посвящена топоровидным подвескам с территории Беларуси, которые были найдены за последние годы. Рассмотрены вопросы интерпретации данных украшений, их датировка и картография. Подвески с территории Припятского Полесья являются свидетельством сосуществования готского населения и населения восточноевропейской лесной зоны на протяжении большей части гуннского времени, а “топорики” с территории Панемонья – о постепенном перемещении части готского населения в сторону современной

Литвы. Данные выводы могут быть использованы для дальнейшего изучения контактов населения восточноевропейской лесной зоны и готского населения в этот период.

Ключевые слова: археология Беларуси, железный век, позднеримское время, вельбарская культура, готы, шейные украшения, топоровидные подвески, картография, типология.

NEW FINDS OF AXE-SHAPED PENDANTS ON THE TERRITORY OF BELARUS

U. LUCHSHEVA

(Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

The article is devoted to axe-shaped pendants from the territory of Belarus, which have been found in recent years. The issues of interpretation of these ornaments, their dating and cartography are considered. The pendants from the territory of the Pripjat Polesie are evidence of the coexistence of the Gothic population and the population of the Eastern European forest zone for most of the Hunnic time, and the "hatchet" from the territory of the Ponmont region indicates the gradual movement of part of the Gothic population towards modern Lithuania. These findings can be used to further study the problems of contacts between the Eastern European forest zone and the Gothic population during this period.

Keywords: archaeology of Belarus, Iron Age, Late Roman times, velbar culture, Goths, necklace, axe-shaped pendants, cartography, typology.

УДК 351.853.3(476.5)+ 903.57:726.82(476.5)"13/17"

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-24-28

ПЛІНФА Ў ПАХАВАННЯХ XI–XIV СТСТ. У ПОЛАЦКУ¹

А.Л. КОЦ

(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)

У артыкуле прадстаўлены матэрыялы даследавання пахавальных комплексаў старажытнарускага часу. У асобных пахаваннях зафіксаваны суправаджальныя аtryбуты – старажытная цэгла (плінфа). Яе клалі пад галаву нябожчыка. У літаратуры такія дэталі вызначаюцца як “каменныя падушкі”. Даследчыкі іх звязваюць з аскетычнасцю памерлага. У Полацку выяўлена не менш 9 падобных прыкладаў. З іх 4 у грунтовых пахаваннях пры каменных цэрквах і 5 у саркафагах храмаў. Плінфу ў пахаваннях выкарыстоўвалі з таго мураванага помніка, пры якім (або ў межах якога) былі зладжаныя могілкі. Ва ўсіх пахаваннях у Полацку выкарыстаны кавалак ці некалькі кавалкаў плінфы, у асобных выпадках цэлая, але пашкоджаная, цагляна. Папярэдне вызначана, што плінфу пад галаву маглі класці ў пахаванне сацыяльна значнай асобы.

Ключавыя словы: Полацк, пахавальныя помнікі XI–XIV стст., пахаванне, могілкі, плінфа, “каменныя падушкі”.

Уводзіны. Пахавальныя комплексы Полацка XI–XIII стст. былі вельмі слаба даследаваны да апошняга часу. Аб даследаваннях “курگانнага насельніцтва” Полацкай зямлі і ваколіц горада мы ведаем: сотні раскапаных курганаў, якім прысведчаны як вялікая колькасць артыкулаў [3; 10; 11; 12], так і асобныя манаграфіі [5; 22; 25]. За апошняе дзесяцігоддзе ў Полацку выяўлена не менш 4 пахавальных комплексаў, якія можна датаваць старажытнарускім часам. Да гэтага часу ў горадзе былі даследаваны шэраг могілак перыяду XVI–XVIII стст. [24], а ў выніку шурфовак зафіксаваны асобныя пахаванні, але, як правіла, без датавання і падрабязнай аtryбутацыі. Адзіным раскапаным пахавальным помнікам старажытнарускага часу да 2000-х гадоў з’яўляўся храм-пахавальня Спаса-Еўфрасіньеўскага манастыра, дзе зафіксаваны парэшткі людзей у саркафагах [16, с. 243], але калі архітэктурныя асаблівасці помніка дастаткова шырока прадстаўлены ў гістарыяграфіі, то характарыстыкі пахаванняў не тае.

Сучаснае антрапалагічнае вывучэнне² таксама дазволіла даследчыкам у значнай ступені больш асэнсавана паглязець на мясцовае насельніцтва і зрабіць параўнаўчыя высновы аб жыхарых Полацка і Полацкага княства ў часавай і тапаграфічнай прасторы [13]. Такім чынам, зараз вядомыя 5 могільнікаў XI–XIII стст. у Полацку, якія дакладна зафіксаваны (малюнак):

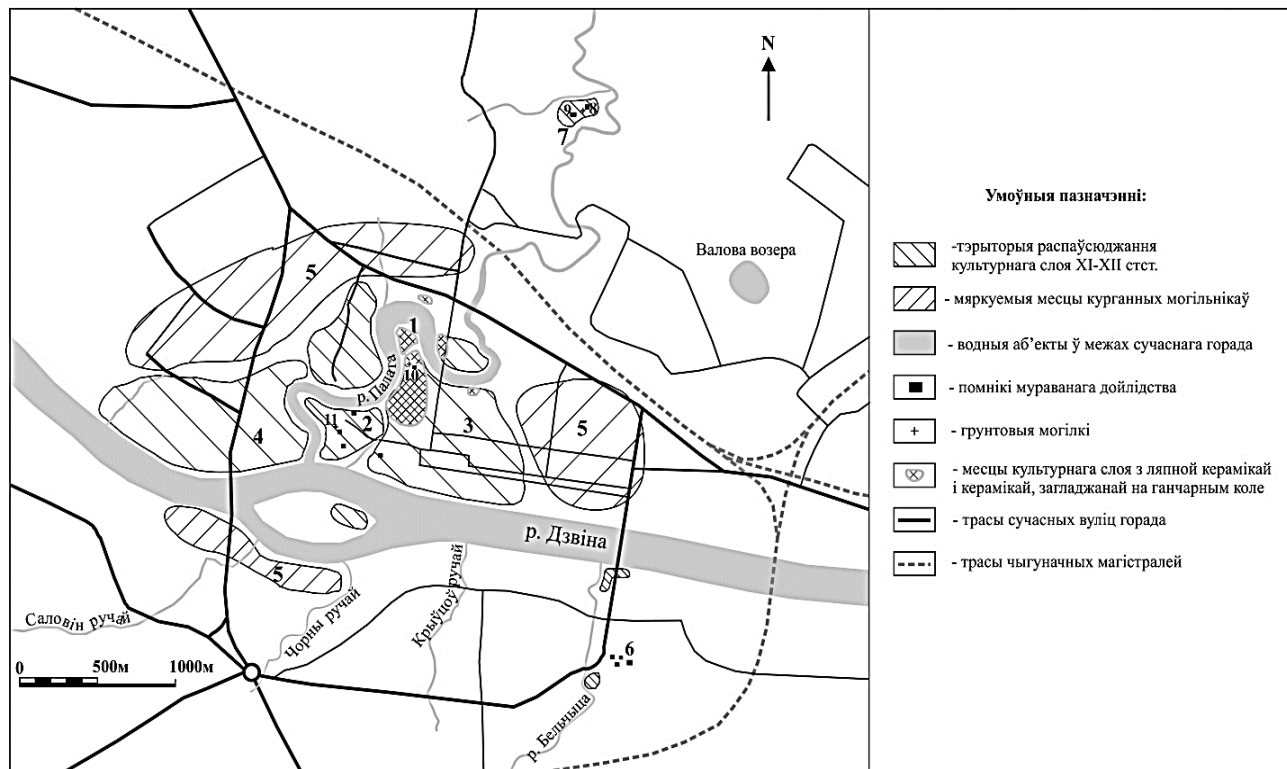
- 1) пахаванні ў крыптах Спаса-Праабражэнскага храма Спаса-Еўфрасіньеўскага манастыра;
- 2) пахаванні ў крыптах храма-пахавальні Спаса-Еўфрасіньеўскага манастыра;
- 3) могілкі пры храме-пахавальні Спаса-Еўфрасіньеўскага манастыра;
- 4) могілкі пры храме на Стрэлцы Ніжняга замка;
- 5) могілкі пры мяркуемым храме на Верхнім замку, якія былі даследаваны ў апошнія гады.

Адзіночнае пахаванне XII ст. было знойдзена на тэрыторыі Полацкага гарадзішча [23, с. 22], але паўнавартасных могілак гэтага перыяду тут не выяўлена. Усе косныя парэшткі выяўлены падчас раскопак 2007 і 2009 гг. і адносяцца да цвінтара XVII–XVIII стст. [7; 18, с. 313–320]. Яшчэ адно пахаванне старажытнарускага часу было зафіксавана на пляцоўцы на ўсход ад Сафійскага сабора [1, с. 23]. Таксама пахавальныя комплексы існавалі ў межах Сафійскага сабора, храма на Стрэлцы Ніжняга замка, храма Ражаства Хрыстова на Рове, магчыма, у Пятніцкай царкве Барыса-Глебскага (Бельчыцкага) манастыра [4]. Але ўсе гэтыя храмы маюць выключна фрагменты каменных ці плінфяных саркафагаў, пахавальныя камеры, дэталі шыферных саркафагаў, аркасолі і інш. без парэштак памерлых.

Асноўная частка. Падкладка пад галаву нябожчыка кавалкаў плінфы ці цэлых экзэмпляраў з’яўляецца дастаткова распаўсюджанай практыкай. Падчас даследаванняў полацкіх могілак XII–XIII стст. зафіксаваны шэраг прыкладаў выкарыстання плінфы ў пахаваннях. Яны атаясамліваюцца з падушкамі, якія ўкладалі ў магільныя памерлых, гарантуючы ім камфорт. У іншым варыянце даследчыкі звязваюць “каменныя падушкі” з сімвалам хрысціянскага аскетызму [24, с. 130]. Разам з тым можна адзначыць, што ў магільныя епіскапаў, прадстаўнікоў княжаскага рода і баяр маглі класці мяккія тэкстыльныя падушкі [5, с. 93]. Размяшчэнне галавы нябожчыка на цвёрдай падушцы мае глыбокія хрысціянскія карані і звязана з біблейскімі матывамі. Асобныя даследчыкі прасочваюць сэнсавыя паралелі з дзейнасцю прабацькі Ізраіля Якава. Камень (ці плінфа) з’яўляўся сімвалам выканання заветаў “Левіцы”, якая стварала ўстойлівую асацыяцыю дарогі памерлага ў іншасвет. Паралелі з біблейскімі сюжэтамі атаясамліваюцца з пахаваннямі манахаў, якія імкнуліся сваёй праведнай працай дасягнуць вечнага жыцця [2, с. 174].

¹ Артыкул падрыхтаваны ў межах праекта Беларускага рэспубліканскага фонда фундаментальных даследаванняў «Пахавальныя помнікі Полацка XI–XVIII стст. у кантэксце развіцця сінхронных некропалей Беларускага Падзвіння: пахавальны абрад, інвентар, палеантрапалагічная характарыстыка» (нумар дзяржаўнай рэгістрацыі 20221071 ад 06.07.2022)."

² Антрапалагічную экспертызу для знаходак косных парэштак праводзіць дацэнт кафедры гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай, кандыдат біялагічных навук В.А. Емялянчык.

1 – першапачатковае гарадзішча; 2 – Верхні замак; 3 – Вялікі пасад; 4 – Запалоцкі пасад; 5 – мяркуемыя месцы размяшчэння курганных могільнікаў; 6 – Барыса-Глебскі (Бельчыцкі) манастыр; 7 – Спаса-Еўфрасіньеўскі манастыр; 8 – храм-пахавальня з грунтовым могільнікам пры ім; 9 – Спаса-Праабражэнскі храм; 10 – храм на Стрэлцы Ніжняга замка і грунтовы могільнік пры ім; 11 – грунтовы могільнік XI–XIII стст. пры мяркуемым храме на Верхнім замку

Малюнак. – План распаўсюджвання культурнага пласта і гістарычных помнікаў Полацка XI–XII ст. з пазначэннем грунтовых могільнікаў

У Полацку зафіксавана не менш 9 пахаванняў, дзе выяўлена плінфа ў якасці падкладак пад галаву нябожчыкаў. З іх 4 прыклады фіксуюцца ў грунтовых пахаваннях і 5 варыянтаў – у плінфяных саркафагах храма-пахавальні і Спаса-Праабражэнскай царквы Спаса-Еўфрасіньеўскага манастыра. Тым не менш, дакладную колькасць вызначыць немагчыма, бо не стае інфармацыі аб пахаваннях у саркафагах храма-пахавальні [16].

Храм-пахавальня Спаса-Еўфрасіньеўскага манастыра з’яўляецца адным з самых шырока даследаваных археалагічнымі раскопкамі помнікаў мураванага дойлідства Полацка XI–XIII стст. Наяўнасць вялікай колькасці пахавальных плінфяных камер далі яму прыгаданую назву. Усе вядомыя склепы і саркафагі былі ўскрыты ў 1960-я гг. Недасканаласць метадыкі вывучэння і абмежаваная фіксацыя архітэктурных элементаў і археалагічных дэталей не дазваляе на сённяшні дзень у поўнай меры вызначыць пахавальныя традыцыі, характар антрапалагічнага матэрыялу і іншыя элементы пахавальнай практыкі. Агулам было зафіксавана не менш 30 падземных камер, адной з якіх з’яўляецца вялікая крыпта ў паўночнай галерэі [16, с. 243], па іншых звестках – 37 [4, с. 21]. Відавочна, што ў храме існавалі і наземныя пахавальныя саркафагі, адзін з якіх лакалізуецца ў паўночнай галерэі, астатнія – у інтэр’еры царквы. Па вызначэнні М.К. Каргера, пахаванні захаваліся далёка не ва ўсіх саркафагах. Парэшткі належалі, у асноўным, старым мужчынам, некаторыя – жанчынам, пахаваным у позні перыяд гісторыі манастыра [16, с. 243–244]. Дадзенае антрапалагічнае вызначэнне няпэўнае і аўтар раскопак не падае спасылкі на антрапалагічную экспертызу [15]. Нажаль, на сённяшні дзень інфармацыя аб месцы захавання костак адсутнічае. Грунтоўнае вывучэнне фотаздымкаў раскопак³ дазваляе засведчыць, што ў склепах захавалася не менш васьмі некранутых касцякоў, але ў некаторых былі зроблены падпахаванні, або пераадрэзаныя косткі з іншых камер. Інфармацыя аб парэштках людзей у іншых саркафагах адсутнічае. Усе нябожчыкі паводле хрысціянскай традыцыі былі пакладзены галавою на захад. Дзякуючы наяўным фотаздымкам атрымалася вызначыць, што, як мінімум, у трох некранутых пахаваннях былі пакладзены плінфы пад галаву. Яшчэ ў адным пустым саркафагу плінфа знаходзілася ў заходняй частцы і таксама магла выступаць “каменнай падушкай”. Мяркуючы па фотаздымках, з доляй верагоднасці можна вызначыць прысутнасць выключна кавалкаў старажытнай цэгла ў пахаваннях. Больш дакладныя звесткі аб колькасці і асаблівасцях, магчыма, утрымліваюць палявыя матэрыялы М.К. Каргера, вартыя дасканалай апрацоўкі.

³ Аналіз фотаздымкаў саркафагаў храма-пахавальні быў зроблены пад час апрацоўкі матэрыялаў раскопак М.К Каргера, якія захоўваюцца ў фотаадзеле навуковага архіва Інстытута гісторыі матэрыяльнай культуры Расійскай акадэміі навук.

Падчас раскопак храма-пахавальні ў 2017 г. былі выяўлены могілкі на захад ад царквы. Папярэднія даследаванні 1960-х, і 2016 г. мелі на мэце толькі вывучэнне архітэктурных асаблівасцей помніка [19, с. 277], таму пляцоўка вакол храма не абследавалася. У 2017 г. былі закладзены шурфы на захад ад падмуркаў царквы з мэтай удакладнення лакалізацыі прытвору з брусковай цэглы, зафіксаванага М.К. Каргерам, і вызначэння характару культурных напластаванняў. У шурфах было зафіксавана 7 пахаванняў (шурф 7 – 1 пахаванне; шурф 8 – 4, траншэя 1 – сляды 2 пахаванняў). Усе пахаванні безінвентарныя, зроблены без трунаў. Могілкі вызначаюцца як шматслойныя, таму можна меркаваць аб працяглым тэрміне іх функцыянавання. У пахаванні 4 з шурфа 8 была выяўлена плінфа пад галавой памерлага. Шкілет быў ускрыты часткова: ніжняя частка засталася ва ўсходняй сценцы. Памерлы быў пакладзены на спіну і косткі захаваліся ў анатамічным парадку. Полавая прыналежнасць да жанчыны вызначана недакладна. Чэрап ляжаў на плінфе і быў закулены на грудзі. Плінфа была часткова пашкоджана і не мела слядоў рошчыны, відавочна, яна не была выкарыстана ў кладцы сцяны. Яе памер і колеравая гама адпавядаюць цэгле, характэрнай для кладкі храма-пахавальні. У магільнай яме, уздоўж сценак, з правага і левага бакоў ад памерлага вызначаны таксама дзве плямы вапнавай рошчыны невядомага паходжання. Лакалізацыя могілак пры храме XII ст. і наяўнасць плінфы ў пахаванні дазваляюць прадаставаць комплекс перыядам Сярэднявечча.

У часе раскопак 2014 г. на Стрэлцы Ніжняга замка было выяўлены два розначасовыя пахавальныя комплексы. Першы датуецца перыядам позняга Сярэднявечча, а другі – XVII ст. [8, с. 181]. Сярэдневяковыя пахаванні, якія адназначна можна атаясамліваць з прыхрамавымі могілкамі, з’яўляюцца, амаль што ўсе, безінвентарнымі. У адным выпадку ў пераадкладзеным пахаванні быў зафіксаваны пярсцёнак XIII–XIV стст. на фаланзе пальца, таксама на грудзях жанчыны была выяўлена бразготка XIII–XIV стст. Ускосную дату даюць і знаходкі плінфы, пакладзеныя ў магілы да нябожчыкаў. З 35 зафіксаваных пахаванняў, у трох былі выяўлены плінфы. Пахаванне 13 арыентавана галавой на захад і захавалася ў анатамічным парадку. Яно пашкоджана і перакрывае пахаванне 14. Косткі дрэнна захаваліся. У магілу пакладзены парэшткі жанчыны ўзроста 30–50 гадоў. Памерлы пакладзены на спіне. Часткова растружчаны чэрап ляжаў тварам на правы бок. Пад чэрапам быў падкладзены палавінчаты фрагмент плінфы. Пад фрагментам плінфы змешчана сцягная костка іншага пахавання, якое было закранута падчас выкапвання магілы. Рукі пакладзены на жывот: правая перакрывае левую. Пад правай сцёгнавай косткай размяшчаўся яшчэ адзін фрагмент плінфы [9, с. 25]. Пахаванне 24 арыентавана галавой на захад, касцяк захаваны ў анатамічным парадку. Нябожчык пакладзены на спіну. Чэрап ляжыць на правым баку, а каля яго, з левага боку, выяўлены кавалак плінфы, відавочна, пакладзены ў магілу. Пахаванне моцна пашкоджана: адсутнічаюць рэбры, часткова пазванкі, косткі рук [9, с. 26]. Антрапалагам косткі вызначаны як дзіцячыя ва ўзросце 13–15 гадоў. Пахаванне 52 захавалася ў анатамічным парадку і арыентаваны галавой на захад. Нябожчык пакладзены на спіну. Чэрап ляжыць на левым баку, і пад ім зафіксаваны фрагмент плінфы. Рукі пакладзены на жываце: правая вышэй, левая ніжэй [9, с. 28]. Усе знаходкі фрагментаў плінфы ў пахаваннях маюць марфалагічнае і параметрычнае падабенства з будаўнічымі матэрыяламі храма, лакалізаванага пры пазначаных могілках на Стрэлцы Ніжняга замка. Антрапалагічныя асаблівасці мужчынскіх чарапоў вызначаюць падабенства з матэрыяламі курганных пахаванняў з тэрыторыі Полацкай зямлі, але, разам з тым, па комплексу прыкмет фіксуецца прышлы кампанент, які ўдзельнічаў у фарміраванні насельніцтва Полацка, пахаванага пры храме на Стрэлцы Ніжняга замка [14, с. 22].

Тры кавалкі плінфы былі выяўлены ў некранутым пахаванні ў саркафагу Спаса-Праабражэнскага храма. У ходзе археалагічных даследаванняў царквы былі выяўлены прыбудаваныя галерэі, у якіх размяшчаліся плінфяныя саркафагі. У раскопах зафіксавана 12 камер, але пры агульнай пашкоджанасці мураваных канструкцый галерэй познімі магільнымі ямамі, верагодней за ўсё, іх было больш 20-ці. Частка саркафагаў была разбурана, а частка засталася недаследаванай. Толькі ў адным саркафагу ў паўночнай галерэі было выяўлена некранутае пахаванне XII–XIII стст. У нагах памерлага было выяўлена растружчанае шкляное начынне конусападобнай формы азначанага перыяду. Памерлы быў пакладзены на вапнавую падлогу саркафага. Пад галавой размяшчаліся тры кавалкі плінф ад розных экзэмпляраў. Яны маюць падабенства з плінфай названага храма. Іншага інвентара ў пахаванні зафіксавана не было. Антрапалагічная экспертыза вызначыла прыналежнасць костак індывіду жаночага полу ва ўзросце 20–30 год. У разбураных саркафагах касцякоў не зафіксавана, або ў іх былі пераадкладзеныя косткі нябожчыкаў, у тым ліку перыяду XI–XIII стст.

У 2020–2022 гг. на Верхнім замку ў Полацку быў выяўлены і даследаваны могільнікавы комплекс XI–XIII стст. Агулам тут зафіксавана больш 120 пахаванняў на плошчы каля 1600 м². Па антрапалагічных асаблівасцях памерлыя з азначаных могілак маюць блізкае падабенства да сярэднявечнага сельскага насельніцтва Полацкай зямлі, прадстаўленага матэрыяламі курганных могілікаў. Падчас даследаванняў было вызначана, што на пляцоўцы могілак фіксуецца слой разбурэння мураванага помніка. Археалагічнымі даследаваннямі не атрымалася лакалізаваць мураваны храм, але кантэкст культурнага пласта і характар размяшчэння пахаванняў дазваляюць ускосна вызначыць, што могілкі размяшчаліся пры старажытнай каменнай царкве [20, с. 11]. У параўнанні з іншымі помнікамі, нягледзячы на такое суседства мяркуемага мураванага храма і могілак, плінфа ў магілах не выяўлена. Большасць пахаванняў была зафіксавана ў драўляных трунах, якія дзякуючы “мокраму” культурнаму слою захаваліся тут выдатна.

Заклучэнне. Такім чынам, на сённяшні дзень у Полацку на пахавальных комплексах XI–XIV стст. фіксуецца не менш 9 памерлых, пакладзеных на плінфу. З іх 4 у грунтовых пахаваннях з больш чым 160 раскапаных магіл з трох гарадскіх некропаляў (2,5%) і 5 у саркафагах з не менш як 67-мі археалагічна зафіксаваных у 4-х храмах (7,5%).

Падкладанне пад галаву “каменных падушак” з плінфы сустракаецца на многіх пахавальных комплексах іншых гарадоў Усходняй Еўропы: на могілках вакольнага горада ў Наваградку (другая палова XI–XIII ст.) [21, с. 116], у храмах або на могілках пры цэрквах у Пскове, Ноўгарадзе, Чарнігаве, Кіеве і інш. [21, с. 114–116]. У храмах Смаленска “каменныя падушкі” выяўлены ў некалькіх дзясятках пахаванняў XII–XIV стст. [21, с. 114–115]. У руінах Ніжняй царквы ў Гродна (канец XII – першая палова XIII ст.) у пахаванні дзяўчынкі каля галавы ляжаў невялікі кавалак арачнай цаглянай (плінфяной) кладкі [6, с. 179]. Традыцыя выкарыстання плінфы ў пахаваннях дажывае да XIV ст. Для больш позніх помнікаў можна назіраць эпизадычныя выпадкі выкарыстання ў якасці падушак брусковай цэгля. Яскравымі прыкладамі з’яўляюцца пахаванні XVI ст. з могільніка 1 на помніку Лучна ў Полацкім раёне [17, с. 22–23] і пры Спаса-Праабражэнскім храме ў Полацку перыяду XVIII – пач. XIX ст.

Выкарыстанне “каменных падушак” вызначаецца як прыкмета хрысціянскага аскетызму [2, с. 174]. На аснове полацкіх матэрыялаў папярэдне бачым, што падкладанне плінфы або кавалка (ці кавалкаў) пад галаву здзяйснялася, у асноўным, для статуснага насельніцтва. У Полацку большасць пахаванняў з плінфай пад галавой была зроблена ў саркафагах, што вызначае прадстаўнічасць памерлага і падкрэслівае яго аскетычнасць. Відавочным з’яўляецца той факт, што плінфу ў пахаваннях выкарыстоўвалі з таго мураванага помніка, пры якім (або ў межах якога) былі зладжаны могілкі. Большасць пахаванняў з плінфай вызначаны антрапалагам як жаночыя, асобныя адносяцца да дзіцячых⁴, але гэта не дае канчатковай упэўненасці ў выснове пра гендэрны падзел пры выкарыстанні “каменных падушак” у пахавальнай абраднасці. Цікавай акалічнасцю з’яўляецца выкарыстанне выключна кавалка ці некалькіх кавалкаў плінфы, у асобных выпадках – цэлай, але пашкоджанай цагліны. Гэта дазваляе вызначыць, што ў пахаваннях выкарыстоўваліся астатчыя плінфы, якія ўжо не былі прыдатныя для будаўніцтва ці не выкарыстоўваліся пры кладцы сцяны.

ЛІТАРАТУРА

1. Архитектурно-археологические исследования Софийского собора в Полоцке в 1975 – 1980, 1984 гг. / И.В. Антипов, Д.Д. Ёлшин, А.В. Жервэ, Е.А. Немыкина, А.В. Трушнікова, А.А. Фрезе // Архитектурное наследство. – СПб.: Коло 2021, – Вып. 74. – С. 16–27.
2. Беляев Л.А. Каменные «падушки» монашеских погребений и их ветхозаветный прототип // Российская археология. – 2005. – № 4. – С. 171–175.
3. Войтехович А.В. Курганные захоронения Полоцкой округи IX–XI вв. // Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О.Н. Левко и др.; редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.); науч. ред. О.Н. Левко. — Минск: Беларуская навука, 2012. — С. 54–58.
4. Вайцяховіч А.В. Пахавальны абрад некропалей полацкіх культавых будынкаў XII–XIII стагоддзяў // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки. – 2008. – № 7. – С. 20–27.
5. Войтехович А.В. Погребальный обряд населения Полоцкой земли в X–XII вв. – Минск: Беларуская навука, 2019. – 269 с.
6. Воронин Н.Н. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.). – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 239 с.
7. Дук Д.У., Емялянчык В.А. Могілки полацкага гарадзішча (па выніках археалагічных раскопак у 2007 г.) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2011. – Вып. 21. – С. 61–73.
8. Дук Д.У., Емялянчык В.А., Коц А.Л. Могілки на стрэлцы Ніжняга замка ў Полацку // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2018. – Вып. 29. – С. 171–182.
9. Дук Д.У. Справаздача аб археалагічных раскопках на тэрыторыі Ніжняга замка г. Полацка ў 2014 г. // Фонд археалагічнай навуковай дакументацыі Цэнтральнага навуковага архіва Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – Спр. № 3308.
10. Дучыц Л.В. Каменные курганы Полоцкой земли // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 50 научного семинара: сб. ст. / под ред. В.В. Седова. – Псков, 2004. – С. 386–395.
11. Дучыц Л.У. Да пытання аб познесярэдневяковых курганах Паўночнай Беларусі // Весці Акадэміі навук БССР. Сер. грамадскіх навук. – 1989. – № 4. – С. 77–83.
12. Дучыц Л. Познесярэдневяковыя курганы Беларусі // Гіст.-археал. зб. – Мінск, 1997. – № 12. – С. 77–79.
13. Емялянчык В.А. Вынікі антрапалагічных даследаванняў на тэрыторыі Беларускага Падзвіння ў 1998–2008 гады // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых даследаванняў (да 80-годдзя пачатку археалагічных раскопак у г. Полацку): зб. навук. прац рэсп. навук.-практ. семінара, Полацк, 20–21 лістап. 2008 г. / Пад агульн. рэд. Д.У. Дука, У.А. Лобача. – Наваполацк: ПДУ, 2009. – С. 30–37.
14. Емельянчик О.А., Шипило В.А. Краниологическая характеристика материалов погребений с территории Нижнего Замка в Полоцке // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки. – 2018. – № 1 (23). – С. 18–23.
15. Каргер М.К. Альбом к отчету об археологических раскопках 1962 г. в Полоцке и Новогрудке // Фонд археологической научной документации Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси. – Д. № 166а.
16. Каргер М.К. Храм-усыпальница в Евфросиниевском монастыре в Полоцке // Советская археология. – 1977. – № 1. – С. 240–246.
17. Клімаў М.В. Лучанскі граўнік могілкі I // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навуковых канферэнцый / рэдкал.: Г.У. Савіцкі. – Мінск: Нацыянальная бібліятэка, 2013. – С. 20–23.
18. Клімаў М.В. Новыя археалагічныя даследаванні ў гарадах Падзвіння ў 2009 годзе // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2012. – Вып. 23. Археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Беларусі ў 2009–2010 гадах. – С. 313–323.

⁴ Антрапалагічная экспертыза была зроблена толькі для могілак на Стрэлцы Ніжняга замка, могілак пры храме –пахавальні і пахаванняў пры Спаса-Праабражэнскім храме.

19. Магалінскі І.У., Торшын Я.М., Зыкаў П.Л. Папярэднія вынікі археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Спаса-Еўфрасіньеўскага манастыра ў 2016 г. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2018. – Вып. 29. – С. 277–280.
20. Папярэднія вынікі даследавання могільніка XI–XIII стст. на тэрыторыі Верхняга замка Полацка / І.У. Магалінскі, В.А.Емельянчык, А.Л. Коц, П.М. Кенько // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки. – 2023. – № 2(67). – С. 6–12.
21. Макаров Н.А. Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей // Советская археология. – 1981. – № 2. – С. 111–116.
22. Курганныя могільнікі захаду Браслаўскага Паазер'я (матэрыялы раскопак 1978–2010 гадоў) / М.А. Плавінскі, Л.У. Дучыц, А.М. Плавінскі, В.І. Шадыра. – Мінск: Галіяфы, 2014. – 220 с.
23. Тарасов С.В. Отчёт о раскопках в Полоцке и Полоцкой округе в 1987 г. // Фонд археологической научной документации Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси. – Дело № 1014.
24. Чараўко В.У. Пахавальныя помнікі Полацка XIV–XVIII стст. // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2019. – № 1. – С. 129–135.
25. Штыхаў Г.В. Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 191 с.

Паступіў 08.12.2023

ПЛИНФА В ПОГРЕБЕНИЯХ XI–XIV ВВ. В ПОЛОЦКЕ

А.Л. КОЦ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье представлены материалы исследований погребальных комплексов древнерусского периода. В отдельных погребениях зафиксирован сопроводительный инвентарь – древний кирпич-плинфа. Её клали под голову умершего. В литературе такие детали определяются как «каменные подушки». Исследователи связывают их с аскетичностью умершего. В Полоцке зафиксировано 9 могил с плинфой, из них 4 в грунтовых погребениях на кладбищах при церквях и 5 в саркофагах каменных храмов. Плинфу использовали с того же памятника, при котором (или в котором) были устроены погребения. Во всех зафиксированных примерах в Полоцке использовались один или несколько кусков плинфы. В отдельных случаях целый кирпич, но с повреждениями. Предварительно определено, что плинфу под голову могли укладывать в могилу социально значимого лица.

Ключевые слова: Полоцк, погребальные памятники XI–XIV вв., погребение, кладбище, плинфа, «каменные подушки».

PLINTH IN THE BURIALS OF THE XIth – XIVth CENTURIES IN POLOTSK

A. KOTS

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article presents materials from studies of burial complexes of the Ancient Rus' period. In some burials, accompanying grave goods were recorded - an ancient brick plinth. It was placed under the head of the deceased. In the literature, such details are defined as "stone pillows". Researchers associate them with the asceticism of the deceased. 9 graves with plinths were recorded in Polotsk. 4 were in ground burials in church cemeteries and 5 were in sarcophagi of stone churches. The plinth was used from the same monument at which (or in which) the burials were located. In all examples in Polotsk were used one or more pieces of plinth. In some cases, there is a whole brick, but with damage. It has been previously determined that the plinth under the head could have been placed in the grave of a socially significant person.

Keywords: Polotsk, funerary monuments of the XIth – XIVth centuries, burial, cemetery, plinth, "stone pillows".

УДК 341.222.4(476)(474.3)(474.5)

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-29-34

**ГРАНИЦА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО С ЛИВОНИЕЙ
В РАЙОНЕ ДРИСВЯТ И БРАСЛАВА (1426 г.)****О.В. ЛИЦКЕВИЧ***(Республиканский институт высшей школы, Минск)*ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9959-1627>e-mail: litz@rambler.ru

В статье анализируется описание границы ВКЛ с Ливонией 1545 г. (по списку XVIII в.), несколько лет назад открытое в рижском архиве. Представлены результаты верификации этого источника и проведена локализация отраженной в нем линии границы на участке Дрисвят и Браслава. Сделан вывод, что описание 1545 г. характеризуется высокой степенью достоверности и содержит ценную информацию о границе ВКЛ с Ливонией, демаркированной в правление великого князя Витовта (1426 г.).

Ключевые слова: Витовт, демаркация границы, делимитация границы, Дрисвяты, Браславское Поозерье, пограничье.

Введение. В изучении Великого Княжества Литовского как одной из исторических форм белорусской государственности актуальным остается вопрос об условиях и процессах формирования древнейших линейных границ и территории этого государства, особенно на тех участках, по которым сейчас проходит Государственная граница Республики Беларусь. Целью настоящей статьи является локализация участка границы ВКЛ с Ливонией, которая была проведена в последние годы правления великого князя литовского Витовта в районе Дрисвят и Браслава. Для этого привлекается новый письменный источник на латинском языке, который несколько лет назад был выявлен в Риге и ещё недостаточно глубоко изучен. В рамках исследования ставятся следующие задачи: определить обстоятельства возникновения и степень достоверности указанного письменного источника; с привлечением картографических, топонимических и иных материалов локализовать на местности основные точки прохождения отраженной в нем границы; охарактеризовать полученные результаты с учетом исторического контекста и наших знаний о пограничных спорах между ВКЛ и Ливонией в XV–XVI вв.

Основная часть. 27 сентября 1422 г. близ озера Мельно было заключено соглашение о мире и делимитации границы между Королевством Польским, Великим Княжеством Литовским, с одной стороны, и Тевтонским орденом в Пруссии и Ливонии – с другой. В договоре было регламентировано, что ливонский участок границы должен проходить от впадения р. Свента в Балтийское море до её верховьев и далее – на восток, в соответствии с конфигурацией старинных границ Жемайтии, Литвы и Руси с Ливонией. Демаркация, то есть обозначение этих границ на местности, продолжалась четыре года и была завершена в июне 1426 г. на полоцко-ливонском участке.

Долгое время в историографии были известны лишь фрагментарные описания границы ВКЛ с Ливонией, которые отражают демаркацию 1426 г. В них описаны самые западные курляндские участки границы ВКЛ [1, s. 326–327; 2, s. 199]. Опираясь на эти источники, литовский историк Рокас Варакаускас предположил, что в 1426 г. граница ВКЛ с Ливонией была согласована только от р. Свента до р. Сидрабе, то есть до окрестностей современного города Ионишкис в Литве [3, p. 234]. Однако несколько лет назад было сделано открытие, заставляющее пересмотреть эту точку зрения. В 1999 г. латвийская исследовательница Марите Яковлева в своей докторской диссертации о Курляндском герцогстве обратила внимание на то, что в Латвийском государственном историческом архиве хранятся неизданные копии протоколов обследования границы ВКЛ с Ливонией 1545 г. В 2011 г. литовские исследователи Томас Челкис и Дарюс Антанавичюс опубликовали эти материалы [4], и по многим признакам стало ясно, что в протоколах 1545 г. может быть отражена граница, проведенная еще в правление великого князя Витовта.

Вышеупомянутое описание границы выявлено в фонде герцогов Курляндии¹. Это список первой половины XVIII в., подписанный Ульрихом Хартманом, секретарем архива герцога Курляндии Эрнста Иоганна Бирона. Он основан на более ранней копии от 3 августа 1658 г., заверенной в Митаве нотариусом Годфридом Фабрициусом. Текст написан на латинском языке. Из документа явствует, что в нем по поручению ливонского магистра Германа фон Брюггенэ-Хазенкампа (занимавшего эту должность с 1535 по 1549 г.) описывается «старинная ливонская граница Шедибора» (*vetetum Livoniae limitum Scheidebori*). Описание начинается от озера Курцума, расположенного к востоку от современного литовского города Зарасай. В восточном направлении – от озера Курцума до Западной Двины – объезд границы начали 27 июля 1545 г. ливонские комиссары Каспар Фрайтаг и Генрих Плятер (имена представителей ВКЛ в документе не указаны). В западном направлении – от озера Курцума до побережья Балтийского моря – с ливонской стороны 25 июля того же года поехали вице-комтур Гольдингена Иоганн фон Нойхоф-Лей и Иоганн Фолькерзамб, а со стороны ВКЛ – Каспар Янович Гедройть и латинский писарь канцелярии ВКЛ Станислав Якубович Скоп.

¹ Latvijas Valsts vēstures arhīvs (LVVA). – 554 f. – 3 apr. – 20 l. – 1–8v lp.

Упомянутый здесь «Шедибор» – это вилькомирский староста Шедибор Валимонтович. Он фигурирует в источниках за период с 1418 по 1432 гг., а в 1424–1425 гг. по поручению великого князя Витовта участвовал в переговорах с Орденом по поводу демаркации границ [5, s. 93]. Какая-то старинная «Шедиборова граница» называется в договоре 1473 г. о делимитации границы между ВКЛ и Ливонией, а также в дополнительном протоколе к нему (*granicies Schedibori, Scheidewars sceidingen*) [6, s. 159–162]. Поскольку между 1426 и 1473 гг. никаких других полных демаркаций границы ВКЛ с Ливонией в сохранившихся источниках не зафиксировано, мы предполагаем, что и в договоре 1473 г., и в описании 1545 г. под «старой границей Шедибора» понимается граница, проведенная под руководством Шедибора Валимонтовича в правление Витовта, то есть в 1426 г.

Согласно договору 1473 г., новая граница ВКЛ с Ливонией должна была проходить посредине пространства между так называемой Войшвилтовой границей на севере и Шедиборовой границей на юге [5, s. 94–97]. По этой причине после заключения договора 1473 г. и почти на всем протяжении XVI в. вопрос о конфигурации Шедиборовой границы по-прежнему имел большое практическое значение в дипломатических спорах между ВКЛ и Ливонией по поводу восстановления и исправления границ. В особенности была заинтересована в определении линии Шедиборовой границы ливонская сторона: чем южнее была бы обозначена эта линия, тем более выгодной для Ливонии оказывалась бы новая граница, проводимая согласно договору 1473 г. В этой связи важно ответить на вопрос: насколько достоверным является прохождение Шедиборовой границы, представленное в описании 1545 г.? Какие у нас есть основания для того, чтобы предполагать, что эта линия действительно отражает границу времен великого князя Витовта?

Для верификации описания 1545 г. необходимо прежде всего привлечь другие описания Витовтовой границы 1426 г. В немецкоязычном недатированном описании участка границы от р. Сидрабе (правого притока р. Платоне) до впадения р. Свента в Балтийское море, сохранившемся в трех курляндских списках конца XVI в., имеется помета, что это граница времен Витовта, проведенная в соответствии с условиями вечного мира: «*Dith isz hertogk Vietholdt schedinge, darmith de ewige frede beschlaten isz*» [1, s. 326]. С ним в целом совпадает недатированное описание участка от р. Сидрабе до горы Kruten (Круопяй), известное в орденском списке конца XV в. [1, s. 326–327]. Хотя эти два документа и описание 1545 г. имеют разный уровень детализации, в них совпадает целый ряд опорных точек, например: городище Сидрабе (Кальнялис) – р. Платоне – р. Киве – р. Вище – р. Свете, на которой находилось городище Рактувес-Калнс, – гора Круопяй.

Участок от р. Дабикине (правого притока р. Вянта) до городища Пашиле описан в документе из канцелярии епископа Куронии от 7–9 декабря 1540 г. В нем тоже есть ссылка на демаркацию времен Витовта (*Hertoch Witholdt*) [2, s. 199]. Этот документ в значительной мере совпадает с описанием Шедиборовой границы 1545 г. и описанием «*Dith isz hertogk Vietholdt schedinge*». Данные в этих трех описаниях взаимодополняют друг друга. Согласно им, линия Витовтовой границы шла через опорные точки: р. Дабикине – городище Капенай на р. Вирвите – городище Певенай – городище Баленай – оз. Плинкшес – р. Вардува (и поле Грусте на ней) – городище Пуоке – городище Пашиле на р. Шата – р. Эрла – р. Свента от ее истока до впадения в Балтийское море [2, s. 199; 1, s. 326; 4, p. 176–177].

Таким образом, на курляндском отрезке описание Шедиборовой границы 1545 г. и три сохранившихся описания Витовтовой границы представляют почти идентичные линии, даже если допустить погрешность в 2–3 километра. Представленная в них граница проходит значительно южнее, чем граница, демаркированная в соответствии с договором 1473 г. и известная по описаниям XVI в.

Проверке поддается также участок Шедиборовой границы, который в соответствии с описанием 1545 г. проходил с востока на запад по линии: р. Ровая – р. Апаця – оз. Апаця – р. Смордоня – р. Татула, правый приток р. Муша [4, p. 174–175]. Такое прохождение границы совпадает с линией делимитации, указанной в Салинском договоре 1398 г., а также внешними границами ливонской волости Ногайла, которые известны по источнику 1416 г. [7, s. 161]. Кроме того, оно подтверждается актовыми материалами XV в. Например, король Казимир 27 октября 1450 г. пожаловал Олене Кезгайловой «Тоталские сеножати» возле р. Муша, начиная от р. Пивяса «до Немецкое границы» [8, p. 48]. Из этого следует, что граница с Ливонией в то время действительно проходила по р. Татула.

Противоречия между описанием Шедиборовой границы 1545 г. и некоторыми другими источниками могут быть объяснены с помощью методов источниковедческой критики. Так, под 1588 г. в актовой книге Жемайтского земского суда упоминается утраченное пожалование Витовта, якобы выданное предку землянина Андрея Яновича Балтроевича на имение Ритинай близ р. Луше [9, s. 111]. Эта местность находилась значительно севернее линии границы, отраженной в описании 1545 г. и других описаниях Витовтовой границы. По р. Луше граница с Ливонией прошла только в результате демаркации, проведенной после заключения договора 1473 г., поэтому мнимое пожалование остается признать фальсификатом. В описании 1545 г. и договоре 1473 г. по-разному представлен участок Шедиборовой границы в районе р. Муша: в договоре 1473 г. линия проведена на несколько километров севернее – в районе городища Камадр. По нашей гипотезе, при заключении договора 1473 г. делегация ВКЛ, которую возглавлял сановник Радивил Остикович, намеренно представила неверную информацию о прохождении Шедиборовой границы на этом участке. Это было продиктовано имущественными интересами Радивила Остиковича, владевшего близлежащим имением Биржай.

Обратимся теперь непосредственно к описанию интересующего нас участка Шедиборовой границы в районе Дрисвят и Браслава. Ниже представлен его перевод с латыни и проведена локализация основных опорных точек с привлечением картографических и топонимических данных.

Перевод:

«Описание старинных границ Ливонии, называемых Шедиборовыми, которые были в присутствии королевских адъютантов осмотрены и разведаны 27 июля 1545 г. комиссарами и исследователями Каспаром Фрайтагом и Генрихом Плятером по поручению светлой памяти господина Германа Хазенкампа, некогда магистра Тевтонского ордена в Ливонии.

Сначала от места Курцума (Cursum), восходя вверх по направлению к Двине (Dunam), приступили в Литве к малому озеру, названному Waissen² и расположенному на расстоянии одной мили от Курцумы.

От этого озера следует идти через небольшой луг, где стоял некий дуб; на нем были вырезаны заметные знаки Великого Княжества Литовского и Ливонии, которые литвины³ впоследствии уничтожили.

От того места проследовать к камню, на котором когда-то был знак креста, ныне уничтоженный литви-

нами. Мы еще застали такое обозначение –

От камня проследовать через небольшие пространства сухим путем и по лугам до некоей долины, от долины к лугу, через луг к болоту, через болото к озеру, которое называется Gyreszen⁴. Через озеро к некоей речке, и далее идти вдоль русла этой речки до берега озера Smalwen⁵. Оттуда по речке Smalwen⁶ вдоль ее русла к небольшому озеру Schrittailen⁷. Пройдя через озеро, вновь следовать вдоль той же речки к озеру Baginen⁸.

Из озера Baginen спускаться вниз по течению по речке того же названия к озеру Друкшай (Druختen)⁹. Через озеро следовать до расположенного на нем небольшого острова Strelzen¹⁰, на берегу которого лежал большой камень. На этом камне прежде был знак креста, который в прошедшее время был уничтожен литвинами. От камня идти на другой берег того же острова, где подобным же образом находится другой камень, прежде обозначенный крестом. Эти знаки ныне литвинами уничтожены, однако их еще можно как-то различить.

От камня прямо через озеро Друкшай в местность, расположенную рядом с городом (orpidum)¹¹. Через эту местность прорыт ров, по обим сторонам которого насыпана земля, наподобие границ между провинциями, называемых в просторечьи *einer landtwehre*¹². Там же прежде стоял дуб, на котором были литовские и ливонские знаки, но его литвины уже уничтожили.

Оттуда следовать к той стороне указанного озера Друкшай, которая называется Aszaw¹³. Пройдя через нее, идти к реке Muiszen¹⁴, далее подняться вверх по течению этой реки до озера Muiszen¹⁵. Через это озеро пройти к реке Purwen, которая по-литовски называется Puszesillen¹⁶. И по этой реке напрямик до озера Purven, также называемого по-литовски Puszesillen¹⁷.

Оттуда через озеро следует направляться к болоту, через болото к сухому месту, а через ту местность вдоль некоей долины – к камню, который называется Kabul akmen¹⁸. На нем когда-то был вырезан конь, который является знаком Литвы, и два креста, знак Ливонии. Но эти знаки литвины постарались уничтожить через боярина

² Оз. Вейсинис в Литве (лит. Vaisinis).

³ Здесь и далее в описании под «литвинами» (Lithuanes) понимаются жители Великого Княжества Литовского в политическом смысле.

⁴ Может быть, оз. Гелути (лит. Gilutes) к югу от д. Смалвос в Литве.

⁵ Оз. Смалвас в Литве (лит. Smalvas).

⁶ Один из рукавов р. Смальвяле (лит. Smalva), вытекающей из оз. Смалвас и впадающей в оз. Дрисвяты.

⁷ Оз. Скрытели в Литве (лит. Skrutelis) к востоку от оз. Смалвас. См.: Мапа Szczegółowa Polski 1:25 000, 1929–1939 гг., лист P26-S43-D. URL: http://maps.mapywig.org/m/WIG_maps/series/025K/P26-S43-D_LoC_G6520_s25_P6.jpg.

⁸ Либо оз. Бокче (см. Одноверстовую карту западного пограничного пространства 1:42 000, 1903 г., лист LXIII-9. URL: <http://igrek.amzp.pl/result.php?cmd=id&god=LXIII-9&cat=R042>), либо озеро с западной стороны от оз. Дрисвяты, обозначенное на карте Google Maps как Багишкес (лит. Bağiškės) – на картах XX в. оно называется оз. Кижине.

⁹ Литовское название озера Дрисвяты.

¹⁰ Название, видимо, имеет славянскую этимологию – «Стрельцы»? Это может быть либо остров Липовец, либо, скорее всего, более крупный остров Сосновец на оз. Дрисвяты (см. топографическую карту СССР 1:50000, 1984 г., лист N-35-018-A. URL: <https://maps.vlasenko.net/smtm50/n-35-018-1.jpg>).

¹¹ Имеется в виду остров Замок, на котором до пожара 1622 г. находилось местечко Дрисвяты.

¹² Landwehr (нем.) – известное в средневековой Европе сооружение для охраны границы в виде рва и валов.

¹³ Вероятно, побережье оз. Дрисвяты в районе д. Пашевичи Браสลавского района. На карте Дрисвятского ключа 1781 г. это деревня Paszkiewiczze (AGAD. Zbiór kartograficzny. 418-15. URL: <http://agadd2.home.net.pl/metrykalia/402/album/418-15/index.html>).

¹⁴ Река Ричанка, протекающая через оз. Муйса и впадающая в оз. Дрисвяты.

¹⁵ Оз. Муйса в Браславском р-не.

¹⁶ Purvaine, purvājs – по-латышски «болотистое место». Думаем, речь идет о протоке, связывающей оз. Муйса и оз. Чертовское. На этой протоке когда-то находилась д. Пустоселье (см. топографическую карту СССР 1:50000, 1931 г., лист N-35-018-Б. URL: <http://igrek.amzp.pl/result.php?cmd=id&god=N-35-18-%D0%91&cat=USSR050>). Отсюда «литовский», а на самом деле славянский вариант названия реки – Puszesillen. Примечательно, что в полутора километрах к северу находится д. Межаны (ныне агрогородок Браславского р-на).

¹⁷ Оз. Чертовское в Браславском р-не.

¹⁸ Название «Kabul akmen» составлено из славянского слова «кобыла» (Kabul) и литовского слова акмуо («камень»). Информатор комиссии говорил на литовском языке и показал направление границы, используя винительный падеж слова акмуо: ė Kabul akmenį («к камню Кобыла»).

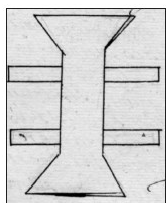
Николая Хвалькена (Kwalchuen) и крестьянина Войткуша Пунсилу (Woitkusch Punsila), который живет недалеко от этого камня. Он признался, что указанный боярин силой заставил его привезти к камню древесину, чтобы помочь сжечь и уничтожить знаки.

Оттуда идти к долине, через долину к болоту на озере Lakiten¹⁹ и, пройдя через озеро, к реке того же названия. Спуститься вниз по течению реки до малого озера Boesze, по-литовски называемого Zavenare²⁰. Через озеро проследовать к некоей речке, спуститься вниз по течению этой речки в большое озеро Boesze²¹. Через озеро пройти к небольшой реке или родниковому ручью, по которому подняться вверх до болота. Через болото к лугу, а оттуда через некую дорогу к малому болоту, похожему на луг. Оттуда через залитое водой место к другому болоту, и через это болото, миновав сухое место, проследовать до небольшого озера, называемого по-литовски Eszerelle²².

Через указанное озеро идти до некоей речки. По речке, спускаясь вниз по течению, через болото до речки Gelnitz²³ до ее впадения в озеро Struosten²⁴.

Через озеро в реку, которая по-литовски называется Nawitz²⁵. По руслу этой реки в озеро Woiszen²⁶. Через озеро Woiszen до некоего одиночного дерева. Оттуда через княжескую дорогу (regiam viam)²⁷ – до озера Nedrowitz²⁸. Через это озеро – к реке Nedrowitz, которая иначе называется Die Druigische beche²⁹.

И наконец, вдоль этой реки идти до того места, где в Двину впадает река Pergatz³⁰. В устье этой реки находится большой камень, обозначенный таким знаком.

Длина этого креста³¹, вырезанного на камне, составляет пять ладоней. Верхняя большая поперечная линия имеет протяженность в две ладони, но не крупных, нижняя – тоже в две ладони, а толщину в полпальца».

Оценивая достоверность этого фрагмента, необходимо обратить внимание на то, что представители Ливонии восстанавливали прохождение границы на основе двух категорий источников. Прежде всего, они тщательно фиксировали пограничные знаки и объекты ВКЛ и Ливонии, оставленные при демаркации Шедиборовой границы, в том числе местонахождение уничтоженных знаков. Это были знаки на деревьях и крупных камнях, а также ров с валами, вырытый к северу от замка Дрисвяты. К сожалению, упоминаемые в описании Шедиборовой границы 1545 г. пограничные камни пока невозможно соотнести с теми культовыми и историческими камнями, которые известны в Браสลавском районе в настоящее время [10, с. 349–362]. Кроме того, ливонские комиссары основывались на показаниях информаторов из числа местных жителей. Так, они допросили крестьянина Войткуша Пунсилу об обстоятельствах уничтожения пограничных знаков на камне «Кобыла» между озерами Чертовское и Локутя. Как показывает анализ текста, один из информаторов комиссии говорил на литовском языке.

В соответствии с описанием 1545 г. линия Шедиборовой границы проходила практически вплотную к замкам Дрисвяты и Браслав. Если допустить, что такая конфигурация границы возникла в результате демаркации 1426 г., то это хорошо согласуется с тем, что мы знаем о пограничных спорах между ВКЛ и Ливонией в XV – первой половине XVI в. Уже на переговорах 1445 г. делегация ВКЛ предложила ливонцам отодвинуть границу от Браслава на 1 милю (7–8 км) в сторону Ливонии [11, с. 110, 115]. Орден ответил отказом. Несмотря на это жители Браславской волости и Дрисвятского замкового округа постепенно стали вести хозяйственное освоение ливонских приграничных местностей. Думаем, именно такой колонизацией объясняется возникновение средневекового селища Струсто [12, с. 110–118] на ливонской территории, на западном берегу оз. Струсто, непосредственно к северу от границы 1426 г. Другой пример: по состоянию на 1470 г. жители Браславской волости

¹⁹ Озеро Локутя в Браславском р-не.

²⁰ Оз. Савонар в Браславском р-не.

²¹ Оз. Буже в Браславском р-не.

²² Название имеет литовскую этимологию (ežeras – «озеро»). Вероятно, это оз. Жвирблянское в Браславском р-не.

²³ Небольшая река, протекающая через оз. Ельно и впадающая в оз. Струсто с южной стороны.

²⁴ Оз. Струсто в Браславском р-не.

²⁵ Небольшая протока, которая соединяет оз. Струсто и оз. Войсо.

²⁶ Оз. Войсо в Браславском р-не.

²⁷ Стоит учитывать, что в описании отражены топонимика и ландшафт по состоянию на 1545 г., поэтому эта «княжеская дорога» может не относиться к временам Витовта.

²⁸ Оз. Недрово в Браславском р-не.

²⁹ Река Друйка, левый приток Западной Двины.

³⁰ Не локализована. Это один из левых притоков Западной Двины к западу от Друи: р. Никля, либо мелкие реки близ д. Кривовщина и д. Бильдюги Браславского р-на, либо, скорее всего, р. Робеж, по которой сейчас проходит Государственная граница Республики Беларусь с Латвией.

³¹ Двойной крест, изображение которого использовалось как пограничный знак со стороны Ливонии.

держали церковный ез (рыболовную плотину) на р. Воятица близ оз. Войты и оз. Снуды к северу от Браслава. Формально в соответствии с конфигурацией границы 1426 г. это тоже была ливонская территория, поэтому браславские крестьяне подверглись жестокому нападению со стороны ливонцев [13, с. 443–445].

В 1473 г. ВКЛ и Ливонское отделение Тевтонского ордена заключили договор о делимитации границы. На его основании была проведена новая демаркация, по итогам которой граница была значительно отодвинута от Дрисвяты и Браслава. Линия была проведена через оз. Ричу, оз. Плюсы и по р. Пресвята, левому притоку Западной Двины [подробнее см.: 14]. Однако в последующие десятилетия ливонские землевладельцы при попустительстве своего правительства нарушали эту новую границу, стремясь вернуться к более выгодному для себя разграничению 1426 г. Так, в 1520 г. ливонский магистр Вальтер фон Плеттенберг выдал жалованные грамоты двум землевладельцам на местности к северу от Браслава. Южная граница этих владений проходила по нынешней территории Республики Беларусь с востока на запад по линии: устье и русло р. Робез – оз. Берца – оз. Дубро – оз. Обабье – оз. Ельня Большая – оз. Ельня Малая – оз. Волосо – оз. Снуды – оз. Струсто – р. Ельня – городище в районе д. Жвирбли или д. Зазоны Браславского р-на – оз. Буже – оз. Савонар [15, р. 27–29]. Линия здесь практически в точности совпадает с Шедиборовой границей, отраженной в описании 1545 г. Это еще один аргумент в пользу того, что в описании 1545 г. действительно представлены опорные точки границы, проведенной в правление великого князя Витовта в 1426 г.

Условные обозначения: А – современные государственные границы Республики Беларусь, Латвии и Литвы. Б – линия границы, представленная в описании 1545 г., со следующими опорными точками: 1 – оз. Курцума; 2 – оз. Вейсинис; 3 – оз. Гелути; 4 – оз. Смалвас; 5 – оз. Скрытели; 6 – р. Смальяле; 7а – оз. Бокче; 7б – оз. Багишкес; 8 – оз. Дрисвяты; 9 – острова Сосновец и Замок; 10 – побережье оз. Дрисвяты близ д. Пашевичи; 11 – р. Ричанка; 12 – оз. Муйса; 13 – протока между оз. Муйса и оз. Чертовское; 14 – оз. Чертовское и «камень Кабыла» к востоку от него; 15 – оз. Локутя; 16 – оз. Савонар; 17 – оз. Буже; 18 – оз. Жвирбляное; 19 – оз. Ельно; 20 – оз. Струсто; 21 – протока между оз. Струсто и оз. Войсо; 22 – оз. Войсо; 23 – оз. Недрово; 24 – р. Друйка; 25 – р. Робез.

Рисунок 1. – Прохождение границы ВКЛ с Ливонией, демаркированной в 1426 г., согласно описанию 1545 г.

Заключение. В описании Шедиборовой границы 1545 г. с высокой степенью достоверности – на основе сохранившихся пограничных знаков и свидетельств местных информаторов – отражено прохождение границы ВКЛ с Ливонией, демаркированной в 1426 г. Достоверность описания 1545 г. подтверждается тремя описаниями Витовтовой границы на курляндском участке, а также другими источниками XV – первой половины XVI в. Граница с Ливонией, демаркированная в 1426 г., проходила вплотную к замкам Дрисвяты и Браслав. Это создавало определенные военные риски и хозяйственные неудобства, поэтому правительство ВКЛ уже в 40-х гг. XV в. настаивало на пересмотре границы на этом участке, чтобы отодвинуть её к северо-западу. Еще до 1470 г. землевладельцы ВКЛ начали хозяйственное освоение ливонских земель, примыкавших к Шедиборовой границе в районе озер Струсто и Снуды. Согласно договору о делимитации границы ВКЛ с Ливонией 1473 г. новая граница действительно была отодвинута от Дрисвяты и Браслава. Однако территории между новой и старой границами еще долгое время оставались спорными, поскольку ливонская сторона стремилась вернуться к более выгодной для себя границе 1426 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch / Begr. von F. G. von Bunge ... fortges. von H. Hildebrand. – Abteilung 1. – Bd. 7. 1423 Mai – 1429 Mai. – Riga – Moskau: Verlag von J. Deubner, 1881. – XXXII, 608 s.

2. Russisch-Livlandische Urkunden / Gesammelt von K. E. Napiersky. – Sankt Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften, 1868. – XXIII, 453 s.
3. Varakauskas R. Lietuvos ir Livonijos santykiai XIII–XVI a. – Vilnius: Mokslas, 1982. – 392 p.
4. Čelkis T., Antanavičius D. 1545 metų Livonijos ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės sienos patikrinimas (Livonijos pareigūnų ataskaita) // Lietuvos istorijos studijos. – 2011. – Nr 27. – P. 164–178.
5. Dorna M. Akt delimitacji litewsko-inflanckiej z 7 lipca 1473 roku // Lituano-Slavica Posnaniensia. – 2013. – T. 14. – S. 87–102.
6. Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. – Abteilung 1. – Bd. 13. 1472–1479 / Bearb. von M. Mahling, K. Neitmann und M. Thumser. – Köln – Weimar – Wien: Böhlau Verlag, 2018. – 880 s.
7. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Hrsg. von F. G. von Bunge. – Abteilung 1. – Bd. 5. 1414–1423. – Riga: Im Verlage von Nikolai Kymmell, 1867. – 80, 1071 s.
8. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498): Užrašymų knyga 3 / Parengė L. Anužytė ir A. Baliulis. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 1998. – 165 p.
9. Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi, magni ducis Lithuaniae / Opr. i wyd. J. Ochmański. – Warszawa etc.: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986. – 256 s.
10. Культавыя і гістарычныя валуны Беларусі / А.К. Карабанаў і інш. – 3-е выд. – Мінск: Беларус. навука, 2023. – 404 с.
11. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Begr. von F. G. von Bunge... fortges. von H. Hildebrand. – Abteilung 1. – Bd. 10. 1444–1449. – Riga – Moskau: Kommissions-Verlag von J. Deubner, 1896. – XLVIII, 576 s.
12. Плавінскі М.А. Познесярэднявечныя селішчы Браслаўскага Паазер'я (па матэрыялах разведак 2004–2005 гадоў) // Віцебскія старажытнасці. Матэрыялы навуковай канферэнцыі. Віцебск, 17–18 кастр. 2013 г. – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2017. – С. 110–126.
13. Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Begr. von F. G. von Bunge ... fortges. von H. Hildebrand, Ph. Schwartz, L. Arbusow und A. von Bulmerincq. – Abteilung 1. – Bd. 12. 1460–1472. – Riga – Moskau: Kommissions-Verlag von J. Deubner, 1910. – XIV, 542 s.
14. Лицкевич О.В. Полоцко-ливонская граница в XIII–XV веках // Граница и пограничье. Научный журнал Института пограничной службы Республики Беларусь. – 2022. – № 2. – С. 5–30.
15. Auns M. Livonijas un Braslavas novada robeža // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. A daļa. – 2008. – Nr. 3/4. – P. 27–33.

Поступила 13.06.2023

THE BORDER OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA WITH LIVONIA IN THE AREA OF DRISVIATY AND BRASLAV (1426)

A. LITSKEVICH

(National Institute for Higher Education, Minsk)

The article analyzes the description of the border between the GDL and Livonia of 1545 (according to the copy of the 18th century), discovered in the Riga archive several years ago. The results of verification of this source and localization of the border line reflected in it in the area of Drisviaty and Braslav are presented. The conclusion is that the description of 1545 is of high reliability and contains valuable information about the border between the GDL and Livonia demarcated during the reign of Grand Duke Vitovt (1426).

Keywords: *Vitovt, border demarcation, border delimitation, Drisviaty, Braslav Lakeland, borderland.*

УДК 572.029:930(476)"18"

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-35-41

**ПАМЯТНЫЯ КНІЖКІ ГУБЕРНЯЎ ЯК КРЫНІЦА ДЛЯ Вывучэння Смяротнасці
Праваслаўнага Насельніцтва Беларусі Другой Паловы XIX ст.¹**

*канд. біял. навук, дац. В.А. ЕМЯЛЬЯНЧЫК
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)*

У артыкуле прадстаўлены вынікі аналізу статыстычных звестак, апублікаваных у Памятных кніжках беларускіх губерняў за 1858–1864 гг. Устаноўлена, што статыстычныя даныя аб смяротнасці, апублікаваныя ў Памятных кніжках Віцебскай губерні за 1862–64 гг., не з’яўляюцца дакладнымі і характарызуюцца істотным недаўлікам дзіцячых смерцяў. Пікі смяротнасці ва ўсіх даследаваных групам прыходзяцца на ранні дзіцячы ўзрост. Доля памерлых дзяцей ад агульнай колькасці смерцяў вышэй у сельскай мясцовасці, чым у гарадах. І ў гарадах, і ў сельскай мясцовасці назіраецца павышаная смяротнасць хлопчыкаў ва ўзросце да 5 гадоў у параўнанні з дзяўчынкамі. У дарослым узросце пачынаюць праяўляцца адрозненні характару мужчынскай і жаночай смяротнасці ў гарадах і сельскай мясцовасці. У сельскай мясцовасці назіраецца некаторае павышэнне колькасці памерлых жанчын рэпрадуктыўнага ўзросту ў параўнанні з мужчынамі. Для гарадоў характэрна адваротная сітуацыя: смяротнасць мужчын працаздольнага ўзросту значна перавышае жаночую смяротнасць.

Ключавыя словы: *Памятныя кніжкі губерняў, статыстыка смяротнасці, гарадское і сельскае насельніцтва, полаўроставае размеркаванне смяротнасці.*

Уводзіны. Смяротнасць з’яўляецца важным інтэгрэтыўным паказчыкам, які адлюстроўвае агульны стан здароўя насельніцтва і ўмовы яго жыцця. Даследаванне смяротнасці ў гістарычнай рэтраспектыве дазваляе прасачыць уздзеянне комплекса прыродных, гістарычных і сацыяльна-эканамічных фактараў на стан здароўя насельніцтва розных эпох. У сувязі з адносна познім з’яўленнем дэмаграфічнай статыстыкі на тэрыторыі Беларусі адной з галоўных крыніц вывучэння смяротнасці з’яўляецца палеадэмаграфія, заснаваная на аналізе пола-ўзраставага складу пахаваных у межах аднаго могільніка. Адной з галоўных праблем палеадэмаграфіі з’яўляецца неаднолькавая ступень захаванасці шкідливых матэрыялаў. Так, вядома, што большасць даследаваных археолагамі могільнікаў характарызуецца недаўлікам дзіцячых пахаванняў, у сувязі з тым, што дзіцячыя парэшткі захоўваюцца значна горш у параўнанні з парэшткамі дарослых індывідаў. У гэтай сувязі важна прасачыць агульныя заканамернасці пола-ўзраставага размеркавання смяротнасці ў папуляцыях з агульным тыпам узнаўлення насельніцтва. З моманту ўзнікнення дзяржаўнасці і да канца XIX ст. на беларускіх землях захоўваўся аграрны тып эканомікі, для якога ўласцівы т.зв. традыцыйны, ці патрыярхальны, тып узнаўлення, які характарызуецца раннім узростам уступлення ў шлюб, высокай нараджальнасцю ў спалучэнні з высокай смяротнасцю дзяцей і нізкай сярэдняй працягласцю жыцця.

Адной з ранніх крыніц дэмаграфічнай статыстыкі Беларусі з’яўляюцца Памятныя кніжкі, якія выдаваліся губернскімі статыстычнымі камітэтамі, пачынаючы з сярэдзіны XIX ст. Гэта былі афіцыйныя даведнікі, у якіх размяшчаліся каляндарныя, адміністрацыйныя, гісторыка-краязнаўчыя звесткі, а таксама статыстычныя матэрыялы. У статыстычных раздзелах Памятных кніжак публікаваліся даныя пра колькасць насельніцтва ў гарадах і паветах, яго саслоўны і канфесійны склад, а таксама даныя пра натуральны рух насельніцтва (колькасць народжаных і памерлых).

Асаблівасцю Памятных кніжак губерняў, асабліва іх першых выданняў, была адсутнасць адзінай структуры і розная якасць адпаведнага інфармацыйнага напаўнення раздзелаў. На змест канкрэтных выданняў уплывалі розныя фактары, у тым ліку фінансавыя магчымасці камітэтаў, а таксама інтарэсы іх сакратароў [1, с. 183–184]. У гэтай сувязі, ня гледзячы на пэўнае структурнае падабенства, Памятныя кніжкі асобных губерняў мелі свае індывідуальныя асаблівасці. Так, у статыстычных раздзелах Памятных кніжак звычайна прадстаўлены звесткі пра агульную колькасць народжаных і памерлых за мінулы перыяд. Пры гэтым дэталізаваныя даныя пра колькасць памерлых па гарадах і паветах з улікам полу і ўзросту ўтрымліваюцца толькі ў некаторых выданнях: у Памятнай кніжцы Мінскай губерні за 1861 г. [2], Памятнай кніжцы Магілёўскай губерні за 1861 г. [3], Памятных кніжках Гродзенскай губерні за 1860 г. і 1866 г. [4–5], а таксама ў памятных кніжках Віцебскай губерні за 1864, 1865 і 1866 г. [6–8]. Даныя пра полаўзраставае размеркаванне смерцяў па Віленскай губерні ёсць толькі ў Памятнай кніжцы за 1861 г., аднак без уліку канфесійнай прыналежнасці, а таксама без падзелу на гарадское і сельскае насельніцтва.

Яшчэ адной асаблівасцю Памятных кніжак, на якую звяртаюць увагу даследчыкі, з’яўляецца тое, што статыстычныя даныя, асабліва тыя, што публікаваліся ў першыя гады існавання камітэтаў, не заўсёды з’яўляюцца дакладнымі [9, с. 3; 1, с. 187]. Глумачыцца гэта шэрагам прычын, у тым ліку адсутнасцю строга распрацаваных праграм для збору звестак, адсутнасцю неабходнай кваліфікацыі ў членаў статыстычных камітэтаў [1, с. 187–188].

¹Артыкул падрыхтаваны ў межах праекта Беларускага рэспубліканскага фонда фундаментальных даследаванняў “Пахавальныя помнікі Полацка XI–XVIII стст. у кантэксце развіцця сінхронных некропалей Беларускага Падзвіння: пахавальны абрад, інвентар, палеантрапалагічная характарыстыка” (нумар дзяржаўнай рэгістрацыі 20221071 ад 06.07.2022).

Мэта даследавання – вызначыць, у якой ступені статыстычныя даныя аб смяротнасці насельніцтва, апублікаваныя ў Памятных кніжак беларускіх губерняў, могуць лічыцца дакладнымі, а таксама прасачыць заканамернасці пола-ўзроставага размеркавання смяротнасці ў групах гарадскога і сельскага насельніцтва Беларусі другой паловы XIX стагоддзя.

Асноўная частка. У аналіз былі ўключаны статыстычныя даныя пра смяротнасць праваслаўнага гарадскога і сельскага насельніцтва Віцебскай, Магілёўскай, Мінскай, Гродзенскай губерняў. Матэрыялы Памятных кніжак Віленскай губерні не разглядаліся, паколькі, як было ўказана вышэй, звесткі аб смяротнасці насельніцтва там прадастаўлены без уліку канфесійнай прыналежнасці, а таксама без падзелу на гарадское і сельскае насельніцтва. Паколькі пытанне пра дакладнасць статыстычных даных Памятных кніжак губерняў застаецца адкрытым, для параўнання былі прыцягнуты статыстычныя звесткі пра натуральны рух насельніцтва Магілёўскай губерні за 1871–1881 гг. [10]. У табліцы 1 прадастаўлены даныя пра пола-ўзроставы склад памерлых, разлічаныя на падставе матэрыялаў указаных Памятных кніжак.

Табліца 1. – Пола-ўзроставы склад памерлых

Губерня	Год	Агульная колькасць памерлых, чал.	Склад, %			
			Індывіды старэй за 15 год		Індывіды маладзей за 15 год	
			Мужчыны	Жанчыны	Дзеці	у т. л. немаўляты да 1 года
<i>Сельская мясцовасць</i>						
Мінская	1858	22155	17,7	22,1	60,2	18,9
Магілёўская	1859	22752	17,1	19,6	63,4	18,9
Гродзенская	1859	11424	15,7	20,3	64,0	20,9
Гродзенская	1864	14884	15,4	18,9	65,7	23,8
Віцебская	1862	14821	33,7	42,2	24,0	–
Віцебская	1863	16434	34,0	30,0	36,0	9,0
Віцебская	1864	14294	30,1	28,2	31,7	7,6
<i>Гарады</i>						
Мінская	1858	744	31,8	16,7	51,5	22,4
Магілёўская	1859	1707	25,8	16,1	58,1	23,3
Гродзенская	1859	571	33,3	17,4	49,4	25,2
Гродзенская	1864	617	31,9	17,3	50,7	21,7
Віцебская	1862	1080	38,2	26,9	34,8	–
Віцебская	1863	2300	34,5	29,8	35,7	7,2
Віцебская	1864	2840	32,4	34,2	33,3	3,8

Дзіцячая смяротнасць. Як бачна з табліцы 1, у сельскай мясцовасці Мінскай, Магілёўскай і Гродзенскай губерняў доля дзяцей, якія памерлі ва ўзросце да 15-ці год, складала больш за палову ад агульнай колькасці смерцяў (ад 60,2% да 65,7%). Даныя па Віцебскай губерні паказваюць істотна ніжэйшыя паказчыкі (24,0,3–36,0%). Адрозненне статыстычных даных па Віцебскай губерні яшчэ больш выразна прасочваецца на прыкладзе смяротнасці немаўлят. Ва ўсіх губернях, за выключэннем Віцебскай, працэнт немаўлят, якія памерлі ва ўзросце да 1-го года, вар’іруе ў межах 18,9–23,8%. У матэрыялах Памятнай кніжкі Віцебскай губерні за 1862 г. звесткі пра смяротнасць немаўлят зусім адсутнічаюць, а статыстычныя даныя за 1863 і 1864 год паказваюць надзвычайна нізкую для таго часу смяротнасць немаўлят – 7,6 і 9,0% ад агульнай колькасці смерцяў.

Статыстычныя даныя пра смяротнасць у гарадах Мінскай, Магілёўскай і Гродзенскай губерняў паказваюць, што доля дзяцей, якія памерлі ва ўзросце да 15 гадоў, складала каля паловы ад агульнага ліку смерцяў, дасягаючы 49,4–58,1% (табліца 1), тым часам як у гарадах Віцебскай губерні гэты паказчык, як і ў выпадку з сельскім насельніцтвам, аказваецца заніжаным і складае ўсяго каля траціны ад агульнай колькасці смерцяў (33,3–35,7%). Працэнт немаўлят, якія памерлі ва ўзросце да 1-го года, ва ўсіх губернях, за выключэннем Віцебскай, вар’іруе ў межах 21,7–25,2%, у той час як матэрыялы Памятных кніжак Віцебскай губерні паказваюць або поўную адсутнасць даных пра смяротнасць немаўлят (1862 г.), або значна ніжэйшыя, у параўнанні з іншымі губернямі, паказчыкі (7,2 і 3,8% ад агульнага ліку смерцяў паводле даных за 1863 і 1864 год).

Паколькі працэнт дзіцячых смерцяў ад агульнай колькасці памерлых можа залежаць ад долі дзяцей у жывой папуляцыі, для аб’ектыўнай ацэнкі ўзроўню смяротнасці немаўлят ў дэмаграфіі выкарыстоўваецца такі паказчык, як працэнт памерлых немаўлят да 1-го года на 100 народжаных. У табліцы 2 прадастаўлены даныя пра смяротнасць немаўлят, разлічаныя намі на падставе даных пра колькасць народжаных і памерлых, апублікаваных у Памятных кніжках губерняў.

Як бачна з табліцы 2, паказчык смяротнасці немаўлят па Віцебскай губерні значна ніжэй, чым у іншых губернях, і вагаецца ў межах 4,8–8,0%. П.І. Куркін у сваім дэталёвым даследаванні, прысвечаным статыстыцы дзіцячай смяротнасці ў Еўропе канца XIX – пачатку XX ст., адзначае, што ў гэты перыяд мінімальны ўзровень смяротнасці немаўлят не апускаўся ніжэй за 7–8%. Падобны нізкі паказчык назіраўся ў найбольш развітых у сацыяльна-эканамічных адносінах рэгіёнах, такіх, як Скандынавія, альбо ў сацыяльных групах з высокім статусам

і ўзроўнем дабрабыту, такіх, як каралеўскія сем’і Еўропы [11, с. 5]. Калі прыняць матэрыялы статыстыкі па Віцебскай губерні за верагодныя, то дзевяццацца дапусціць, што як у гарадах, так і ў сельскай мясцовасці губерні дзіцячая смяротнасць была ніжэйшая за еўрапейскі мінімум. Пры гэтым адсутнічаюць любыя падставы меркаваць пра існаванне нейкіх асаблівых умоў жыцця праваслаўнага насельніцтва Віцебскай губерні пачатку 60-х гг. XIX ст., што маглі б спрыяць радыкальнаму зніжэнню дзіцячай смяротнасці. Найбольш верагодна, што нізкі працэнт дзіцячых смерцяў у Віцебскай губерні тлумачыцца няпоўнасцю апублікаваных даных. Гэта не дзіўна, бо дакладная фіксацыя дзіцячай смяротнасці ў Расійскай імперыі з’яўляецца не раней за 80-я гг. XIX ст. [12, с. 25].

Табліца 2 – Каэфіцыент смяротнасці немаўлят

Губерня	Год	Працэнт памерлых немаўлят да 1 года на 100 народжаных			
		агульны	хлопчыкі	дзяўчынкі	розніца
<i>Сельская мясцовасць</i>					
Мінская	1858	11,6	12,2	11,0	1,2
Магілёўская	1859	11,7	12,4	11,0	1,4
Гродзенская	1859	10,1	10,8	9,4	1,4
Гродзенская	1864	12,4	12,8	11,9	0,9
Віцебская	1862	–	–	–	–
Віцебская	1863	7,2	6,5	8,0	-1,6
Віцебская	1864	5,1	4,5	5,8	-1,3
Магілёўская	1871-1881	18,8	20,0	17,6	2,4
<i>Гарады</i>					
Мінская	1858	18,2	20,9	15,2	5,7
Магілёўская	1859	23,4	24,2	22,5	1,7
Гродзенская	1859	19,7	22,7	17,1	5,6
Гродзенская	1864	15,6	16,9	14,1	2,7
Віцебская	1862	–	–	–	–
Віцебская	1863	8,0	6,6	9,7	-3,0
Віцебская	1864	4,8	3,6	6,4	-2,8
Магілёўская	1871-1881	25,0	26,0	24,0	2,0

Выключыўшы з аналізу даныя пра дзіцячую смяротнасць па Віцебскай губерні, можна прасачыць наступную заканамернасць: доля дзяцей, памерлых ва ўзросце да 15 год, ад агульнай колькасці смерцяў была вышэй у сельскай мясцовасці, чым у гарадах. На павышэнне долі памерлых дзяцей у сельскай мясцовасці магла паўплываць перавага дзяцей ва ўзроставай структуры сельскіх папуляцый. Разам з тым, у гарадах зафіксавана больш высокая доля немаўлят, якія памерлі да года, у параўнанні з сельскай мясцовасцю (гл. табліцу 1). Каэфіцыент смяротнасці немаўлят у гарадах таксама вышэйшы, чым у сельскай мясцовасці (гл. табліцу 2).

Вельмі падобна, што паказчык смяротнасці немаўлят, разлічаны на падставе матэрыялаў Памятных кніжак беларускіх губерняў, таксама заніжаны. Так, паводле даных П.І. Куркіна, у перыяд з 1881 па 1903 год на тэрыторыі Расійскай імперыі з кожных 100 народжаных немаўлят памірала ад 24% да 30%, самы нізкі ўзровень дзіцячай смяротнасці не апускаўся ніжэй за 23% [12, с. 27]. Каэфіцыент дзіцячай смяротнасці, разлічаны намі на падставе даных па Магілёўскай губерні за дзесяцігадовы перыяд з 1871 па 1881 гг. у сельскай мясцовасці склаў 18,8%, у гарадах – 25%, што набліжаецца да паказчыкаў, узаных П.І. Куркіным.

Прычына недаўліку смяротнасці немаўлят тлумачыцца тым, што ў дарэвалюцыйнай Расіі не існавала грамадзянскай рэгістрацыі нараджэнняў і смерцяў, гэтыя звесткі падаваліся ў дзяржаўныя органы прадстаўнікамі духавенства, якія ўносілі адпаведныя запісы ў метрычныя кнігі. Аднак на самой справе метрычныя кнігі адлюстроўвалі колькасць царкоўных абрадаў, што здзяйсняліся над народжанымі альбо памерлымі, але не фактычную колькасць народжаных ці памерлых [13, с. 45–46]. Неадпаведнасць колькасці народжаных колькасці выкананых абрадаў хрышчэння тлумачыцца тым, што хрышчэнне не атрымлівалі мёртванароджаных, а таксама народжаных і памерлых адразу пасля нараджэння нехрышчонамі. Немаўляты, якія памерлі да хрышчэння, не траплялі ў метрычныя запісы, звязаныя з рэгістрацыяй смерцяў, паколькі адпаведны хрышціянскі абрад, звязаны з пахаваннем, не праводзіўся.

Назіранне, паводле якога дзіцячая смяротнасць у сельскай мясцовасці была вышэйшая, чым у гарадах (пры павышанай смяротнасці ў гарадах немаўлят), адпавядае агульным тэндэнцыям, адзначаным раней дэмаграфамі. У якасці галоўнай прычыны высокай смяротнасці сялянскіх дзяцей С.А. Навасельскі называў шырокае распаўсюджанне ў вёсках інфекцыйных захворванняў пры адсутнасці неабходнай медыцынскай дапамогі. У гарадах медыцынскае абслугоўванне было больш даступным, частка гарадскога насельніцтва ўжо мела ўяўленні пра элементарныя нормы гігіены [13, с. 17]. Супярэчлівы, на першы погляд, факт павышанай смяротнасці гарадскіх немаўлят можна растлумачыць лепшым станам рэгістрацыі дзіцячай смяротнасці ў гарадах. Вядома, што максімум смерцяў немаўлят прыходзіцца на першы месяц жыцця, і прагматыка сельскага жыцця вымагала не спяшацца з хрышчэннем нованароджаных, паколькі гэтая працэдура патрабавала ад сям’і значных выдаткаў. Згодна этнаграфічных звестак, хрышчэнне немаўлят у беларускай вёсцы звычайна адбывалася праз 2-3 тыдні пасля нараджэння [14, с. 50], у сувязі з чым дзеці, якія памерлі да сканчэння гэтага перыяду, не траплялі ў царкоўныя метрыкі.

Смяротнасць дарослых у залежнасці ад полу. З табліцы 1 відаць, што ў сельскай мясцовасці сярод індывідаў, якія памерлі ў дарослым узросце, пераважаюць жанчыны. Гэта можна патлумачыць колькаснай перавагай прадстаўніц жаночага полу, якія жылі ў сельскай мясцовасці (табліца 3). Статыстычныя даныя па Віцебскай губерні зноў супярэчаць адзначанай агульнай тэндэнцыі. Так, згодна матэрыялам Памятных кніжак за 1863 і 1864 гг., у сельскай мясцовасці доля памерлых жанчын была меншая, чым мужчын (гл. табліцу 1), нягледзячы на колькасную перавагу жанчын у структуры жывой папуляцыі (гл. табліцу 3), а вось даныя за 1862 г. паказваюць істотна завышаны ў параўнанні з іншымі губернямі паказчык долі памерлых жанчын (гл. табліцу 1).

Ва ўсіх гарадскіх выбарках доля памерлых дарослых мужчын значна перавышае долю жанчын (гл. табліцу 1). Перавага мужчын у структуры памерлых дарослых у гарадах лёгка тлумачыцца колькаснай перавагай мужчын у складзе тагачаснага гарадскога насельніцтва (гл. табліцу 3). Такая дыспропорцыя суадносін палоў была тыповай для гарадоў Расійскай імперыі другой паловы XIX – пачатку XX ст. і тлумачыцца тым, што ў гарадах пражывала значная колькасць прышлага мужчынскага насельніцтва (навучэнцы, вайскоўцы, рабочыя) [13, с. 13; 10, с. 30]. Статыстычныя даныя па Віцебскай губерні зноў паказваюць прыклад анамаліі: так, згодна з данымі за 1864 г. у складзе гарадскога насельніцтва пераважаюць мужчыны, пры гэтым адзначаецца максімальная ў гарадскіх выбарках доля жанчын сярод памерлых. Уся сукупнасць адзначаных фактаў паказвае на тое, што статыстычныя даныя пра смяротнасць па Віцебскай губерні не адпавядаюць рэальнасці.

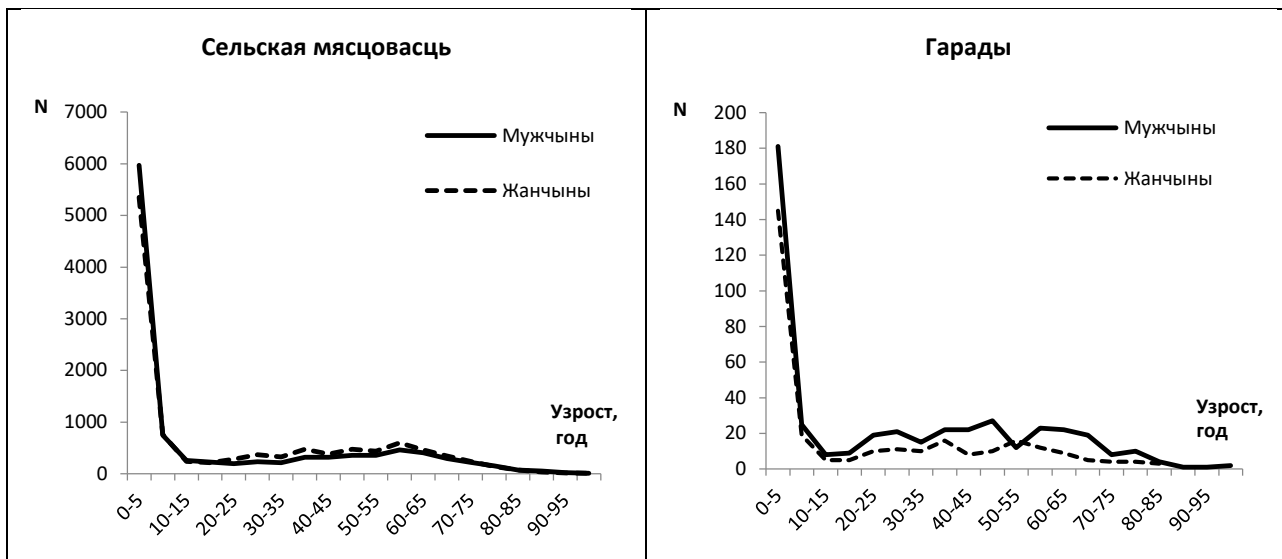
Табліца 3. – Колькасныя суадносіны індывідаў мужчынскага і жаночага полу ў складзе гарадскага і сельскага насельніцтва

Губернія	Год	Абсалютная колькасць, чал.			Працэнтныя суадносіны		
		Муж. пол	Жан. пол	Разам	Муж. пол	Жан. пол	Розніца
<i>Сельская мясцовасць</i>							
Мінская	1858	442312	453934	896246	49,4	50,6	-1,3
Магілёўская	1859	402856	426348	829204	48,6	51,4	-2,8
Гродзенская	1859	358564	375190	733754	48,9	51,1	-2,3
	1864	377539	392178	769717	49,0	51,0	-1,9
Віцебская	1862	343080	351892	694972	49,4	50,6	-1,3
	1863	332285	343282	675567	49,2	50,8	-1,6
	1864	346340	354776	701116	49,4	50,6	-1,2
<i>Гарады</i>							
Мінская	1858	47128	43093	90221	52,2	47,8	4,5
Магілёўская	1859	36698	34995	71693	51,2	48,8	2,4
Гродзенская	1859	55049	49726	104775	52,5	47,5	5,1
	1864	66052	55284	121336	54,4	45,6	8,9
Віцебская	1862	56722	48664	105386	53,8	46,2	7,6
	1863	51049	50123	101172	50,5	49,5	0,9
	1864	61487	51297	112784	54,5	45,5	9,0

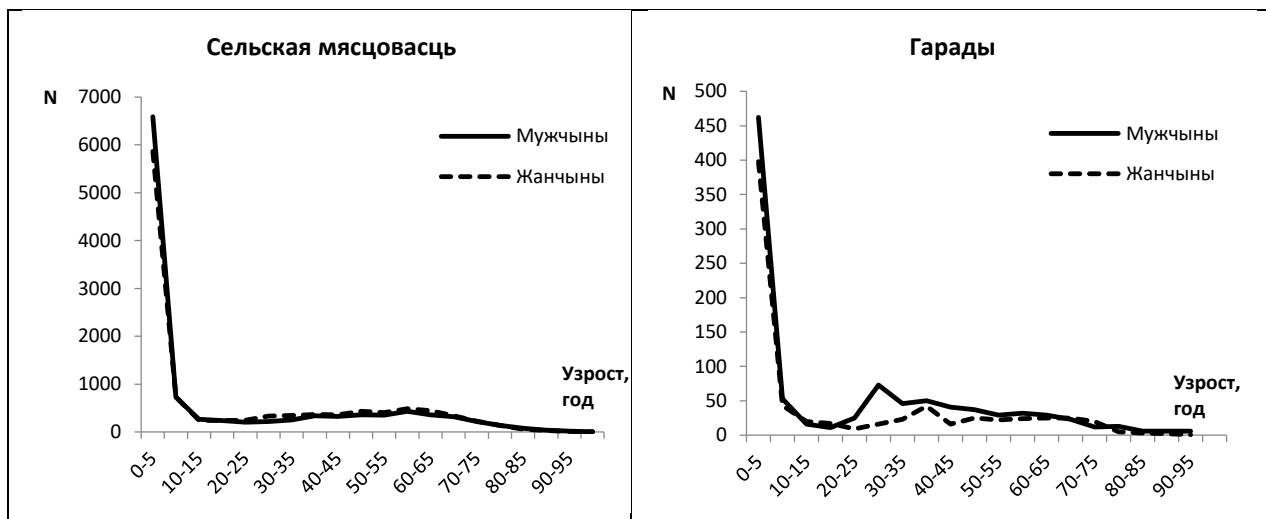
Узроставае размеркаванне смяротнасці. На малюнках 1–3 прадстаўлены дыяграмы, на якіх паказана колькасць памерлых у розных узростах інтэрвалах (з улікам полу). Ва ўсіх выпадках можна назіраць карціну ўзроставага размеркавання смерці, характэрную для грамадстваў з т.зв. традыцыйным, ці патрыярхальным, тыпам узнання: максімальная смяротнасць прыходзіцца на ранні дзіцячы ўзрост, ва ўзросце каля 15-ці год смяротнасць дасягае свайго мінімуму, пасля чаго паступова павялічваецца з цягам часу.

На ўсіх дыяграмах, пабудаваных як для гарадскога, так і для сельскага насельніцтва, ва ўзросце да 5-ці гадоў назіраецца перавышэнне колькасці памерлых хлопчыкаў у параўнанні з дзяўчынкамі. У дарослым узросце пачынаюць працягвацца адрозненні характару мужчынскай і жаночай смяротнасці ў гарадскога і сельскага насельніцтва. У сельскай мясцовасці, пачынаючы з узросту каля 20-ці гадоў, адзначаецца некаторае павышэнне колькасці памерлых жанчын у параўнанні з мужчынамі. Падобная карціна была характэрна для тэрыторыі ўсёй еўрапейскай часткі Расіі таго часу і тлумачыцца цяжкімі ўмовамі жыцця вяскоўцаў жанчын (павышаная рэпрадуктыўная нагрузка ў спалучэнні з інтэнсіўнай працай у сельскай гаспадарцы) [13, с. 9]. У гарадах назіраецца адваротная сітуацыя, відавочнай становіцца павышаная, у параўнанні з жанчынамі, смяротнасць мужчын працаздольнага ўзросту. Асабліва выражаны пікі смяротнасці гарадскіх мужчын у Магілёўскай губерні ва ўзроставым інтэрвале 20–30 гадоў (малюнак 2), у гарадах Гродзенскай губерні – у інтэрвале 20–40 гадоў (малюнак 3).

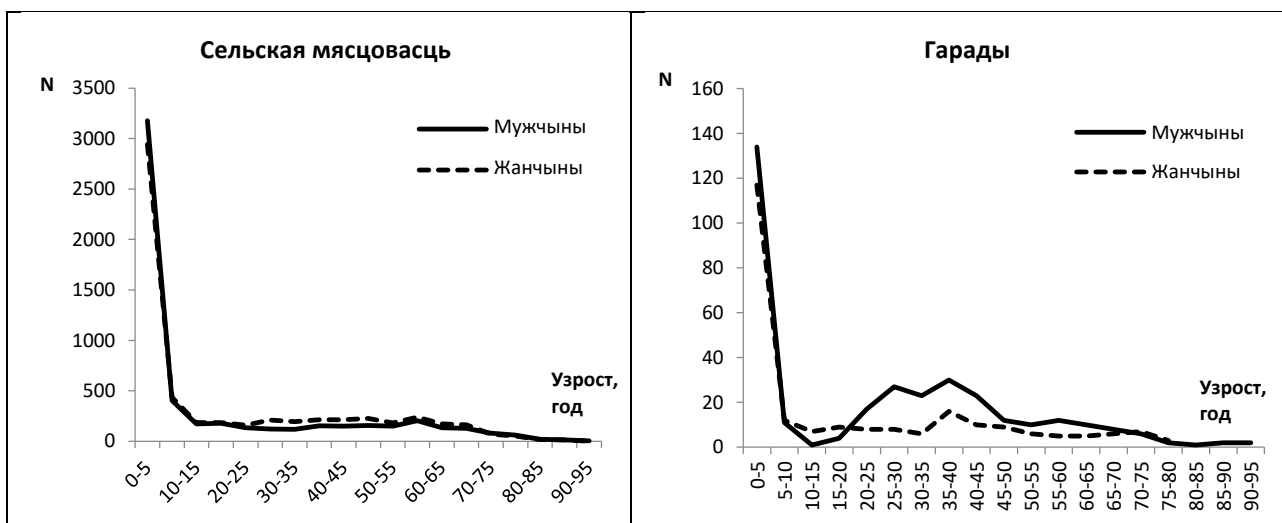
Факт павышанай, у параўнанні з сельскім насельніцтвам, смяротнасці гарадскіх мужчын працаздольнага ўзросту быў тыповым для большасці еўрапейскіх гарадоў канца XIX – пачатку XX стст. з’явіўся [13, с. 8]. У якасці прычыны С.А. Навасельскі называе больш шкодныя, у параўнанні з земляробствам, умовы гарадской працы, а таксама больш шырокае распаўсюджанне алкагалізму сярод жыхароў горада. Апроч таго, у гарадскіх бальніцах часцей паміралі сельскія мужчыны, якія атрымалі сур’ёзныя пашкоджанні [13, с. 12]. Пры гэтым на жанчын, на думку С.А. Навасельскага, негатыўныя фактары гарадскога жыцця аказвалі меншы ўплыў [13, с. 9].

Малюнак 1. – Узроставое размеркаванне смяротнасці ў Мінскай губерні паводле даных за 1858 г.

Малюнак 2. – Узроставое размеркаванне смяротнасці ў Магілёўскай губерні паводле даных за 1859 г.

Малюнак 3. – Узроставое размеркаванне смяротнасці ў Гродзенскай губерні паводле даных за 1859 г.

Заклучэнне. Такім чынам, у выніку праведзенага даследавання можна зрабіць наступныя высновы.

Не ўсе статыстычныя даныя пра пола-ўзроставае размеркаванне смяротнасці, апублікаваныя ў Памятных кніжках губерняў, адлюстроўваюць рэальную карціну смяротнасці насельніцтва. У прыватнасці, статыстычныя матэрыялы па Віцебскай губерні дэманструюць істотны недаўлік смяротнасці немаўлят і дзяцей і хаатычнае размеркаванне смяротнасці дарослых з улікам полу. Статыстычныя матэрыялы Памятных кніжак Мінскай, Гродзенскай і Магілёўскай губерняў прыдатныя для дэмаграфічнага аналізу і ў цэлым пацвярджаюць заканамернасці, раней устаноўленыя дэмографамі. Разам з тым, ёсць падставы меркаваць, што ў сельскай мясцовасці ўлік смерцяў немаўлят аж да канца XIX ст. быў пастаўлены горш, чым у гарадах.

Доля памерлых дзяцей ад агульнага ліку смерцяў вышэй у сельскай мясцовасці, чым у гарадах. З аднаго боку, гэта было абумоўлена перавагай дзяцей ва ўзроставай структуры сельскіх папуляцый, з іншага боку – павышанай смяротнасцю сельскіх дзяцей, абумоўленай шырокім распаўсюджаннем інфекцыйных захворванняў, дрэнным станам санітарна-гігіенічнага рэжыму, недаступнасцю кваліфікаванай медыцынскай дапамогі.

Ва ўсіх гарадскіх выбарках доля памерлых дарослых мужчын значна перавышае долю памерлых жанчын, што тлумачыцца колькаснай перавагай мужчынскага насельніцтва ў гарадах 2-й паловы XIX – пачатку XX ст. У сельскай мясцовасці назіраецца адваротная сітуацыя.

І ў гарадах, і ў сельскай мясцовасці назіраецца павышаная смяротнасць хлопчыкаў ва ўзросце да 5 гадоў у параўнанні з дзяўчынкамі. У дарослым узросце пачынаюць выяўляцца адрозненні характару мужчынскай і жанчай смяротнасці ў гарадах і сельскай мясцовасці. У сельскай мясцовасці, пачынаючы з 20 гадоў, назіраецца некаторае павышэнне колькасці памерлых жанчын у параўнанні з мужчынамі. У гарадах назіраецца адваротная сітуацыя, смяротнасць мужчын працаздольнага ўзросту значна перавышае жаночую смяротнасць.

ЛИТАРАТУРА

1. Корсак О.В. Деятельность статистических комитетов белорусских губерний по сбору и обработке статистических сведений // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. – 2017. – № 17-1. – С. 182–189.
2. Памятная книжка Минской губернии на 1861 год / Изд-е Минск. губ. стат. комитета. – Минск: Тип. губ. правления, 1861. – 293 с.
3. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1861 год. – Могилев: Тип. Губ. Правления, 1861 г. – 465 с.
4. Памятная книжка Гродненский губернии на 1860 г. Календарные, адресные и справочные сведения по губернии / издана Губернским Правлением. – Гродно: Тип. губ. правления, 1860. – 410 с.
5. Памятная книжка Гродненский губернии на 1866 г. Календарные, адресные и справочные сведения по губернии / издана Гродненским Губернским Правлением. – Гродно: Гродн. стат. комитет, 1866. – 205 с.
6. Памятная книжка Витебской губернии на 1864 год: с тринадцатью политипажами в тексте и портретом архиепископа Полоцкого и Витебского Василия / издана Губернским статистическим Комитетом; под ред. А.М. Сементовского, секретаря Комитета Императорских Обществ Русского Географического и Вольного Экономического члена-сотрудника. – СПб.: В тип. К. Вульфа, 1864. – VIII, 415 с.
7. Памятная книжка Витебской губернии на 1865 год: с портретом почетного члена комитета Михаила Николаевича Муравьева, тринадцатью политипажами и планом г. Витебска / издана Витебским губернским статистическим комитетом; под ред. А.М. Сементовского, секретаря комитета, императорских обществ Русского географического и Вольного экономического члена-сотрудника. – СПб.: Тип. К. Вульфа, 1865. – VIII, 376, 128, 7 с.
8. Памятная книжка Витебской губернии на 1866 год: год третий / издана Витебским Губернским статистическим комитетом; под ред. А.М. Сементовского. – Г. 3-й. – СПб.: Тип. К. Вульфа, 1866. – VI II, 218, 144 с.
9. Саітава В.І., Страмужэўская Т. В. [Кузьмініч Т.В.]. Памятныя кніжкі беларускіх губерняў: агульная характарыстыка [Электронны рэсурс] // Памятныя кніжкі Віленскай губернии (1845—1915) / Национальная библиотека Беларуси. – Минск, 2014. – 8 с.
10. Опыт описания Могилевской губернии / Могилевский губернский статистический комитет; сост. по прогр. и под ред. А.С. Дембовецкого. Кн. 2. – Могилев: Тип. губ. правления, 1884. – 990 с.
11. Куркин П.И. Смертность малых детей. Статистика детской смертности. Изъ лекций весеннего семестра 1911 г. – М.: Изд-во Моск. о-ва борьбы с детской смертностью, 1911. – 34 с.
12. Куркин П.И. Смертность грудных детей. – М.: Изд-во Наркомздрава, 1925. – 60 с.
13. Новосельский С.А. О различияхъ въ смертности городского и сельскаго населения Европейской России. – М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1911. – 23 с.
14. Кухаронак Т. І. Радзінныя звычай і абрады беларусаў: канец XIX – XX ст.. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 126 с.

Паступіў 05.12.2023

ПАМЯТНЫЕ КНИЖКИ ГУБЕРНИЙ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СМЕРТНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**канд. биол. наук, доц. О.А. ЕМЕЛЬЯНЧИК****(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)**

В статье представлены результаты анализа статистических данных, опубликованных в Памятных книжках белорусских губерний за 1858–1864 гг. Установлено, что статистические данные о смертности Памятных книжек Витебской губернии за 1862–64 гг. не являются достоверными, и характеризуются существенным недоучётом детской смертности. Пики смертности во всех исследованных группах приходятся на ранний детский возраст. Доля умерших детей от общего количества смертей выше в сельской местности, чем в городах. И в городах, и в сельской местности наблюдается повышенная смертность мальчиков в возрасте до 5 лет по сравнению с девочками. Во взрослом возрасте начинают проявляться различия характера мужской и женской смертности в городах и сельской местности. В сельской местности отмечается некоторое повышение числа умерших женщин репродуктивного возраста по сравнению с мужчинами. Для городов характерна обратная ситуация: смертность мужчин трудоспособного возраста значительно превышает женскую смертность.

Ключевые слова: Памятные книжки губерний, статистика смертности, городское и сельское население, половозрастное распределение смертности.

MEMORABLE BOOKS OF PROVINCES AS A SOURCE FOR STUDYING THE MORTALITY OF THE ORTHODOX POPULATION OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY**V. YEMIALYANCHYK****(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)**

The article presents the results of the analysis of statistical data published in the Memorable Books of Belarusian provinces for 1858 – 1864. It has been established that the statistical data on mortality in the Memorable Books of Vitebsk province for 1862 – 64 are not reliable and are characterised by significant undercounting of child mortality. The peak of mortality in all cases occurs in early childhood. The share of child deaths in the total number of deaths is higher in rural areas than in urban areas. In both urban and rural areas, boys under 5 years of age have higher mortality rates than girls. In adulthood, differences in male and female mortality patterns in urban and rural areas begin to emerge. In rural areas, there is a slight increase in the number of deaths of women of reproductive age compared to men. In urban areas, the opposite situation is observed, the mortality rate of men of working age significantly exceeds the female mortality rate.

Keywords: Memorable books of provinces, mortality statistics, urban and rural population, sex and age distribution of mortality rate.

УДК 27-788-9"1839/1917"

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-42-45

НАСТОЯТЕЛИ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: СТАТУС И РОЛЬ В ОРГАНИЗАЦИИ МОНАСТЫРСКОЙ ЖИЗНИ

канд. ист. наук **Е.Н. БОРУН**

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье представлены сведения о настоятелях и настоятельницах православных монастырей на территории Беларуси во второй трети XIX – начале XX века. Определена роль и выявлено их значение в организации духовной и хозяйственной жизни монастыря. Представлен процесс избрания на настоятельские должности в общежительных и общежительных монастырях белорусских епархий. Рассмотрены примеры назначения, переводов на настоятельские вакансии в мужских и женских монастырях. Выявлены тенденции, которые приводили к нестабильности и проблемам управления монастырями. Определены факторы и обстоятельства влияющие на данные процессы.

Ключевые слова: настоятель, архимандрит, игумен, игуменья, монастырь, православие, епархия.

Введение. В православном монастыре как религиозной общине монахов и монахинь, а также лиц, пришедших на послушание, законодательством Российской империи была выделена группа «духовных властей»: митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, строители, игуменья и настоятельницы женских монастырей [1, с. 50]. Данные лица обладали рядом существенных отличий в своем правовом статусе от других категорий монашествующих, а их роль в организации духовной и хозяйственной жизни монастыря была определяющей. Сведения о настоятелях и настоятельницах православных монастырей на территории Беларуси содержатся в послужных списках, формулярных и клировых ведомостях в отдельных фондах Российского государственного архива в г. Санкт-Петербурге, Национального исторического архива Беларуси в г. Минске, Национального исторического архива Беларуси г. Гродно, а также в научно-популярных работах справочного характера о православных монастырях Российской империи, изданных во второй половине XIX – начале XX в.: справочниках П.М. Строева, А.В. Ратшина, В.В. Зверинского, И.В. Преображенского, Л.И. Денисова; путеводителях-справочниках П.П. Сойкина, Н. Григоровича [2–8]. В периодической печати, «Епархиальных ведомостях» (в официальном разделе) печатались сведения о назначении настоятелей, награждениях, перемещении монашествующих из монастыря в монастырь. В неофициальной части публиковались статьи по истории епархиальных монастырей, некрологи, воспоминания.

Основная часть. Законодательством Российской империи определялся сан настоятеля в зависимости от разряда монастыря по штатному расписанию. В монастырях первого и второго классов настоятели посвящались в архимандриты, а в третьеклассных монастырях – в игумены. Настоятельницы женских монастырей имели сан игуменья. В исключительных случаях для поднятия престижа православного служения по распоряжению Св.Синода в монастыри третьего класса вместо игуменов посвящали архимандритов, но с игуменским окладом. Так, настоятели Полоцкого Богоявленского и Витебского Маркова мужских монастырей по предписанию Св. Синод с 28 октября 1798 г. имели сан архимандритов, хотя монастыри на тот момент не были введены в штат [9, с. 211, 214]. Данной привилегии монастыри были удостоены в связи с тем, что являлись древнейшими и значимыми для православных белорусских городов. В 1842 г. архимандритом и настоятелем монастыря стал настоятель третьеклассного Пустынского Успенского монастыря, архимандрит Иоасаф. Стоит отметить, что постриг им был принят в том же 1842 г., до этого (с 1802 г.) настоятель служил священником [10, л. 2об. – 4]. В некоторых заштатных мужских монастырях настоятель мог иметь звание строителя. Например, с 22 февраля 1832 по 8 февраля 1838 г. иеромонах Иосиф управлял Охорским Преображенским монастырем в звании строителя [10, л. 7об. – 9].

Для заштатных монастырей на территории Беларуси, ввиду малочисленности в них монашеской братии и отсутствия выделяемых из казны штатных сумм, в рассматриваемый период характерна тенденция назначения иеромонахов на длительное время монастырскими управляющими. Управление заштатным Борисоглебским и Махировским Покровским монастырями, приписными к Полоцкому Богоявленскому второклассному, с 1842 по 1866 г. осуществляли иеромонахи Иннокентий Блыщинский, Федор Соколовский, Донат, Паисий, Иосиф Лебедев [11, с. 57–65; 12, л. 3]. Также в Полоцкой епархии существовала практика поручать временное управление монастырями протоиереям и иереям после смерти настоятелей. Управление Борисоглебским и Богоявленским монастырями в 1847 и 1853 г. осуществлял протоиерей полоцкого Софийского собора Андрей Юркевич [13, л. 1], Тадулинским Успенским в 1859 г. – священник кафедрального собора Федор Смирнов [14, л. 3], Махировским – вдовствующий священник Николай Никольский [15, л. 10].

До начала XX в. большинство монастырей белорусских епархий являлись общежительными. Со второй половины XIX в. начался процесс введения некоторых черт общежительного устава, в частности, организовывалась общая трапеза для монашествующих. К 1917 г. на территории Беларуси функционировало 12 общежительных монастырей [16]. Настоятелей общежительных монастырей назначал Св.Синод. Настоятель общежительного монастыря, по указу Св.Синода от 20 марта 1862 г., избирался общим собранием монахов из своего монастыря,

а в случае необходимости – из другого общежительного монастыря. Правящий архиерей мог не согласиться с выбором братии и определить своего кандидата. Окончательное решение принимал Св. Синод [17, с. 51]. Примером проведения открытой процедуры избрания настоятельницы общежительного монастыря является избрание настоятельницы Барколабовского общежительного монастыря, монахини Анатолии, 16 мая 1912 г. единогласным решением [18, л. 37].

Епархиальное начальство при выборе кандидатуры настоятелей руководствовалось его личностными характеристиками. Настоятель монастыря должен быть благонадежен, уметь хорошо распоряжаться финансами и осуществлять руководство обителью, не должен быть моложе 33-х лет и не состоять ранее в браке. Важное значение имело сословие потенциального кандидата в настоятели. На территории белорусских епархий в женских монастырях возрастной ценз и принцип внебрачия до пострига строго соблюдался. При назначении на должности настоятелей мужских монастырей встречались отступления от данных правил, и в ряде случаев назначали вдовых высокообразованных монахов. Ярким примером служит биография епископа Павла (Прокопия Ниловича Доброхотова), архимандрита Сергия (Николая Тимофеевича Левницкого), архимандрита Платона (Мигая), архимандрита Рафаила (Романа Ивановича Постернацкого).

Епископ Павел по окончании духовного училища, семинарии, академии и службы учителем Литовской духовной семинарии принял монашество в июле 1847 г. после того, как овдовел. В июле 1849 г. был возведён в сан архимандрита и назначен ректором Полоцкой духовной семинарии и настоятелем Полоцкого Богоявленского монастыря. С 1851 по 1865 г. был ректором Рижской, Екатеринославской, Могилевской духовных семинарий. С 1859 по 1863 г. – настоятелем Могилёвского Братского монастыря. С 1866 г. являлся епископом Вологодским и Устюжским, Псковским и Порховским, Олонецким и Петрозаводским [19]. Архимандрит Сергий (Николай Тимофеевич Левницкий) по вдовству, в 1854 г., принял монашеский постриг в Московском Покровском монастыре. В 1859 г. был переведен в Саввино-Сторожевский первоклассный монастырь г. Москвы, в 1877 г. назначен помощником эконома Саввино-Сторожевского архиерейского подворья. В 1880 г. Сергий был определен настоятелем Дмитровского Борисоглебского монастыря Московской епархии с возведением в сан архимандрита, в 1890 г. переведен настоятелем в Знаменский монастырь в Москве, в 1892 г. – в Покровский Миссионерский монастырь. Указом Св. Синода от 28 февраля 1894 г. № 933 архимандрит был назначен настоятелем Полоцкого Богоявленского монастыря и определен благочинным монастырей Полоцкой епархии [20, с. 121–125; 21, с. 251]. Архимандрит Платон, овдовев в 1826 г., принял постриг, с 1840 г. он исполнял должности эконома, благочинного, казначея монастыря. В 1843 г. был посвящен в игумены, в 1845 г. назначен настоятелем Грозовского Иоанно-Богословского монастыря и удостоен сана архимандрита [22, л. 37]. Архимандрит Рафаил (Роман Иванович Постернацкий) с 1832 до 1884 г. являлся учителем Ляданского и Борисовского приходских училищ. В 1884 г., овдовев, принял постриг, получил сан архимандрита и должность настоятеля Слуцкого Свято-Троицкого мужского монастыря [23, л. 1об. – 5].

В мужских монастырях, которые находились под непосредственным руководством епископов, викариев, ректоров или благочинных, вводилась должность наместника, так как епархиальные архиереи, ввиду занятости, фактически не участвовали в управлении обителями. Например, настоятелем Минского Свято-Духового монастыря являлся Александр, епископ Минский, а должность наместника с 18 января 1875 г. исполнял иеромонах Николай Долматов (Никита Николоевич) [24, л. 10–15]. Настоятелем Могилевского Братского Богоявленского монастыря в 1849 г. являлся ректор Могилевской духовной семинарии, профессор богословских наук, архимандрит Серафим (Аретинский), а должность наместника занимал иеромонах Паисий [25, л. 1–4]. Наместники, показавшие свои способности в управлении монастырями, могли стать настоятелями. Примером могут служить настоятели Полоцкого Богоявленского монастыря Полоцкой епархии – игумен Игнатий и иеромонах Серафим, – возведенные в сан архимандрита и назначенные управлять монастырем [26, с. 321].

Согласно Полного собрания законов настоятели имели право временно отлучаться в другие епархии с разрешения епархиального начальства. Как правило, причиной отлучки была поездка на богомолье или свидание с родными. Например, настоятель Могилевского Братского монастыря архимандрит Леонид с 4 по 31 августа 1842 г. совершил поездку в Киев (поклониться мощам святых угодников). Во время его отсутствия исполнять обязанности настоятеля в монастыре был командирован игумен Могилевского Архиерейского дома Флавиан [27, л. 1, 4]. Во время отъезда архимандритов на «чреду служений и проповедей управлять монастырем предписано наместнику». Например, в 1885 г. из-за отбытия архимандрита Маркова монастыря Иоанникея в Санкт-Петербург управлять был оставлен игумен Гамалиил [28, л. 16]. В периоды отсутствия настоятеля, чаще всего, казначею поручалось управление монастырем. Например, когда указом Св. Синода от 16 ноября 1849 г. настоятель Пинского Богоявленского монастыря архимандрит Геласий (Княжеский) был вызван в Санкт-Петербург «для исправления священнослужения и проповеди слова Божия», управление монастырем было поручено казначею этого монастыря, игумену Леониду [29, л. 49].

Встречаются случаи временного управления монастырями иеромонахами и монахинями до назначения настоятелей. Иногда эти периоды носили длительный характер. Например, с 1833 по 1839 г. монахиня Таисия управляла Барколабовским монастырем, уволена она с должности была по состоянию здоровья [30, л. 2об.]. С 1900 по 1903 г. Полоцким Спасо-Евфросиниевским монастырем управляла монахиня Олимпиада, так и не возведённая в сан игуменьи [11].

Смена настоятелей была обусловлена множеством факторов и рядом обстоятельств: перевод в более значимые монастыри на повышение, епископские должности, а также увольнение в связи с недостойным поведением и недобросовестной службой. Так, настоятельница Вербиловского Покровского монастыря игуменьи Агния

по указу Св. Синода от 20 февраля 1898 г. № 1025 была уволена с должности «за неспособность и неумение вести монастырское хозяйство, а также за упорное неповиновение распоряжениям епархиального начальства» и переведена под надзор в Полоцкий Спасо-Евфросиниевский женский монастырь [31, л. 14об.].

Примером перехода в связи с повышением в должности служат биографии архиепископа Волынского и Житомирского Палладия, который с 1863 г. по 1871 г. являлся настоятелем Могилевского Братского перво-классного монастыря, и архиепископа Архангельского и Холмогорского Иоанникия, с 1885 по 1888 г. исполняющего должность настоятеля Витебского Маркова мужского монастыря [28, л. 6об. – 12].

Систематически осуществлялись переводы настоятелей из центральных епархий в монастыри на территории Беларуси для духовного наставления, а также в связи с изменениями статуса монастырей. Так, в возрасте 72 лет настоятелем Витебского Маркова монастыря был назначен архимандрит Илларион, который являлся до этого настоятелем ряда монастырей: Юрьевского Архангельского, Суздальского Спасо-Евфимиевского, Ставропигиального Ростовского Спасо-Яковлевского Дмитриевского. Архимандрит Илларион отличался активной благотворительной деятельностью, в Суздале им на ремонт церковных зданий было пожертвовано более 7 тыс. рублей. За счет собственных средства он открыл и содержал церковно-приходскую школу при монастыре. На нужды Витебского Маркова монастыря пожертвовал в 1891 году 11 200 рублей [32, л. 1 – 35об].

Встречаются случаи прошения архимандритов в Св. Синод о предоставлении им места настоятеля в монастыре. Так, архимандрит Геронтий, бывший настоятель Саранского Петропавловского монастыря (с 1886 по 1890 гг.), уволенный указом Св. Синода от 9 апреля 1890 г. с должности «за попустительство беспорядков в монастыре и за торговлю хлебом, за неправильное ведение монастырского хозяйства» и перемещенный в разные монастыри Новгородской, Орловской епархии, а затем в Полоцкую епархию в Богоявленский, Вербиловский, Витебский Марков монастырь, просил Св. Синод о назначении его настоятелем, но получил отказ 3 сентября 1896 г. [33, л. 13–36].

В период своего настоятельства архимандриты, игумены и игуменьи активно занимались хозяйственной деятельностью, организацией возведения церковных, монастырских строений и реновацией храмовой росписи. Например, в Мозоловском монастыре Могилевской епархии игуменьей Сусанной в 1830 г. была выстроена соборная каменная церковь, в конце 50-х гг. на благотворительные пожертвования игуменьи Иоанникии церковь внутри была расписана. Теплая каменная церковь была выстроена в 1880 г. при игуменье Анатолии на пожертвованные средства [34, л. 2об]. Настоятельница Мозоловского и Тупичевского монастырей игуменья Анатолия (Анна Михеевна Чернявская) с 1884 г. являлась казначеем, кассиром и распорядительницей строительством церкви в Барколабовском монастыре [35, л. 4]. Настоятель Витебского Маркова монастыря архимандрит Павел перестроил Митрофановскую и Николаевскую церкви, а также капитально отремонтировал все другие монастырские церкви. При нем надстроили третий этаж колокольни, экономические здания, часовню. Функционировали мастерские, мельницы, заводы [36, с. 62–64].

Не всегда настоятели ответственно выполняли свои обязанности, встречаются случаи жалоб монахов на руководителей. Например, в 1850 г. братия Жировичского монастыря обратилась с жалобой к епархиальному начальству на своего настоятеля, игумена Фавста. Игумен неоднократно проводил богослужение в нетрезвом виде, а 9 августа в присутствии светских лиц учинил публичный скандал в церкви [37, с. 249]. В стенах монастыря жили посторонние люди, в богадельне – «девки и одна вдова с незаконнорожденными детьми». Настоятель монастыря имел слабый характер, отличался легковерием. В церкви грязь, пыль, паутина, плесень, сено, солома и разбитые стекла. Хозяйство в упадке, приход и расход продуктов не ведется. Братии иногда подавали тухлую пищу. Причетники и послушники кормились хлебом из муки с примесью картофеля. Штатные служители получали лишь часть жалования [37, с. 248].

Длительность настоятельства существенно различалась, на что влияло множество факторов. Например, в период с 1836 по 1877 г. в Могилевском Братском Богоявленском монастыре сменилось 7 настоятелей, а в Тупичевском Свято-Духовом монастыре 29 лет служил настоятелем (с 1840 по 1869 г.) архимандрит Иоанникей [2, с. 499–503]. Уволенные в за штат архимандриты, игумены и игуменьи оставались в монастыре. Например, в Мозоловском монастыре, согласно клировой ведомости за 1886 г., проживали две бывшие настоятельницы – игуменья Иоанникея 75-ти лет и игуменья Анфия 60-ти лет [34, л. 9об. – 11].

Заключение. Таким образом, в период с 1839 по 1917 г. в белорусских епархиях можно выявить ряд тенденций, которые приводили к нестабильности и проблемам управления православными мужскими и женскими монастырями:

- постоянное перемещение иеромонахов и настоятелей монастырей внутри епархий и за их пределы;
- малочисленность братии монастырей;
- непродолжительность настоятельства архимандритов и игуменов ряда монастырей;
- совмещение должностей епархиальных архиереев с управлением монастырями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свод законов о состояниях. – Кн. 1: О разных родах состояний и различии прав, им присвоенных. Разд. 2. О духовенстве. Отд-е 2-е. О православном духовенстве монашествующем. Отделение четвертое. О сословиях духовенства Православного. 1904 г. // Полный свод законов Российской империи. / под ред. Г. Савича. – Т. 9. – Ч. 1. – № 409–425; 432–442. – С. 47–50.
2. Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. – СПб.: Археол. комиссия, 1877. – X, 1056, 68 стб.

3. Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях России. – М.: Унив. тип., 1852. – 566 с.
4. Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи: в 3 т. – Т. 1. Преобразования старых и учреждение новых монастырей с 1764–95 по 1 июля 1890 год. – СПб., 1890. – [4], XVIII, 293, [1] с.
5. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–1891 гг. / Сост. И. Преображенский. – СПб., 1897. – III, 236 с.
6. Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. – М.: Тип. Ступина А.Д., 1908. – 984 с.
7. Православные русские обители: полн. ил. описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне / Сост. П.П. Сойкин. – СПб.: изд-во П.П. Сойкина, 1910. – 712, VI с.
8. Григорович Н. Обзор учреждения в России православных монастырей, со времени введения штатов по духовному ведомству (1764–1869). – СПб.: Синод. тип., 1869. – VI, X, 230 с.
9. Материалы к истории монастырей Полоцкой епархии // Полоц. епарх. ведом. – 1902. – № 6. – С. 211, 214.
10. НИАБ. – Ф. 2311. Оп. 1. Д. 9.
11. Борун Е.Н. Монашеские общины города Полоцка: история, организация управления, характеристика братств в середине XIX – начале XX веков // Вест. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2010. – № 1. – С. 57–65.
12. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 436.
13. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 409.
14. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 483.
15. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 243.
16. Борун Е.Н. Православные монастыри на территории Беларуси: правовой статус и социально-культурная деятельность (1839–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Минск, 2015. – 24 с.
17. Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. – М.: Вербум-М, 2002. – 319 с.
18. НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 523.
19. Памяти Преосвященного Павла, бывшего епископа Олонецкого и Петрозаводского // Олонецкие епархиальные ведомости. – 15 мая 1900. – № 10. – С. 365.
20. Некролог // Полоц. епарх. ведом. – 1897. – № 3 (отделение неофициальное). – С. 121–125.
21. Определение Святейшего Синода // Полоц. епарх. ведом. – 1894. – № 6 (отделение официальное). – С. 251.
22. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 35413.
23. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 23174.
24. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 36208.
25. НИАБ. – Ф. 2308. Оп. 1. Д. 322.
26. От Полоцкой духовной консистории // Полоц. епарх. ведом. – 1897. – № 8 (отделение официальное). – С. 321.
27. НИАБ. – Ф. 2308. Оп. 1. Д. 314.
28. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 441.
29. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 23174.
30. НИАБ. – Ф. 2314. Оп. 1. Д. 105.
31. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 575.
32. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 459.
33. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 719.
34. НИАБ. – Ф. 2314. Оп. 1. Д. 51.
35. НИАБ. – Ф. 2314. Оп. 1. Д. 55.
36. Памятная книжка Витебской губернии на 1865 г. – Витебск: изд. Вит. Губер. Статист. комитета, 1865.
37. Извеков Н.Д. Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 гг. – М.: печ. А.И. Снегиревой, 1899. – 522 с.

Поступила 03.12.2023

**ABBOTS OF ORTHODOX MONASTERIES ON THE TERRITORY OF BELARUS
IN THE SECOND THIRD OF THE XIX – EARLY XX CENTURY: STATUS AND ROLE
IN THE ORGANIZATION OF MONASTIC LIFE**

A. BARUN
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article presents information about the abbots and abbesses of Orthodox monasteries in Belarus in the second third of the XIX – early XX century. The role and their importance in the organization of the spiritual and economic life of the monastery are determined. The article presents the process of election to abbess positions in unsociable and cenobitic monasteries of the Belarusian dioceses. Examples of appointments, transfers to abbess vacancies in male and female monasteries are considered. The trends that led to instability and problems of monastery management have been identified. The factors and circumstances affecting these processes have been identified.

Keywords: abbot, archimandrite, abbot, abbess, monastery, Orthodoxy, diocese.

УДК 94(476.6)"1914–1918"

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-46-50

**ИНТЕНДАНТСКИЕ ЗАВЕДЕНИЯ ОБОЗНО-ВЕЩЕВОЙ СЛУЖБЫ
НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ****М.А. ЦВЕТКОВ***(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)*

В данной статье рассматривается широкий круг вопросов, связанных с организацией работы органов управления и должностных лиц системы тылового обеспечения на территории Беларуси в годы Первой мировой войны. В процессе исследования был проведен глубокий анализ доступных на сегодняшний день научных трудов, позволивший выявить проблемы, исследованию которых до сих пор не уделялось должного внимания. Первостепенное значение автор придал оценке главных факторов негативно сказавшихся на обеспечении частей и соединений российской армии в годы Первой мировой войны. В работе определены основные направления деятельности учреждений обозно-вещевой службы в белорусских губерниях. В процессе исследования были выявлены факторы, оказывавшие негативное воздействие на функционирование данных организаций, изучены мероприятия, осуществляемые командованием для достижения поставленных целей. Внимание уделено объемам обозно-вещевого снабжения и финансирования производителей, что позволило сформировать полную картину процесса обеспечения армии на белорусских землях в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, белорусские губернии, российская армия.

Введение. В условиях эскалации глобальной геополитической напряженности основные усилия государственных институтов власти акцентированы на выполнение мероприятий, направленных на обеспечение военной безопасности. В ходе их реализации особое место играет уровень подготовки органов и учреждений тыла вооруженных сил. В связи с этим весьма актуальным видится изучение опыта организации системы вещевого обеспечения войск на белорусских землях в годы Первой мировой войны. Недооценка военно-политическим руководством страны возможных масштабов и продолжительности боевых действий не позволила заблаговременно и качественно осуществить подготовительные мероприятия по заготовке материальных средств для нужд вооруженных сил. В годы Первой мировой войны организация вещевого обеспечения действующей армии столкнулась со значительными трудностями. Глубокий анализ порядка осуществления обозно-вещевого снабжения войск в условиях ведения боевых действий позволяет обнаружить как позитивные стороны, так и негативные аспекты проводимых мероприятий, определить их масштабы и представить комплексную и объективную картину вещевого обеспечения армии в период Первой мировой войны. Учитывая актуальность темы, основной целью данного исследования является выявление специфики организации вещевого обеспечения российской армии на территории Беларуси в годы Первой мировой войны.

Основная часть. Организация всестороннего обеспечения российских войск в годы Первой мировой войны вызвала определенный научный интерес среди исследователей. Среди работ, посвященных вопросам организации, устройства, военного управления, порядку обеспечения российской армии, особый интерес представляет работа Л.Г. Бескровного «Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала» [1]. В одной из глав, посвященной боевому обеспечению вооруженных сил в годы войны, историк подверг подробному анализу мероприятия, осуществлявшиеся высшим руководством военного ведомства по совершенствованию организации тылового обеспечения. Вопросы всестороннего обеспечения соединений российской армии в годы Первой мировой войны были рассмотрены в труде российского историка А.В. Арановича [2]. В нем была представлена структура интендантства Российской империи, описаны основные виды поставок материальных средств, а также дана оценка эффективности деятельности руководящего состава тыла в условиях войны. В монографии белорусского историка В.Н. Черепицы также найдется значимый материал по данной проблематике [3]. В ней рассматриваются мероприятия тылового обеспечения, проводившиеся местной администрацией в условиях объявления в регионе военного положения. Отдельный аспект – организация работы органов власти Гродненской губернии по поставке сапог для войск в регионе в годы Первой мировой войны – проанализирован в статье Л.Ю. Павлова [4]. Оценивая мероприятия по реквизиции ресурсов у населения губернии, автор статьи рассмотрел также проблемы организации запасов обуви для соединений гарнизона. Таким образом, несмотря на значимость уже опубликованных работ, организация вещевого обеспечения российских войск в годы Первой мировой войны была до сих пор освещена лишь частично.

В начале XX в. общее руководство обеспечением армии Российской империи сосредотачивалось в Главном интендантском управлении. Непосредственно вопросы обозно-вещевого обеспечения находились в юрисдикции двух отделений: 1-го – по заготовке и отпуску предметов обмундирования и снаряжения, 2-го – по заготовке и отпуску госпитальных и постельных принадлежностей. В 1914 г. структура интендантского управления претерпела некоторые изменения. Так, отделения получили новые наименования – «вещевые отделения». В 1916 г. было сформировано 9-е отделение по заготовке теплых вещей. Функционирование системы вещевого обеспечения осуществлялось согласно Положению «О вещевом интендантском довольствии» 1890 г., с дополнениями и изменениями, принятыми в 1910 г. [2, с. 8–9; 5, с. 3].

Учреждения вещевого снабжения войск Северо-Западного (Западного) фронта предназначались для обеспечения соединений и воинских частей российской армии предметами обмундирования, снаряжения, а также войсковой конской амуницией на белорусских землях. Кроме того, на них возлагались задачи по закупке, приему, хранению и распределению материальных средств воинского снаряжения. Общее руководство тыловым обеспечением фронта концентрировалось в руках главного начальника снабжений армий фронта. Он подчинялся непосредственно главнокомандующему армиями фронта. В непосредственном подчинении у главного начальника снабжений армий фронта находилось управление интенданта. В свою очередь, на управление интенданта армий фронта возлагались задачи по сбору и обобщению сведений о степени обеспеченности войск предметами интендантского довольствия, разработке предложений и распоряжений по снабжению войск, руководству интендантской службой в тыловом районе и общее направление этой службы в войсковых районах [6, с. 36].

Важным звеном структуры интендантского ведомства фронта являлись военно-окружные управления. Накануне Первой мировой войны белорусские губернии организационно находились в составе Виленского и частично Варшавского военных округов. В период военного времени на их базе предусматривалось формирование полевого управления войск Северо-Западного фронта российской армии. С началом боевых действий в 1914 г., в соответствии с решением Генерального штаба, на основе управления Виленского военного округа 25 июля формировался Двинский военный округ. В свою очередь, 28 июля Варшавский военный округ реорганизовывался в Минский военный округ, ставший тыловым районом Северо-Западного фронта (с сентября 1915 г. – Западного фронта). Двинский военный округ являлся тыловым районом Северо-Западного фронта, а с сентября 1915 г. – Северного фронта. Следует отметить, что подчинение белорусских губерний двум военным округам в условиях введения военного положения значительно усложняло организацию тылового обеспечения войск, находившихся в их административных границах. Особенно негативно это сказывалось на губерниях, которые оказались разделены на две части. К примеру, Бельский, Белостокский, Сокольский, Волковысский и Гродненские уезды Гродненской губернии находились в юрисдикции Двинского военного округа, а Брестский, Пружанский, Кобринский и Слонимский уезды подчинялись управлению Минского военного округа. Согласно сложившейся оргструктуре осуществлялось и обеспечение подчиненных войск [3, с. 42]. При этом в условиях изменения границ районов Северо-Западного и Юго-Западного фронтов у местных чиновников возникали серьезные трудности с исполнением своих должностных обязанностей. Так, гродненский губернатор В.Н. Шебеко 10 марта 1915 г. обращался в штаб верховного главнокомандующего с просьбой: «...поставить в известность о том, какие именно уезды Гродненской губернии входят в район того или другого фронта в настоящее время» [3, с. 85].

Военные округа в ходе войны действовали как местные исполнительные органы главного начальника снабжения армий фронта. Возглавлял военный округ командующий. В его подчинении находились: окружной штаб и окружные управления. Вопросы тылового обеспечения находились в компетенции окружного интендантского управления, состоявшего из секретарской части и 3-х отделений (продовольственного, вещевого и счетного). Его штатная численность была унифицирована и составляла 69 чел. Окружное интендантское управление в Минском военном округе возглавлял полковник Г.В. Ливадин (в январе 1916 г. – полковник А.Н. Андреев). В Двинском военном округе до конца 1914 г. пост начальника окружного интендантского управления занимал генерал А.Г. Иванов, (с 1915 г. – генерал П.П. Сакович). Главной задачей, стоявшей перед интендантскими военно-окружными управлениями, была заготовка вещевого имущества путем проведения закупок и реквизиций [7, л. 18; 8, л. 424].

Согласно руководящим документам прием и хранение предметов вещевого довольствия различного назначения осуществлялись на вещевых складах. На них поступало имущество, освидетельствованное приемными комиссиями (приемщиками) и отправленное из обмундировальных мастерских, а также из частей и соединений, других вещевых складов. Принималось на склады и имущество больных и раненых военнослужащих: «Больные и раненные воины, увольняемые от службы и в продолжительные отпуска, обеспечиваются вольной одеждой, а форменное обмундирование изымается и подлежит сдаче в интендантский вещевой склад...» [9, л. 17].

В зависимости от количества содержащегося вещевого имущества, склады в Российской империи разделялись на разряды (высший, средний и низший). Отдельную категорию составляли склады специального назначения (госпитальные). В пределах белорусских губерний размещались Двинский вещевой склад высшего разряда и Брест-Литовский склад госпитальных запасов для полевых мобильных и запасных госпиталей. В канун Первой мировой войны на довольствии Брест-Литовского склада числилось 72 военно-полевых госпиталя. Смотрителем склада был назначен подполковник Ф.И. Спановский, подчинявшийся Минскому окружному интенданту. Стоит подчеркнуть, что российские войска, дислоцировавшиеся на территории Беларуси, обеспечивались как из Двинского вещевого склада, так и из запасов Варшавского (Минского) склада [2, с. 26]. Двинский и Минский вещевые склады подчинялись окружным интендантам Двинского и Минского военных округов соответственно. Двинский вещевой склад организационно состоял из управления и 16 складов (магазинов). Обязанности главного смотрителя склада были возложены на полковника П.П. Кравченко. Поскольку склад имел высший разряд, при начальнике полагался помощник (заведующий хозяйством) в звании старшего офицера. Организационно-штатной структурой склада также предусматривалось наличие канцелярии (12 чел.), 6 сотрудников для поручений, начальника служительской команды, помощника, 16 смотрителей магазинов, заведующего завозом и вывозом. Всего 38 чел. В штат Двинского вещевого склада входили: фельдфебель, каптенармус, 32 писаря, 52 вахтера, 310 рядовых и фельдшер. Всего 397 чел. [10, л. 192].

Варшавский вещевой склад был представлен управлением и четырьмя магазинами. Главным смотрителем склада был полковник А.Ф. Петров. Штатно-должностная структура склада была представлена помощником начальника склада, смотрителями магазинов, заведующим заводом и вывоза, служащими для поручений, делопроизводителем, письмоводителем с помощником, заведующим бухгалтерией, бухгалтером, его помощником, начальником служительской команды. Стоит отметить, что склады в условиях боевых действий были эвакуированы в глубокий тыл. Так, несмотря на свое название, Минский вещевой склад с 1915 г. размещался в г. Брянске [11, с. 37].

В вещевых складах, вместе с текстильными материалами и готовой продукцией обозно-вещевой службы госпиталей, хранились также имущество мобильных учреждений, формировавшихся на период особого времени (полевые госпитали, военно-санитарные транспорты, имущество военно-санитарных поездов). Кроме того, в этих складах хранилось всё заштатное имущество, что приводило к значительной переполненности ограниченного складского пространства. Результаты осмотра складских помещений вещевых служб в начале 1914 г. показали наличие избыточного количества имущества, которое оказалось накопленным там. К примеру, только в ходе инспекции Двинского вещевого склада были выявлены неоприходованными свыше 60 тыс. шинелей, 32 тыс. мундиров, 82 тыс. фуфаяк, 51 тыс. патронных сумок, 35 тыс. вещевых мешков, 5 тыс. ранцев, 15 тыс. котелков и 30 тыс. кожаных пуговиц [12, л. 475].

Руководили работой вещевых складов главные смотрители. Они избирались и назначались на должность главным интендантом и утверждались в должности императором. В их обязанности входило: 1) общее руководство работой магазинов и их должностных лиц; 2) контроль за правильным приемом и выдачей вещевого имущества в магазинах; 3) мониторинг условий хранения и сохранности вещей; 4) руководство служительской командой; 5) ведение соответствующей документации [13, с. 1]. Смотрители же магазинов, в свою очередь, назначались на должность окружным интендантом по ходатайству главного смотрителя вещевого склада, в чьем подчинении находился данный магазин. В их компетенции были вопросы, связанные с хранением и сохранностью вверенного вещевого имущества; сбора и передачи информации главному смотрителю об излишествах предметов, находившихся на складе, и приема (выдачи) имущества склада согласно нормативно-правовой базе [13, с. 1].

Кандидатуры помощников смотрителя магазина назначались главным смотрителем и подчинялись ему в вопросах работы магазина, а также исполняли обязанности в случаях его отсутствия или болезни. Под их непосредственным надзором осуществлялись: 1) выветривание, учет и взвешивание имущества; 2) прием и выдача его из магазинов; 3) хранение имущества; 4) соблюдение в магазинах санитарных норм; 5) контроль за рабочими при перекладке, проветривании и чистке вещей [13, с. 2–3].

Все предметы довольствия российской армии производились в обмундировальных мастерских. Обмундирование для российской армии изготавливалось в двух казенных мастерских – в Киеве и Двинске. Мастерские изготавливали обмундирование и снаряжение в готовом или полуготовом виде согласно нарядам Главного интендантского управления. В штат мастерской входили: начальник (заведующий) мастерской, его помощник, писарь и вахтеры (мастеровые). Заведующий мастерской и его помощник определялись Главным интендантом. Работы в мастерских осуществлялись силами мастеровых, частью казенными и вольнонаемными служащими. Казенные мастеровые прикомандировывались из войск (их число определялось Главным интендантским управлением). Войсковые части, из которых направлялись эти мастеровые, определялись командующими военно-окружных управлений. Вольнонаемные мастеровые нанимались заведующими мастерскими [2, с. 22].

Уполномоченным учреждением, отвечавшим за ведение финансово-хозяйственной деятельности обмундировочной мастерской, был хозяйственный комитет. В его состав входили председатель и два члена, назначавшихся окружным интендантом. Комитет разрабатывал смету расходов на хозяйственный год и после её утверждения отвечал за реализацию. Должностные лица комитета осуществляли финансовую деятельность мастерской, определяли стоимость пошива изделий, устанавливали штат постоянных и временных сотрудников, отвечали за своевременное выполнение заказов. Общий контроль за работой комитета и мастерской лежал на окружном интенданте, который не реже одного раза в год должен был осуществлять ревизию мастерской [1, с. 27; 14, л. 9].

Дислокация, а также производственные мощности обмундировочных мастерских западных военных округов не позволяли поставлять в соединения региона обмундирование, по причине чего его изготовление осуществлялось и в других округах. Кроме того, к пошиву вещевого имущества привлекались и частные мастера белорусских губерний. Всего в конце 1914 г. с интендантскими учреждениями работали 26 сапожных мастерских. Кроме них для потребностей армии работали учреждения тюремного ведомства. Так, например, в Гродненской, Белостокской, Брест-Литовской тюрьмах существовали штатные сапожные мастерские, а в Гродненской тюрьме, кроме того, портняжная мастерская. При Гродненской тюрьме: портняжная мастерская на 60 мастеров, сапожная мастерская на 45 сапожников. При Белостокской тюрьме: портняжная мастерская на 40 мастеров, а сапожная мастерская – на 50 сапожников. Организация и руководство изготовлением обмундирования и обуви были возложены на тюремную администрацию, но вследствие эвакуации Брестской, Гродненской и Белостокской тюрем мастерские прекратили свое существование. При этом, в результате отсутствия возможности переместить имевшееся в пенитенциарных учреждениях оборудование, его использование продолжалось и позже, но уже под руководством и с участием ополченцев [9, л. 113].

Методика осуществления приема имущества регламентировалась в соответствии с жесткими требованиями, предъявляемыми Главным интендантским управлением. Прием вещевого имущества осуществляли специально формируемые интендантские и войсковые приемные комиссии. Первые проводили операции, связанные с приемом текстиля, а также обмундирования, которое шилось из сырья, не прошедшего предварительной

экспертизы. В результате сотрудниками комиссии проводились специальные технические и химические исследования для определения качества произведенного предмета. В свою очередь, войсковые приемные комиссии проводили приемку уже готовой продукции вещевого довольствия. Стоит отметить, что дислокация интендантских приемных разрабатывалась, как правило, с учетом расположения вещевых складов. В годы Первой мировой войны на территории Беларуси были созданы две интендантские приемные комиссии (в Варшаве и Двинске). Войсковые приемные комиссии формировались приказом командующих военных округов по предварительному согласованию окружных интендантов и главного интенданта. В случае особой необходимости допускалось создание в округах временных приемных комиссий [2, с. 23].

В начальный период Первой мировой войны содержание вещевых запасов в магазинах белорусских губерний отвечало потребностям частей и соединений, сосредоточенных в регионе. Однако, согласно расчетам российских властей, возможные боевые действия могли продлиться не более полугода. Для восполнения хранилищ активно использовалась местная сырьевая база и экономический потенциал края. Однако уже в конце 1914 г. на поставках стала сказываться ограниченность ресурсов региона и перегруженность его транспортной инфраструктурой, что привело к значительному дефициту продукции на складах и в магазинах. В результате отступления российских войск в 1915 г. и осуществлявшейся эвакуации подвоз имущества из внутрироссийских губерний в магазины фактически остановился. К октябрю 1915 г. все запасы базисных магазинов на территории Беларуси были израсходованы, а обеспечение войск Западного фронта осуществлялось в основном за счет местных ресурсов. К февралю 1917 г. положение было близко к критическому. Это объяснялось общим расстройством хозяйственной жизни страны [4, с. 57].

В годы войны серьезные проблемы наблюдались и в деле обеспечения войск перевозочными средствами и упряжью. Так, за июль 1914 г. в различные части российской армии было передано: упряжи (парной и смешанной) – 752 ед., упряжи оглобельной – 116 ед. Пополнение складов производилось с невероятным напряжением всех имевшихся ресурсов и в целом не в полной мере удовлетворяло заявки войск [3, с. 56].

Существенную поддержку учреждениям интендантской службы в годы войны оказывало Главное управление землеустройства и земледелия. В результате организации эффективного межведомственного взаимодействия на последнее были делегированы ряд функций окружных интендантских управлений. Так, с началом войны Главное управление землеустройства и земледелия формировало специальные комиссии в губерниях и уездах для организации в городах производства необходимых для армии предметов. Решением местных администраций был проведен учет всех сапожников в губерниях, каждому из которых устанавливалась норма пошива сапог: «Уклонение от этого без достаточных на то оснований будет иметь последствием привлечение виновного к ответственности в административном порядке по законам военного времени» [15, л. 98]. Изготовленные изделия представлялись в местные уездные комиссии по заготовке обуви, которые, в свою очередь, направляли их в вещевые магазины. Так, например, частными сапожными мастерскими Гродненской губернии с середины ноября 1914 г. по март 1915 г. было изготовлено 97 547 пар обуви [16, л. 2–7].

В условиях войны местные военно-гражданские администрации предпринимали шаги, направленные на ограничение свободного оборота военного имущества. Так, постановлением от 28 мая 1915 г. командующего Двинским военным округом, князя Н.Е. Туманова, жителям запрещалось «приобретать у раненых и больных воинских чинов одежду, белье и обувь военного образца, если они ими были снабжены от казны» [3, с. 86].

Важную роль в организации вещевого обеспечения войск в белорусских губерниях играли управления уездных воинских начальников. Должностные лица управлений отвечали за сохранность и правильное хранение неприкосновенного запаса имущества на особый период, а также обеспечивали обмундированием рядовой состав, прибывавший после мобилизации. Также стоит отметить, что с началом военных действий фиксировались непрерывное изменение состава частей гарнизонов. Одни направлялись в районы боевых действий, другие доукомплектовывались, прибывали новые войсковые формирования. Для проведения ревизии гарнизонных складов и учета оставленного при передислокации имущества формировались временные комиссии во главе с уездными воинскими начальниками. В ходе работы комиссии осуществлялось документальное оформление и постановка на особый учет «кои с подразделением их на вещи новые и бывшие в употреблении» [17, л. 62]. Также под руководством уездных воинских начальников осуществлялись отправки имущества, полученного в ходе реквизиций, на вещевые склады [18, л. 104].

Заключение. Таким образом, устройство существовавшего в вооруженных силах Российской империи в годы Первой мировой войны института ободно-вещевого обеспечения было выстроено с учетом осложнения военно-политической обстановки и подготовки страны к боевым действиям. Структура вещевого управления носила строгий централизованный характер и обеспечивала принятие необходимых решений и единого командования. При этом, при всей устойчивости этой системы, в условиях начала боевых действий военным чиновникам пришлось перестраивать свою работу с учетом складывавшихся реалий.

Ободно-вещевая служба на белорусских землях выполняла возлагавшиеся на нее задачи по поставкам в части и соединения имущества. Однако стабильное материальное обеспечение войск было возможно лишь при условии комплексной работы всех учреждений и структур как военных, так и гражданских. При этом, не смотря на все сложности, организация ободно-вещевой службы Северо-Западного (Западного) фронта российской армии в годы Первой мировой войны позволила обеспечить выполнение задач по предназначению, направленных на полное и своевременное снабжение войск фронта вещевым довольствием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала. – М.: Наука, 1986. – 237 с.
2. Аранович А.В. Интендантское снабжение русской армии накануне и в годы Первой мировой войны. – СПб.: СПГУТД, 2004. – 144 с.
3. Черепица В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности. – Гродно: ГрГУ, 2006. – 536 с.
4. Павлов Л.Ю. Деятельность государственных органов и общественных организаций Гродненской губернии по обеспечению обувью российской армии в годы Первой мировой войны // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитар. науки. – 2017. – № 1. – С. 52–58.
5. Положение об интендантском вещевом довольствии. – Неофиц. изд. – СПб.: В. Березовский, 1894. – 82 с.
6. Положение о полевом управлении войск в военное время. – СПб.: Воен. тип. Императрицы Екатерины Великой, 1914. – 168 с.
7. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 17. Оп. 1. Д. 443.
8. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 17. Оп. 1. Д. 447.
9. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 27. Д. 2594.
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2049. Оп. 1. Д. 33.
11. Адрес-календарь гор. Варшавы на 1912 год / сост. Н.Ф. Акаёмов. – Варшава, 1912. – 256 с.
12. РГВИА. – Ф. 2049. Оп. 1. Д. 142.
13. Свод военных постановлений: Изд. 1869 г. – СПб.: Гос. тип., 1907. – Кн. 12: Заведения интендантские. – 90 с.
14. РГВИА. – Ф. 600. Оп. 1. Д. 13.
15. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 336. Оп. 1. Д. 7.
16. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 9. Д. 1980.
17. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 9. Д. 1779.
18. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 17. Оп. 1. Д. 449.

Поступила 04.07.2023

**QUARTERMASTER'S INSTITUTIONS OF CARGO AND CLOTHING SERVICE
IN BELARUSIAN LANDS IN THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR**

M. CVETKOV

(Yanka Kupala State University of Grodno)

The article discusses the work of military-political institutions to provide clothing for the Russian army on Belarusian lands during the First World War. The analysis of the previous historiography on the problem under consideration is carried out, the range of previously unresolved issues is determined. The main causes of problems with the provision of the army during the First World War are identified. The tasks assigned to the establishments of baggage and clothing service are disclosed. The factors that negatively influenced the activities of organizations are identified, and the measures taken to overcome them are considered. Based on the analysis of sources, the volumes of clothing provision in the Belarusian provinces are established, the state of affairs with the procedure for paying for work performed with manufacturers is disclosed.

Keywords: *World War I, Belarusian provinces, Russian army.*

УДК 94(476)"1921/1939"

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-51-55

**ПЫТАННЕ ПЕРСАНАЛЬНАГА АБМЕНУ
ВА ЁЗАЕМАДАЧЫНЕННЯХ БССР І ПОЛЬШЧЫ Ё 1921–1939 ГГ.**

*канд. гіст. навук, дац. В.М. БАРОЎСКАЯ
(Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск)
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7164-7432>*

У артыкуле акцэнтуюцца ўвага на пытанне персанальнага абмену ва ўзаемадачыненнях БССР і Польшчы ў 1921–1939 гг. Падкрэсліваецца, што пасля заключэння Рыжскага мірнага дагавора пытаннямі двухбаковага абмену насельніцтвам займалася спецыяльна створаная Змешаная камісія па рэпатрыяцыі з цэнтрамі ў Варшаве і Маскве. У жніўні 1924 г. пытанне аб персанальным абмене стала часткай дыпламатычных зносін Польшчы і СССР. Праблемамі рэпатрыяцыі стала займацца, у прыватнасці, Міністэрства ўнутраных спраў Польшчы і Польскае бюро пры ЦК РКП(б)-ЦК УКП(б). Былі таксама зроблены спробы ажыццявіць абмен зняволенымі праз ваенныя ўлады. Указваецца, што згодна з “Дагаворам аб персанальным абмене паміж Польшчай, Расіяй (Беларуссю) і Украінай”, заключаным у сакавіку 1923 г., прадугледжвалася ажыццяўленне найбольш буйнога абмену па колькасці асоб, якія падлягалі персанальнаму абмену паміж бакамі.

Ключавыя словы: персанальны абмен, БССР, Польшча, Прадстаўніцтва Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі, Заходняя Беларусь.

Уводзіны. Пасля заключэння Рыжскага мірнага дагавора пытаннямі двухбаковага абмену насельніцтвам (польскі бок, перш за ўсё, цікавіўся выдачай прадстаўнікоў каталіцкага духавенства, супрацоўнікаў II аддзела Войска Польскага (разведка), савецкі – членаў Камуністычнай партыі Польшчы (КПП), дыверсантаў, разведчыкаў) займалася спецыяльна створаная Змешаная камісія па рэпатрыяцыі з цэнтрамі ў Варшаве і Маскве. Пасля ліквідацыі гэтай камісіі справамі абмену з восені 1924 г. пачалі займацца консульскія службы. Актывізацыі справы садзейнічалі Польскае бюро пры ЦК РКП(б) (Польбюро), а пасля прадстаўніцтва – Камуністычная рабочая партыя Польшчы (КПРП (з 1925 г. – КПП)) пры УЦВК (Польсекцыя).

Пытанне персанальнага абмену паміж БССР і Польшчай у 1921–1939 гг. знаходзіць сваё адлюстраванне ў рамках даследавання В. Матэрскага [1] і падрыхтаванага ім асобнага зборніка дакументаў і матэрыялаў [2]. У польскай гістарыяграфіі неабходна адзначыць напрацоўкі Ф. Складоўскага [3]. У айчынай гістарычнай навуцы, на жаль, да гэтага часу не было праведзена комплекснага асэнсавання пытання персанальнага абмену паміж беларускім і польскім бакамі. Крыніцавая база будуюцца на аснове матэрыялаў, размешчаных у сховішчах Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі, Архіва знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі, Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь.

Асноўная частка. У перыяд з 1919 г. па 1932 г. адбылося 10 персанальных абменаў СССР і Польшчы; у Польшчу выехала больш за 60 ксяндзоў. 21–26 сакавіка 1923 г. у Маскве адбыўся судовы працэс над 15 каталіцкімі служкамі (Я. Цэпляр, А. Малецкі, К. Будкевіч, А. Васілеўскі, П. Януковіч, С. Эйсмант, Э. Юневіч, Т. Матуланіс, Л. Хвэцка, Я. Тройга, П. Хадневіч, Д. Іваноў, Л.Фёдараў, Ф. Руткоўскі, А. Праскеціс, Я. Шарнас), абвінавачаных у “контрэвалюцыйнай дзейнасці ў інтарэсах сусветнай буржуазіі”. Я.Ф. Цэпляр быў прыгавораны да смяротнага пакарання, якое пасля было заменена на 10 гадоў пазбаўлення волі. 9 красавіка 1924 г. быў вызвалены з турмы і высланы ў Польшчу. Па гэтай справе быў расстраляны ксёндз К.Р. Буткевіч (1867–1923). Створаная контрэвалюцыйная арганізацыя ставіла сваёй мэтай супрацьдзеянне дэкрэту аб аддзяленні царквы ад дзяржавы і інструкцыі аб парадку правядзення ў жыццё гэтага дэкрэта.

1 лютага 1923 г. у Маскве быў заключаны дагавор паміж Польшчай і СССР на персанальны абмен. Савецкі бок атрымоўваў 317 чалавек, у сваю чаргу польскі бок – 617 чалавек. 16 сакавіка 1923 г. быў падпісаны “Дагавор аб персанальным абмене паміж Польшчай, Расіяй (Беларуссю) і Украінай”¹, згодна з якім прадугледжваўся абмен на 340 чалавек ад кожнага з бакоў. У лісце паўнамоцнага прадстаўніка Польшчы ў РСФСР Р. Кноля да дырэктара Дыпламатычнага дэпартаменту МЗС Польшчы С. Кентшыньскага адзначалася, што “праследванне каталіцызму з’яўляецца формай самаабароны савецкага боку ад польскай інтрыгі, менавіта таму польскае кіраўніцтва змяніла тактыку ў гэтай справе, не перастала цікавіцца навінамі, аднак змяцілі вектар у бок Ватыкану”. У справе Я. Цэпляка польскі бок, па-першае, не верыў у верагоднасць правядзення смяротнага прыговору ў жыццё, па-другое, не разглядаў магчымасць правядзення персанальнага абмену паміж савецкім і польскім кіраўніцтвам [2, s. 91–92].

У маі 1923 г. міністр замежных спраў Польшчы М. Сейда на форуме расійска-ўкраінскай часткі Змешанай камісіі па рэпатрыяцыі выказаўся за неабходнасць прыступіць да хуткай рэалізацыі шырокага абмену палоннымі. НКЗС, у сваю чаргу, накіраваў у свае інстанцыі інфармацыю аб спыненні прыняцця кандыдатур на абмен 1 чэрвеня 1923 г., а выезд астатніх планавалася ажыццявіць да 1 верасня 1923 г. Пра гэта было праінфармавана пасольства Польшчы ў Маскве. Аднак ужо на пасяджэнні Змешанай камісіі ў чэрвені 1923 г. канчатковым тэрмінам прыняцця

¹Dziennik Ustaw RP. – 12.IV.1923. – № 38. – S. 249.

кандыдатур на абмен было вызначана 1 лістапада 1923 г. На перагаворах у жніўні савецкі бок прызнаў спіс “317” неактуальным, а палякі патрабавалі выдачы 100 асоб са спісаў “317”, “6”, “18” і “50(51)”. Такім чынам, намеціліся вострыя рознагалосці паміж Варшавай і Масквой па гэтым пытанні.

20 верасня 1923 г. на пасяджэнні Савета Міністраў Польшчы былі зацверджаны спісы асоб, якія падлягалі двухбаковаму абмену, згодна з “Дамовай аб рэпатрыяцыі” 24 лютага 1921 г.: прадугледжваўся зварот у Польшчу з тэрыторыі РСФСР, УССР і БССР 386 чалавек, у сваю чаргу, 119 чалавек павінны былі вярнуцца з Польшчы ў РСФСР, УССР. Гэты абмен адбываўся пры ўдзеле польскай і расійска-ўкраінскай дэлегацыі Змешанай камісіі па рэпатрыяцыі. Асобы былі падзелены на тры катэгорыі: I – тыя, хто падлягаў першачарговому абмену ў прапорцыі 1:1 з атрыманнем афіцыйнай згоды (складаннем пратаколу з подпісам) таго або іншага чалавека; II – другасная ступень абмену, III – асобы, у абмене якіх бакі былі зацікаўлены ў апошняю чаргу. У будучым абмен удалося працягнуць. 26 красавіка 1924 г. у абмен на 107 чалавек, атрыманых польскім бокам, савецкі бок атрымаў 33 чалавекі. Пры гэтым два чалавекі з савецкага спісу адмовіліся выехаць у СССР, а адзін збег з заключэння.

Улады БССР правялі прапагандысцкае мерапрыемства ў сувязі са святочнай сустрэчай камуністаў, што прыбылі па абмене. Яе кульмінацыяй было пасяджэнне Мінскага гарадскога Савета дэпутатаў з удзелам гэтых асоб, якое праходзіла “пад знакам моцных антыпольскіх акцэнтаў, а таксама абвінавачванняў у праследванні палітычных зняволеных”. 18 сакавіка 1924 г. быў абвешчаны Днём палітычнага зняволенага. У Варшаве таксама публічна віталі палякаў, якія вярнуліся з СССР.

У жніўні 1924 г. пытанне аб персанальным абмене стала часткай дыпламатычных зносін Польшчы і СССР. Праблемамі рэпатрыяцыі стала займацца, у прыватнасці, Міністэрства ўнутраных спраў Польшчы. Былі таксама зроблены спробы ажыццявіць абмен зняволенымі праз ваенныя ўлады. Актыўна абмяркоўваўся польскі спіс “317”, з якога неабходна было выключыць савінкоўцаў і самога Б.В. Савінкава, якія перашлі на савецкі бок. 12 жніўня 1925 г. адбылося пасяджэнне Міністэрства працы і сацыяльнай апекі па тэхнічных і арганізацыйных аспектах абмену палоннымі. Арганізацыя абмену займаўся таксама II Аддзел Генеральнага штаба Войска Польскага [2, s. 163–165]. 26 жніўня 1924 г. адбылася міжміністраўская нарада па справе персанальнага абмену паміж Польшчай і СССР².

31 снежня 1924 г. адбылася савецка-польская канферэнцыя ў справе персанальнага абмену “67–208” быў вызначы час і месца абмену, канчаткова зацверджаны спісы. Ноччу з 31 студзеня на 1 лютага 1925 г. на ст. Коласава на чыгуначным пераездзе адбыўся абмен па спісу “67–208”. У Мінску быў арыштаваны епіскап Б. Слоскан і іншыя служкі. У той жа час савецкі бок цікавіўся камуністамі, членамі Беларускай сялянскай работніцкай грамады (БСРГ). 3 студзеня 1928 г. адбыўся абмен “9–31”. Савецкі бок атрымаў 9 асоб, узамен 31 польскага палітычнага зняволенага³. У жніўні 1932 г. былі прынятыя два апошніх спісы персанальнага абмену. Было вырашана, што польскі бок дадаткова атрымае ксяндза Т. Скальскага. 3 жніўня 1932 г. у Польшчу прыехалі 18 ксяндзоў. Праходзілі таксама перамовы аб выездзе сем’яў палонных, які быў дазволены ў пачатку 1933 г.

Згодна з прапановай міністра замежных спраў Польшчы А. Скішыньскага ў палітычны камітэт Савета Міністраў Польшчы ад 5 снежня 1924 г. была разгледжана справа абмену ксяндза Б.М. Усаса, члена польскай дэлегацыі ў Змешанай спецыяльнай камісіі. Улічваючы дасягненні Б.М. Усаса ў справе вяртання культурных каштоўнасцей і бібліятэчных рарытэтаў у Польшчу, у тым ліку, бібліятэчных збораў князёў Залускіх, уздымалася пытанне яго абмену (ксяндз быў абвінавачаны ў злачынстве за сэксуальнае дамаганне да няпоўналетніх, прыгавораны да 10 год турэмнага зняволення). Сярод кандыдатаў, якія маглі выступіць у якасці асоб, падлягаючых абмену, узгадваюцца С. Баран (асуджаны на 4 гады за дзяржаўную здраду, арганізацыю антыдзяржаўнага супраціўлення пры падтрымцы іміграцыйнага ўрада В.Ю. Ластоўскага, дапамозе Літве), С. Вальдэнберг (член РКП(б), КРПР, арыштаваны за камуністычную дзейнасць)⁴.

Справа ў тым, што 29 сакавіка 1925 г. павінен быў адбыцца персанальны абмен паміж СССР і Польшчай на ст. Коласава (недалёка ад Стаўбцоў). Польскі бок абменьваў членаў КПП – В. Багінскага і А. Вечаркевіча. 2 жніўня 1923 г. яны былі арыштаваны па абвінавачванні ў камуністычнай дзейнасці і арганізацыі выбухаў у красавіку і маі 1923 г. у розных польскіх гарадах. Першапачаткова былі прыгавораны да смяротнага пакарання, аднак пасля прэзідэнт Польшчы С. Вайцэхоўскі замяніў яго на пажыццёвае зняволенне. Савецкі бок, у сваю чаргу, абменьваў юрыста, былога польскага консула ў Грузіі І. Лашкевіча з жонкай і дочкамі, і каталіцкага святара Б. Усаса, якіх раней арыштавалі па падазрэнні ў антысавецкай дзейнасці і ўтрымлівалі ў Лубянскай турме ў Маскве. Аднак абмен не адбыўся, бо адзін з ахоўцаў (Ю. Мурашка) забіў В. Багінскага і А. Вечаркевіча.

Гэтая падзея стала штуршком для арганізацыі і правядзення шэрагу мітынгаў па ўсёй тэрыторыі БССР з выказваннем пратэсту і “абурэння” дзеяннямі польскіх улад. Хоць да канца не было зразумела: была гэта спланаваная акцыя польскіх спецслужбаў, або праява асабістай варожасці ахоўніка да арыштаваных. Так, працоўныя г. Слуцка ў колькасці 5200 чалавек удзельнічалі ў такім мітынгу, дзе адзначалася, што забойства з’яўляецца “бясконцай подласцю і мязготай польскіх паноў”, заяўляўся гучны пратэст супраць нявіданых злачынстваў і накіроўвалася прывітанне ўсім барацьбітам рэвалюцыі і вязням капітала⁵. А на мітынгу працоўных і служачых

²Archiwum aktów nowych (AAN). MZS. Wardelpol. Sygn. 12674. – К. 118–121

³AAN. PRM. Sygn. 63. –К. 581–585.

⁴AAN. PRM, PP KP RM. – К. 116–118

⁵Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 6. Воп. 1. Спр. 195. Арк. 174.

г. Мозыра нават заяўлялася, што “забойства было ажыццяўлена наўмысна і з ведама польскага ўраду праз сваіх агентаў і пры дапамозе ППС, а таму мы патрабуем ад свайго ўраду прыняцця адпаведных мераў супраць такога гвалтоўнага незаконнага зверскага акту”⁶. У тэлеграме ад працаўнікоў міліцыі і пракуратуры ДПУ Слуцкай акругі да ЦВК БССР А.Р. Чарвякову ў снежні 1924 г. указвалася: “дасылаем пралетарскае прывітанне нашым закардонным братам, якія знаходзяцца ў турмах буржуазіі за справу вызвалення ад прыгнёту паноў. Няхай нашыя браты не маркоцяцца, мы прыслухоўваемся да іх стогнаў і ў патрэбную хвіліну працягнем братскую руку. Дасылаем праклёны прыгнятальнікам, спадзяемся, што святкаванне сёмай гадавіны Савецкай Беларусі, слупы, якія аддзяляюць нас адзін ад аднаго, будуць знесены на край прорвы”⁷.

Праблема забойства Багінскага – Вечаркевіча была закранута ў польскім сейме дэпутатам ад ППС Н. Барліцкім 2 красавіка 1925 г. Яна характарызувалася як праява анархіі і няздольнасці органаў дзяржаўнай бяспекі забяспечыць абарону правоў польскіх грамадзян. Выказвалася патрабаванне наказаць адказных за гэтае злачынства. У той жа дзень паступіла нота народнага камісара замежных спраў СССР Г.В. Чычэрына пасланніку Польшчы ў СССР С. Кентшыньскаму. У ёй выказваліся пратэст супраць дзеянняў польскага боку, надзея, што ў “наступны раз польскі ўрад прыме ўсе неабходныя меры для папярэджвання паўтору такога выпадку”. 22–24 кастрычніка 1925 г. у акружным судзе Навагрудка Ю. Мурашка быў прыгавораны да двух гадоў турэмнага зняволення з залікам шасці месяцаў папярэдняга заключэння [4, с. 387].

3 красавіка 1925 г. адбылася размова члена калегіі Народнага камісарыята замежных спраў (НКЗС) СССР С.І. Аралава з пасланнікам Польшчы ў СССР С. Кентшыньскім. Падчас яе была ўзнята праблема негатыўнага стаўлення да дыпламатычнага прадстаўніцтва СССР у Польшчы і асабіста да П.Л. Вайкова ў польскім друку. Гэта было звязана з забойствам каля ст. Коласава В. Вечаркевіча і А. Багінскага. 6 красавіка 1925 г. паступіла нота пасланніка Польшчы ў СССР С. Кентшыньскага народнаму камісару замежных спраў СССР Г.В. Чычэрыну па гэтай справе. Выказвалася шкадаванне, што персанальны абмен асобамі не адбыўся. Пры гэтым адзначалася, што вырашылася пытанне аб устанаўленні адказнасці і меры пакарання за забойства Багінскага – Вечаркевіча [4, с. 395]. 1 мая 1925 г. быў накіраваны зварот Цэнтральнага Савета прафесійных саюзаў БССР і І Усебеларускай нарады па працы прафсаюзаў у вёсцы да страйкуючых сельскагаспадарчых рабочых Польшчы. 8 мая 1925 г. было падрыхтавана прывітанне II Усебеларускай канферэнцыі Міжнароднай арганізацыі дапамогі барацьбітам рэвалюцыі (МАПР) палітычным заключаным Беластока [4, с. 396].

3 прамовы народнага камісара замежных спраў СССР Г.В. Чычэрына на III Усесаюзным з’ездзе Саветаў аб знешняй палітыцы савецкага ўраду пра пытанне аб савецка-польскіх адносінах адзначалася, што “артыкул Рыжскага дагвора, які забяспечваў нацыянальным меншасцям магчымасць культурнага развіцця, застаецца ў Польшчы мёртвай літарай”. У пачатку ліпеня 1925 г. адбыўся пераход праз савецка-польскую мяжу падпаручыка 1-й роты 4-га батальёна корпуса памежнай аховы Ф.Ф. Манцынскага.

Дамова паміж Польшчай і СССР аб вырашэнні памежных канфліктаў была падпісана ў Маскве 3 жніўня 1925 г. у асобе С.І. Аралава, члена калегіі НКЗС СССР, і С. Кентшыньскага, надзвычайнага пасланніка і паўнамоцнага міністра Польшчы, “у мэтах усталавання, па магчымасці, спрошчанага парадку вырашэння канфліктаў гаспадарча-бытавога характару, якія ўзнікаюць на мяжы” [4, с. 406]. Гэтая дамова вырашала дробныя памежныя канфлікты і інцыдэнты (адзінкавае абстрэльванне тэрыторыі ці памежнай аховы іншага боку без ахвяр), а таксама памежныя канфлікты гаспадарчага характару. Яны павінны былі вырашацца начальнікамі адпаведных памежных атрадаў ДПУ (СССР), старастамі адпаведных памежных паведаў. Калі абодва бакі не прыйшлі да паразумення на мясцовым узроўні, то пытанні выносіліся на ўзровень адказнасці Народнага камісарыята замежных спраў (НКЗС) і Міністэрства замежных спраў.

13 снежня 1926 г. была прынята “Пастанова Савета Міністраў Польшчы аб абмене палітычнымі зняволенымі паміж Польшчай і СССР”. На аснове закона ад 16 сакавіка 1923 г. Савет Міністраў Польшчы атрымаў паўнамоцтвы на складанне спісу 340 асоб, якія знаходзяцца ў Польшчы і падлягаюць выдачы СССР у абмен на асоб польскага паходжання, якія знаходзяцца на тэрыторыі СССР. Савету Міністраў перадавалася таксама кампетэнцыя ў справе прыпынення судовай, адміністрацыйнай, дысцыплінарнай і інш. адказнасці ў адносінах да асоб, прадугледжаных для абмену. У выніку, на аснове гэтай пастановы польскі ўрад павінен быў выдаць СССР 9 асоб у абмен на 32 асобы, пераданыя Польшчы. Абмен адбыўся на ст. Коласава 3 студзеня 1928 г. Ужо 6 студзеня 1928 г. газета “Звезда” паведамляла аб прыбыцці ў Мінск Ф. Гжэльшчака-Гжэгажэўскага, С. Мартэнса-Скульскага і іншых былых палітычных зняволеных і іх ад’ездзе ў Маскву [4, с. 387–388].

Згодна з запісам у дзённымі міністра ўнутраных спраў Польшчы Ф. Славоі-Сладкоўскага ад 24 ліпеня 1929 г. адносна пытання персанальнага абмену з савецкім бокам, адзначалася негатыўнае стаўленне Ю. Пілсудскага да гэтай справы [3, s. 71]. З сярэдзіны 1930-х гг. пасольства Польшчы ў Маскве і консульскія прадстаўніцтвы ў СССР хадайнічалі аб персанальным абмене, але гэтыя спробы прывялі толькі да паляпшэння ўмоў утрымання зняволеных. Гэтыя дзеянні ажыццяўляліся галавой Генеральнага консульства Польшчы ў Мінску В. Аконьскім у адносінах да ксяндзоў В. Кунды і В. Тамашэўскага. У верасні 1932 г. адбыўся абмен паміж СССР і Польшчай вялікімі групамі палітзняволеных. Абмен адбыўся на савецка-польскай мяжы, на ст. Коласава, у 40 км на захад ад Мінска.

⁶Там жа. Арк. 229.

⁷НАРБ. Ф. 6. Воп. 1. Спр. 624. Арк. 23.

З савецкага боку пры абмене прысутнічалі адказны супрацоўнік НКЗС В.Г. Якаўлеў і прадстаўнік Чырвонага Крыжа ў Польшчы С. Семпалоўская⁸.

15 верасня 1932 г. 40 чалавек былі падрыхтаваныя для перадачы СССР Польшчай. Быў заключаны пратакол, дзе вызначаліся дакладная колькасць асоб, падлягаючых абмену, час і месца абмену. З польскага боку яго падпісалі ўпаўнаважаны па персанальным абмене В. Кулікоўскі, саветнік польскай дыпламатычнай місіі ў Маскве А. Панінскі, з савецкага – загадчык І Заходняга аддзела НКЗС М.Я. Раівід⁹. На савецкую зямлю прама з турмы ўступіла 40 дзеячаў Камуністычнай партыі і нацыянальна-вызваленчага руху Польшчы, сярод іх: члены ЦК КПП – Я. Пашын, К. Цыхоўскі, Т. Жарскі; відныя дзеячы КПЗБ – Я.С. Бабровіч, М.Л. Перавалюцкі, А.М. Розеншайн (Р. Максімоўскі), Л.Г. Шайкоўскі, В.З. Харужая, Р.Х. Гелер, С.А. Клінцэвіч, В. Фрышман, М.М. Словік. Сярод абмененых знаходзіліся таксама былыя кіраўнікі разгромленай БСРГ і дэпутацкай фракцыі “Змаганне”, дэпутаты польскага сейма П.П. Валашын, І.С. Дварчанін, І.Е. Гаўрылік, П.С. Крынчык, Ф.І. Валынец. М.С. Арэхва, член КПЗБ, дырэктар школы Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі (КПЗБ) у Мінску ў 1932 г. ва ўспамінах адзначаў, што “па ўсім маршруце ад мяжы да Мінску на кожным прыпынку іх сардэчна віталі і закідвалі кветкамі жыхары мясцовых вёсак. У Мінску на прывакзальнай плошчы, а потым у ДOME культуры адбылася святочная сустрэча прадстаўнікоў грамадскасці гораду з абмененымі польскімі рэвалюцыянерамі, якая вылілася ў дэманстрацыю пралетарскай салідарнасці”¹⁰.

Усе дзеячы КПЗБ і беларускага нацыянальна-вызваленчага руху пасля адпачынку і лячэння былі выкарыстаны на адпаведнай працы. Я. Бабровіч і В. Фрышман – у Камісіі па вывучэнні Заходняй Беларусі пры БАН. Я. Бабровіч у сааўтарстве з Багданскім напісаў брашуру “Аб класавай барацьбе ў Заходняй Беларусі падчас Беларускай сялянска-работніцкай грамады”, а В. Фрышман – манаграфію “Прамысловасць Заходняй Беларусі”. В.З. Харужая (пад імем А. Шышына) – “За Чырвоны Кастрычнік у Заходняй Беларусі” і Р.Х. Гелер (пад імем К. Ткачынскі) – “Як і што змагаюцца беластокскія тэкстыльшчыкі” – былі выкарыстаны ў працы рэдакцыі. М. Словік займаўся школай КПЗБ, а пасля стаў членам тройкі Прадстаўніцтва КПЗБ у Мінску. М.Л. Перавалюцкі і Л.Г. Шайкоўскі былі накіраваны на вучобу ў Камуністычны ўніверсітэт нацыянальных меншасцей у Маскве. С. А. Клінцэвіч – на працу з ЦК МАПРа БССР, А.М. Розеншайн (Максімоўскі) стаў рэдактарам польскай газеты органа ЦК УКП(б) “Трыбуна Радзецка”. І.С. Дварчанін як філолаг працаваў у Беларускай акадэміі навук, І.Е. Гаўрылік – членам калегіі Народнага камісарыята асветы, Ф.І. Валынец – сакратаром ЦК МАПРа БССР. П.С. Крынчык знаходзіўся на лячэнні. С.А. Рак-Міхалоўскі працаваў дырэктарам Беларускага дзяржаўнага гістарычнага музея. Што датычыцца Б.А. Тарашкевіча, то пасля датэрміновага вызвалення ў красавіку 1930 г. з польскай турмы ён перайшоў на нелегальнае становішча і выкарыстоўваўся на заданнях ЦК КПЗБ. Пасля другаснага арышту ў лютым 1931 г. быў асуджаны на 8 год турмы і толькі ў верасні 1933 г. па абмену выехаў у СССР. Працаваў у Міжнародным аграрным інстытуце ў Маскве, загадваў аддзелам Польшчы і Прыбалтыкі.

Заключэнне. Пасля заключэння Рыжскага мірнага дагавора пытаннімі двухбаковага абмену насельніцтвам (польскі бок, перш за ўсё, цікавіўся выдачай прадстаўнікоў каталіцкага духавенства, супрацоўнікаў ІІ аддзела Войска Польскага (разведка), савецкі – членаў КПП, дыверсантаў, разведчыкаў) займалася спецыяльна створаная Змешаная камісія па рэпатрыяцыі з цэнтрамі ў Варшаве і Маскве. Пасля ліквідацыі гэтай камісіі справамі абмену з восені 1924 г. пачалі займацца консульскія службы. Актывізацыі справы садзейнічалі Польскае бюро пры ЦК РКП(б) (Польбюро), а пасля прадстаўніцтва – КППРП (з 1925 г. – КПП) пры УЦВК (Польсекцыя). Ступень эфектыўнасці персанальнага абмену знаходзілася ў прамой залежнасці ад агульнага становішча савецка-польскіх адносін. Агульная зацікаўленасць у паспяховасці абменнага працэсу прымусала абодва бакі шукаць прымальныя шляхі вырашэння спрэчных момантаў. Нават зрывы ў механізме персанальнага абмену (інцыдэнт на савецка-польскай мяжы, звязаны з забойствам А. Вечаркевіча і В. Багінскага), не сталі прычынай адмовы ад гэтага сродку камунікацыі.

ЛІТАРАТУРА

1. Materski W. Pobocza dyplomacji. Wymiana więźniów politycznych pomiędzy II Rzeczypospolitą a Sowietami w okresie międzywojennym. – Warszawa: Inst. Studiów Polit. PAN, 2002. – 320 s.
2. Wymiana więźniów politycznych pomiędzy II Rzeczypospolitą a Sowietami w okresie międzywojennym: Dokumenty i materiały / Oprac. Materski W. – Warszawa: Inst. Studiów Polit. PAN, 2000. – 294 s.
3. Składkowski F. Strzępy meldunków. – Warszawa, 1988. – 117 s.
4. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. – М., 1965. – Т. 4: апрель 1921 г. – май 1926 г. – 560 с.

Пасмыніў 09.08.2023

⁸НАРБ. Ф. 976. Воп. 1. Спр. 73. Арк. 139-141.

⁹Архіў знешняй палітыкі расійскай Федэрацыі (АЗП РФ). Ф. 09. Оп. 3а. Папка 1. Спр. 136. Арк. 30–32.

¹⁰НАРБ. Ф. 976. Воп. 1. Спр. 72. Арк. 23.

**ВОПРОС ПЕРСОНАЛЬНОГО ОБМЕНА
ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ БССР И ПОЛЬШИ В 1921–1939 ГГ.**

канд. ист. наук, доц. О.Н. БОРОВСКАЯ
(Институт истории НАН Беларуси, Минск)

Статья посвящена вопросу персонального обмена во взаимоотношениях БССР и Польши в 1921–1939 гг. Подчеркивается, что после заключения Рижского мирного договора вопросами двустороннего обмена населением занималась специально созданная Смешанная комиссия по репатриации с центрами в Варшаве и Москве. В августе 1924 г. вопрос персонального обмена стал частью дипломатических отношений между Польшей и СССР. В частности, проблемами репатриации стали заниматься МВД Польши и Польское бюро при ЦК РКП(б)-ЦК УКП(б). Предпринимались также попытки осуществить обмен пленными через военные власти. Указывается, что согласно «Договору о персональном обмене между Польшей, Россией (Белоруссией) и Украиной», заключенному в марте 1923 г., предусматривалось осуществление наиболее крупного обмена по числу лиц, подлежащих обмену между сторонами.

Ключевые слова: *персональный обмен, БССР, Польша, Представительство Коммунистической партии Западной Беларуси, Западная Беларусь.*

**THE ISSUE OF PERSONAL EXCHANGE
IN RELATIONS BETWEEN THE BSSR AND POLAND IN 1921-1939**

O. BOROVSKAYA
(Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

The article focuses on the issue of personal exchange in the relations between the BSSR and Poland in 1921-1939. It is emphasized that after the conclusion of the Riga Peace Treaty, the issues of bilateral population exchange were dealt with by a specially created Joint Commission for Repatriation with centers in Warsaw and Moscow. In August 1924, the issue of personal became part of diplomatic relations between Poland and the USSR. In particular the Ministry of Internal Affairs of Poland and Bureau under the Central Committee of the RCP (b)-Central Committee of the All-Russian Communist Party (b) began to deal with the problems of repatriation. Attempts were also made to effect an exchange of prisoners through the military authorities. It is indicated that according to the "Treaty on personal exchange between Poland, Russia (Belarus) and Ukraine" concluded in march 1923, the implementation of the largest number of persons subject to personal exchange between the parties was envisaged.

Keywords: *personal exchange, BSSR, Poland, Representation of the Communist Party of Western Belarus, Western Belarus.*

УДК 94(476)"1929–1939":322:281.93

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-56-60

**НЕТРАДЫЦЫЙНАЯ РЭЛІГІЙНАСЦЬ
СЯРОД ПРАВАСЛАЎНАГА НАСЕЛЬНІЦТВА БССР У 1930-Я ГГ.
(ПА МАТЭРЫЯЛАХ ДЗЯРЖАЎНЫХ АРХІВАЎ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ)**

канд. гіст. навук, дац. Г.С. КАЛІНІНА

(Інстытут тэалогіі імя святых Мяфодзія і Кірыла Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск)

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4741-3177>

Артыкул прысвечаны спробам выяўлення і аналізу элементаў нетрадыцыйнай рэлігійнасці ў праваслаўным асяроддзі БССР, што фарміраваліся ў 1930-я гг. пад уплывам секулярнай палітыкі савецкай дзяржавы, якая мела сваёй асноўнай мэтай паслядоўнае выцясненне рэлігіі і царквы з усіх сфер жыцця грамадства. Даследаванне праводзіцца паводле класіфікацыі тыпаў нетрадыцыйнай рэлігійнасці па структуры, распрацаванай спецыялістам на новых рэлігійных рухах У.А. Марціновічам, на аснове дакументаў дзяржаўных рэспубліканскіх і рэгіянальных архіваў Беларусі. Указваючы на некаторыя тэрміналагічныя цяжкасці, звязаныя з неакрэсленасцю ўжывання тэрміна “царкоўнік” у дзяржаўна-партыйнай дакументацыі, аўтар прыходзіць да высновы аб распаўсюджванні сярод праваслаўных вернікаў БССР такіх тыпаў нетрадыцыйнай рэлігійнасці, як культывае асяроддзе грамадства і элементы ўнутрыцаркоўнага сектанцтва, а таксама вызначае ўплыў антырэлігійнай дзяржаўнай палітыкі на пераход праваслаўных ва ўласна секты.

Ключавыя словы: *праваслаўе, Беларуская Праваслаўная Царква, нетрадыцыйная рэлігійнасць, культывае асяроддзе грамадства, унутрыцаркоўнае сектанцтва, секты, антырэлігійная палітыка савецкай дзяржавы.*

Уводзіны. Вельмі неспрыяльныя рэлігійна-палітычныя абставіны ў СССР у 1930-я гг., што выяўляліся ў спробах дзяржавы ліквідаваць рэлігію з усіх сфер жыцця грамадства, выклікалі непрыманне і супрацьдзеянне гвалтоўнай секулярызацыі з боку праваслаўных вернікаў. Апошнія, дзея таго каб захаваць сваю ўласную рэлігійную ідэнтычнасць, часам нават імкнуліся да свядомай ізаляцыі ад савецкай рэальнасці і шчыра бачылі ў камуністычнай уладзе прыход “антыхрыста”. У некаторых выпадках адказы вернікаў на выклікі з боку варожай да рэлігіі рэчаіснасці прыводзілі, так ці інакш, да змен у традыцыйнай рэлігійнай свядомасці і папаўнялі “скар-бонку” форм нетрадыцыйнай рэлігійнасці.

Мэта дадзенага артыкула – спроба выяўлення і агляду розных тыпаў нетрадыцыйнай рэлігійнасці ў асяроддзі праваслаўнага насельніцтва БССР у 1929–1939 гг. на аснове матэрыялаў дзяржаўных архіваў Беларусі.

Даследаванне праводзіцца ў адпаведнасці з класіфікацыяй тыпаў нетрадыцыйнай рэлігійнасці па структуры (характарыстыка членства і ступень развіцця арганізацыйнай структуры групы), распрацаванай беларускім даследчыкам новых рэлігійных рухаў У.А. Марціновічам [1, с. 90]. Згодна У.А. Марціновічу, “нетрадыцыйная рэлігійнасць (“сектанцкасць”) – гэта рэлігійная форма адхілення ад існуючых межаў варыятыўнасці норм і нарматыўных паводзін, якая склалася як пад уплывам усіх асноўных інстытутаў грамадства, так і ў выніку стыхійнай самаарганізацыі і жыццядзейнасці грамадства” [1, с. 181].

Матэрыяламі для працы паслужылі дакументы дзяржаўных рэспубліканскіх і абласных архіваў Рэспублікі Беларусь, у большасці – справаздачна-інфармацыйная дакументацыя: дакладныя запіскі “Пра стан антырэлігійнай прапаганды” па раёнах, акругах і БССР у цэлым, справаздачы раённых і акруговых партыйных камітэтаў аб праведзенай рабоце, якія накіроўваліся ў ЦК КП(б)Б, спецзводкі, інфармацыйныя зводкі і палітданясенні ДПУ (НКУС) “Аб настройах насельніцтва...” і г.д. Гэтыя дакументы сведчаць аб розных праявах рэлігійнага жыцця веруючага насельніцтва, бо ў іх, разам з праваламі і дасягненнямі антырэлігійнай працы, партыйныя работнікі/супрацоўнікі спецорганаў дакладвалі аб рэлігійнай сітуацыі ў раёне/акрузе, аб актыўнасці мясцовых “царкоўнікаў і сектантаў”.

Пры гэтым неабходна адзначыць пэўныя цяжкасці з тэрміналогіяй, а менавіта з тэрмінам “царкоўнік”, які шырока выкарыстоўвалі аўтары вышэйзгаданых афіцыйных савецка-партыйных дакументаў. Вядома, што дзяржава, прымаючы ўсякую праяву рэлігійнасці за контррэвалюцыйныя дзеянні, зрабіла ў 1930-я гг., асабліва ў другой палове, стаўку на знішчэнне рэлігіі сілавымі метадамі самой па сабе, з прычыны чаго знікла неабходнасць разбірацца ў канфесійных нюансах і асаблівасцях розных царкоўных плыняў, якая існавала ў 1920-я гг. У сувязі з гэтым усе вернікі падпадаюць пад абагульненыя катэгорыі “царкоўнік”, “сектант”, “клерыкал”. Прадстаўнікі розных плыняў у праваслаўі (патрыяршай ці аўтакефальнай царквы, абнаўленцы, часам нават стараверы) траплялі пад паняцце “царкоўнік”. Акрамя таго, у паведамленнях спецсупрацоўнікаў думкі аб рэлігійнай сітуацыі, напрыклад, у сувязі з перапісам насельніцтва, выказвалі “аднасобнікі”, “калгаснікі”, “кулакі”, што робіць у такіх выпадках практычна немагчымым вызначэнне канфесійнай прыналежнасці рэспандэнта.

Асноўная частка. Выпадкі, калі аўтары дакументаў удакладняюць прыналежнасць тых ці іншых вернікаў да канкрэтнай рэлігійнай групы (напрыклад, прыводзяць найменні радыкальных праваслаўных групавак – “чырвонадраконаўцы”, “маўчальнікі”, згадкі аб стараверах), сустракаюцца рэдка. Акрамя таго, шэраг незарэгістраваных груп праваслаўных памылкова адносяць да евангелістаў, штундыстаў ці проста сектантаў. З прычыны падобнай блытаніны паняццяў вызывае цяжкасці аддзяліць у агульнай масе фактаў дзейнасць праваслаўных

вернікаў ад дзейнасці, напрыклад, уласна сектантаў ці старавераў. Таму разважаць пра распаўсюджванне нетрадыцыйнай рэлігійнасці сярод праваслаўных вернікаў даводзіцца з наступнымі агаворкамі: у адных выпадках можна безумоўна сцвярджаць аб праваслаўнай прыналежнасці тых ці іншых вернікаў, асабліва калі гэта дапамагаюць вызначаць некаторыя маркеры, напрыклад, такія выразы, як “былы царкоўны стараоста”, што ўказваюць на праваслаўную традыцыю. У іншых выпадках можна толькі меркаваць пра праваслаўную ідэнтычнасць, улічваючы пры гэтым той факт, што праваслаўе з’яўлялася традыцыйным веравызнаннем для большасці сельскіх жыхароў, якія складалі ў канцы 1920-х гг. каля 80% насельніцтва БССР [2, с. 11].

Такім чынам, пры ўліку вышэйназваных асаблівасцей партыйна-дзяржаўнай тэрміналогіі, падчас аналізу архіўных дакументаў у праваслаўным асяроддзі БССР было выяўлена два тыпы нетрадыцыйнай рэлігійнасці (з шасці, якія наогул вызначае ў сваёй манаграфіі У.А. Марціновіч), прычым пераважна ў сельскай мясцовасці: 1) унутрыцаркоўнае сектанцтва – “разнастайныя формы нетрадыцыйных, паганскіх, акултна-містычных вераванняў і практык, якія існуюць у межах традыцыйных рэлігій свету” [1, с. 95]. У.А. Марціновіч вылучае наступныя прыкметы дадзенага тыпу нетрадыцыйнай рэлігійнасці: культ асобы, магічнае мысленне, апакаліптызм, палітэзізм, экстрэмізм, самавольнае ўкараненне ў структуру царквы першапачаткова чужых для яе рэлігійных практык, сістэм веравучэння і метадаў працы [1, с. 95–96]; 2) так званае “культывае асяроддзе грамадства” – “уся сфера неінстытуцізаванай нетрадыцыйнай рэлігійнасці, што складаецца з сектанцкіх ідэй і рытуальных практык, якія падзяляюцца людзьмі па-за кантэкстам якой-небудзь рэлігійнай групы” [1, с. 94]. У кантэксце 1930-х гг. сюды варта адносіць разнастайныя чуткі “апакаліптычнага” характару, хрысціянскія культывыя практыкі (напрыклад, асвятчэнне вады на Вадохрышча), здзяйсненне якіх магічна ўспрымалася насельніцтвам, стварэнне і распаўсюджванне так званых “лістоў шчасця”, або “святых лістоў”.

Унутрыцаркоўнае сектанцтва. Па дакументах на тэрыторыі БССР у межах праваслаўя, пераважна ў другой палове 1930-х гг. фіксуюцца звесткі пра такія стыхійна арганізаваныя групы праваслаўных, як “маўчальнікі”, “чырвонадраконаўцы”, “хрыстаносы”.

Тэме “маўчальнікаў” прысвечаны некалькі прац беларускага гісторыка І. Раманавай [3; 4]. Падчас правядзення ўсесаюзнага перапісу 1937 г. па БССР “маўчальнікі” – 200–250 жыхароў Лепельскага і Тураўскага раёнаў – адмовіліся па рэлігійных прычынах даваць супрацоўнікам перапісу якія-небудзь звесткі пра сябе. І. Раманава адзначае, што ўлады адносілі “маўчальнікаў” да “апакаліптычнай і супрацьдзяржаўнай” секты “чырвонадраконаўцаў”, і прыходзіць да высновы, што “маўчальнікі” з’яўляліся праваслаўнымі сялянамі, якія “ў 1920-я гг. паспрабавалі знайсці зямлі і шчасця ў Сібіры, аднак пазней вярнуліся ў сваю вёску”, папярэдне ўспрыняўшы на новым месцы жыхарства “маўчальніцка-чырвонадраконаўскую ідэалогію” [3, с. 259–260]. Тым самым аўтар таксама звязвае “маўчальнікаў” з іншай радыкальнай праваслаўнай групай – “чырвонадраконаўцамі”, звестак пра якіх захавалася зусім няшмат, напрыклад, “у раёне маецца 2 чалавекі чырвонадраконаўцаў – Пракапчанка Аляксандр Захаравіч, які пражывае ў в. Сілічы, і Шуміла Яўсей, якія кажуць, што “савецкая ўлада і камуністычная партыя есць чырвоныя драконы””¹.

Яшчэ адна стыхійна створаная праваслаўная група – “хрыстаносы”/“хрыстаносцы”, пра якіх партыйныя супрацоўнікі паведамляюць наступнае: “У Нясяцінскім сельсавеце на тэрыторыі калгасу ім. Ягорава секта хрыстаносцаў налічвае 30 чалавек (аднаасобнікі). Гэтыя цемрашалы носяць на грудзях крыж, і ў дамах іх на вушаках дзвярэй напісаны мелям крыжы, а ў куце мноства абразоў, упрыгожаных гэтымі крыжамі і свечкамі і стаіць бутэлька з вадой каля абразоў, на сцяне – контррэвалюцыйная эмблема Х+У, тлумачыцца на розныя лады (Хрыстос уваскрос – хочам вайны)... Яны распускаюць контррэвалюцыйныя чуткі: “Хутка не будзе калгасаў, а зямлю аддадуць нам”, знішчаюць пагалоўе жывёлы, кажучы, што есці свіное сала грэх... Падчас перапісу насельніцтва адказвалі на пытанні перапісчыкаў, што мы... верым у бога крэста і яго святую троицу непадзельную”². Дакладна невядома, сфарміраваліся “хрыстаносы” ва ўмовах адарванасці ад традыцыйных царкоўных структур ці ўзніклі як форма супрацьстаяння афіцыйнай царкве, але наяўнасць нетыповых для традыцыйнага праваслаўя элементаў, у прыватнасці, выкарыстанне белых крыжоў, “апакаліптызм” у настройх групы, таксама адмаўленне ад ужывання свініны (верагодна, як ад мяса “нячыстай” жывёлы), дазваляе, хаця б па гэтых фармальным прыкметах, разглядаць дадзеную групу вернікаў як прыклад унутрыцаркоўнага сектанцтва.

Культывае асяроддзе грамадства. Найбольш распаўсюджанымі праявамі культывага асяроддзя грамадства ў 1930-я гг. з’яўляліся рознага роду рэлігійныя чуткі як рэакцыя на тыя ці іншыя мерапрыемствы, што праводзіліся “бязбожнай” савецкай уладай, з прычыны чаго негатыўнае стаўленне вернікаў-сялян распаўсюджвалася і на іх. Як сацыяльная з’ява, чуткі выконвалі пэўны шэраг функцый у грамадстве: псіхалагічная абарона ў сітуацыі няпэўнасці і магчымай пагрозы з боку новага сацыяльнага парадку, асэнсаванне сітуацыі і аднаўленне суб’ектыўнага кантролю, ўплыў на настроі сялянскай супольнасці, спроба сацыяльнага аб’яднання сялян перад тварам магчымай небяспекі [5, с. 18–20]. Пры гэтым праз чуткі выключна свецкія падзеі асэнсоўваліся менавіта ў рэлігійным ключы, набывалі ў вачах іх распаўсюджвальнікаў адназначна рэлігійны характар. Напрыклад, уступленне ў калгасы падавалася як відавочна “антыхрысціянскае” мерапрыемства: “У в. Піцькоўка, Уваравіцкага раёна серадняком Майсеевым вядзецца агітацыя сярод калгаснікаў за выхад з калгаса, заяўляючы, што ў некаторых калгасах ужо прыступілі да кляймоў калгаснікаў “чортавым кляймо”, паказваючы пры гэтым,

¹ Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Ф. 251. Воп. 1. Спр. 30. Арк. 5.

² НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 11867. Арк. 21–22.

што ў адным калгасе каля станцыі Чачора запрасілі ўсіх калгаснікаў з'явіцца да фельчара, нібы для прышчэпкі воспы, а калі калгаснікі сабраліся, іх пачалі кляіміць "чортавым кляймо"»³.

Падобныя неверагодныя чуткі спараджалі ў сялянскім асяроддзі новыя, значна менш бяскрыўдныя, асабліва з пункту гледжання афіцыйных уладаў, рэакцыі, пачынаючы з байкаціравання калгасаў, узнікнення панічных настрояў да адмовы ад удзелу ў перапісе, дзяржаўнай грашовай дапамогі і пашпартоў, пацвярджэннем чаго служыць такі выпадак: «За апошні час адзначана распаўсюджванне ў Ручаеўскім сельсавеце, Лоеўскага раёна, асабліва ў в. Грохава, такой чуткі: «13 сакавіка падчас буры на небе бачылі ікону, вакол якой гарэлі свечкі, яны праляцелі каля Грохава, трымаючы накіраванне ў бок Хойнік, пасля буры ў суботу 15 сакавіка будзе 12 падземных удараў і ў Грохаве будзе забіта 12 калгаснікаў». Гэты слых у Грохаве выклікаў панічны настрой. У многіх дамах круглыя суткі гарэлі лампадкі і маліліся богу»⁴.

Самы вядомы выпадак масавага распаўсюджвання чутак пераважна рэлігійнага характару – гэта гісторыя з усеагульным перапісам насельніцтва 1937 г. Аўтары спецзводак і спецаведамленняў «Аб адмоўных настройах насельніцтва ў сувязі з перапісам» неаднаразова ўказвалі, што найпершае пытанне, якое хвалявала насельніцтва, было «галоўным чынам, аб пункце – вернік або нявернік»⁵. Пры аналізе дакументаў выявілася, што настроі шэрагу вернікаў мелі «апакаліптычны» характар: савецкая ўлада ўспрымалася імі як «улада антыхрыстава», а перапіс насельніцтва ўяўляўся працэсам накладання «пячаткі антыхрыста». Людзі разважалі наступным чынам: «Перапіс – гэта д'ябальская справа, хто будзе падвяргацца перапісу, таго будуць кляіміць, а таму, калі пачнецца перапіс, трэба ўсім на гэты час схавацца, дзе хто можа», «Пералік насельніцтва – гэта перад канцом свету, бянтэжаць вернікаў»⁶. Становішча ўскладнялася тым, што перапіс быў прызначаны напярэдадні праваслаўнага Раства Хрыстова – 6 студзеня, і падобнае адкрытае пытанне аб веры з боку «бязбожнай» улады ўяўлялася многім вернікам канчатковым выбарам паміж Богам і д'яблам. Нават сам удзел у перапісе ўспрымаўся як адступленне ад веры. Вынікамі гэтай светапогляднай пазіцыі сталі дэманстратыўныя адмовы з боку вернікаў даваць аб сабе любячыя звесткі падчас перапісу амаль ў кожным раёне БССР.

Яшчэ адна спецыфічная форма праявы ўплыву культавага асяроддзя грамадства – гэта так званыя «лісты шчасця» («святыя лісты», «божыя лісты»). Дадзены феномен таксама апісаны У.А. Марціновічам, які пад «лістамі шчасця» мае на ўвазе «... тэксты, што перасылаюцца па пошце і заклікаюць пад рознымі падставамі іх размножыць і распаўсюдзіць далей» [6, с. 72]. У.А. Марціновіч, адносячы «лісты шчасця» да сферы нетрадыцыйнай рэлігійнасці, магічнага ўспрымання рэчаіснасці, звяртае ўвагу як на іх рэлігійны або адулятны змест, так і на прычыны, па якіх людзі іх перапісваюць, як правіла, рознага роду забабоны. У БССР дадзеныя лісты часцей за ўсё перапісваліся школьнікамі – дзецьмі вернікаў – і распаўсюджваліся ў школах, акрамя таго, маглі перадавацца праз дарослых з вёскі ў вёску. Змест адной з такіх «агітацыйных запісак на рэлігійную тэму» (а менавіта так успрымаліся «святыя лісты» савецкімі ўладамі) выглядаў наступным чынам: «Народ у Ерусаліме падчас набажэнства, пачулі голас Ісуса Хрыста, маліцца Богу хоць ойча-наш, хто атрымае гэтую запіску, той павінен напісаць такіх 9 і раздаць у 2 дні і праз 9 дзён атрымае радасць, а калі не перадаць, то атрымае гора, як гэта было ў г. Харкаве, адзін чалавек атрымаў гэтую запіску і не раздаў, чакаў радасці і праз 9 дзён атрымаў смутак, меў аднаго сына і той быў забіты праз 9 дзён»⁷. Вядома, не зусім зразумела, ці менавіта праваслаўныя распаўсюджвалі чуткі і «лісты шчасця», аднак уяўляецца верагодным, што праваслаўныя вернікі маглі ў гэтым удзельнічаць, ўлічваючы, напрыклад, згаданне ў некаторых «лістах шчасця» «божай маці»⁸, ушанаванне якой не ўласціва баптыстам, евангелістам і г.д.

У рамках дадзенага артыкула варта згадаць пра яшчэ адзін тып нетрадыцыйнай рэлігійнасці, які ўскосна звязаны з праваслаўным асяроддзем, а менавіта распаўсюджванне на тэрыторыі БССР у 1920 – 1930-я гг. уласна сект – «арганізацый, якія маюць моцную арганізацыйную структуру, інстытут пастаяннага членства, усебакова развітае веравучэнне, якое ахоплівае ўсе сферы быцця чалавека і свету» [1, с. 91]. У выніку даследавання выявілася, што сектанцкія абшчыны (у архіўных дакументах згадваюцца баптысты, евангелісты, штундысты) былі распаўсюджаны па ўсёй тэрыторыі БССР і пры гэтым дэцэнтралізаваны, дзейнічалі невялікімі групамі, сем'ямі ў мястэчках і вёсках. Існавала практыка прыездаў на сяло прапаведнікаў з буйных гарадоў, якія місіянерствавалі ў тым ліку сярод праваслаўнага насельніцтва. Аб пэўнай зацікаўленасці з боку праваслаўных да прапаведніцкай дзейнасці сектантаў, аж да пераходу першых у секты, сведчаць наступныя дакументы: 1) вызначэнне Пленума Аршанскага абнаўленчага епархіяльнага ўпраўлення за 1930 г.: «Праваслаўныя людзі не знаходзяць часта задавальнення сваіх рэлігійных патрэб у сваіх пастыраў, падаюць духам пры выглядзе расколу ўнутры нашай царквы, часам бягуць да сектантаў, якія нярэдка падкупляюць сваёй узаемадапамогай, устрыманнем ад віна і тытуню, брыдкаслоўя і г.д.»⁹; 2) у дакладнай запісцы аб стане антырэлігійнай працы ў Касцюковіцкім раёне за 1935 г. паведамляецца, што былы стараста Сяліцкай царквы Я. Старычкаў «у сувязі з тым, што па раёне зачыненыя ўсе цэрквы, перайшоў у секту евангелістаў»¹⁰; 3) ліст абнаўленчага протапрэсвітэра Пятра Шымковіча ад 4 лютага 1935 г., у якім ён апісвае

³ Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Гомельскай вобласці (далей – ДАГАГВ). – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 714. Арк. 381–382.

⁴ ДАГАГВ. – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 714. Арк. 29.

⁵ НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 12036. Арк. 7.

⁶ НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 12035. Арк. 9.

⁷ ДАГАГВ. – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 714. Арк. 103.

⁸ НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 11852. Арк. 57. Спр. 12082. Арк. 108.

⁹ Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Ф. 2786. Воп. 1. Спр. 452. Арк. 117адв.

¹⁰ НАРБ. – Ф. 251. Воп. 1. Спр. 30. Арк. 3–4.

місіянерскія прыёмы сектантаў і канстатуе неаслабную цікавасць насельніцтва да рэлігіі: “...Пытанні рэлігійныя хвалююць, рэдка дзе абыходзіцца сход, вядома, прыватнага парадку, дзе б не ўзнялі пытанні “пра папа”, “пра Бога” і г. д., і для сектантаў глеба зручная, а для нас не. Мы не можам наведваць такіх сходаў па многіх прычынах і асабліва з перасцярогі, каб не стаць ахвярамі абвінавачанняў у агітацыі і г.д., а сектант – свой брат. Яму і доступ зручны і падазрэння не выкліча, пакуль не выявіць сябе відавочна як сектанцкі прапаведнік”¹¹.

Разважаючы пра прычыны пераходу ў секты праваслаўных, трэба адзначыць дэцэнтралізаванасць груп сектантаў: іх дзейнасць было цяжэй выяўляць уладам, што нібыта гарантавала большую бяспеку для вернікаў ва ўмовах антырэлігійнага праследвання з боку савецкай дзяржавы. Акрамя таго, ва ўмовах нарастаючага духоўнага вакууму, пры паслядоўнай ліквідацыі храмаў і спыненні традыцыйнага царкоўнага жыцця ва ўсіх яго праявах, місіянерская праца пратэстанцкіх прапаведнікаў магла таксама прыцягваць праваслаўных вернікаў, якімі неапратэстанцкія абшчыны ў першую чаргу і папаўняліся. Што тычыцца расколаў і ўнутрыцаркоўных канфліктаў, то іх уплыў на адносіны вернікаў да царквы менш верагодны: у 1930-я гг. у параўнанні з папярэднім дзесяцігоддзем з прычыны масавага закрыцця цэркваў і скарачэння колькасці духавенства адзіным вартым крытэрыем паступова станавілася простая наяўнасць у дазенай мясцовасці святара, да якога можна было б звярнуцца за адпраўленнем абрадаў і таінстваў. Як перадаваў змест прыхадскіх просьбаў аб назначэнні святара адзін з абнаўленчых архіерэяў у 1931 г.: “Толькі хутчэй дашліце, хоць чырвонага, хоць зялёнага, але толькі папа”¹².

Заклучэнне. Такім чынам, у 1930-я гг. сярод праваслаўнага насельніцтва БССР фарміруюцца і распаўсюджваюцца наступныя тыпы нетрадыцыйнай рэлігійнасці, паводле класіфікацыі У.А. Марціновіча па структуры: 1) культывае асяроддзе грамадства – пераважна ў выглядзе разнастайных чутак рэлігійна-апакаліптычнага характару; 2) элементы ўнутрыцаркоўнага сектанцтва – зафіксаванае ў архіўных дакументах з’яўленне ізаляваных праваслаўных груп “чырвонадраконаўцаў”, “маўчальнікаў”, “хрыстаносаў”, для якіх было характэрна радыкальна варожае стаўленне да савецкай улады як да ўлады “антыхрыставай”, поўнае ці частковае дыстанцыраванне ад яе, апакаліптычныя настроі, ужыванне новых культывых практык і элементаў веравучэння.

Пры аналізе крыніц неабходна было ўлічваць тэрміналагічныя асаблівасці савецкіх партыйна-дзяржаўных дакументаў, няпэўнасць выкарыстання тэрміна “царкоўнік”, пад якім аўтары дакументаў маглі разумець не толькі праваслаўных, але і старавераў, а ў некотрых выпадках нават сектантаў, што ўскладняла вызначэнне канфесійнай прыналежнасці вернікаў, згаданых у прааналізаваных дакументах.

Акрамя таго, трэба адзначыць сувязь праваслаўнага насельніцтва з яшчэ адным тыпам нетрадыцыйнай рэлігійнасці, паводле У.А. Марціновіча, – уласна сектамі, пераход часткі праваслаўных вернікаў у якія назіраецца на працягу 1930-х гг. У пераважнай большасці гэты працэс адбываецца пад уплывам антырэлігійнай палітыкі савецкай дзяржавы, калі ва ўмовах закрыцця храмаў, знікнення праваслаўных святароў вернікі пачынаюць шукаць задавальнення “рэлігійных патрэб” сярод больш дэцэнтралізаваных і менш кантраліруемых афіцыйнымі ўладамі сектанцкіх груповак.

ЛІТАРАТУРА

1. Мартинович В.А. Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция. – Минск: МинДА, 2015. – 559 с.
2. Праферансаў. Стэнаграма даклада кіраўніка ЦСУ БССР тав. Праферансава на пасяджэнні СНК БССР 21 лістап. 1928 г. па пытанні аб выніках дэмаграфічнага перапісу 1926 г. / Праферансаў. – Мінск: Выд-ва Кіраўн. Спраў СНК і Экан. Наряды БССР, 1928. – 18 с.
3. Раманова І.М. Кляйменне Чырвонага дракона. Усесаюзны перапіс насельніцтва 1937 года і яго трактоўка ў сялянскім дыскурсе // ARCHE. – 2012. – № 3. – С. 246–261.
4. Романова И. Клеймение Красного Дракона. 1937–1939 гг. в БССР. – М.: РоссПЭН, 2021. – 305 с.
5. Горбатов Д.С. Функции слухов в социальной среде // Ученые записки СПбГИПСР. – 2014. – Вып. 1. Т. 21. – С. 18–20.
6. Мартинович В.А. Письма счастья как элемент оккультной среды общества // Минские епархиальные ведомости. – 2007. – № 1. – С. 72–76.

Паступіў 12.10.2023

НЕТРАДИЦИОННАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ СРЕДИ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ БССР В 1930-Е ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

*канд. ист. наук, доц. А.С. КАЛИНИНА
(Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла
Белорусского государственного университета, Минск)*

Статья посвящена попыткам выявления и анализа элементов нетрадиционной религиозности в православной среде БССР, которая формировалась в 1930-е гг. под влиянием секулярной политики советского государства,

¹¹ НГАБ. – Ф. 2786. Воп. 1. Спр. 562. Арк. 55.

¹² НГАБ. – Ф. 2786. Воп. 1. Спр. 487. Арк. 100.

имеющей своей основной целью постепенное вытеснение религии и церкви из всех сфер жизни общества. Исследование проводится на основе классификации типов нетрадиционной религиозности по структуре, разработанной специалистом в области новых религиозных течений В.А. Мартиновичем, на основе документов государственных республиканских и региональных архивов Беларуси. Указывая на некоторые терминологические затруднения, связанные с неочерченностью употребления термина «церковник» в государственно-партийной документации, автор приходит к выводу о распространении среди православных верующих БССР таких типов нетрадиционной религиозности, как культовая среда общества и элементы внутрицерковного сектантства, а также определение влияния антирелигиозной государственной политики на переход православных в собственно секты.

Ключевые слова: православие, Белорусская Православная Церковь, нетрадиционная религиозность, культовая среда общества, внутрицерковное сектанство, секты, антирелигиозная политика советского государства.

**UNCONVENTIONAL RELIGIOSITY AMONG THE ORTHODOX POPULATION OF THE BSSR
IN THE 1930s (BASED ON THE MATERIALS FROM THE STATE ARCHIVES
OF THE REPUBLIC OF BELARUS)**

H. KALININA

(Saints Methodius and Cyrill Theology Institute of Belarusian State University, Minsk)

The article attempts to identify and analyze the elements of unconventional religiosity among the Orthodox population of the BSSR formed in the 1930s under the influence of secular policy of the Soviet state which had as its main goal the successive displacement of religion and church from all spheres of society. The research is organised according to the classification of types of unconventional religiosity by structure developed by the specialist in new religious movements V. Martinovich and is based on the documents of the state republic and region archives of Belarus. Pointing out some terminological difficulties related to the vagueness of the use of the term "churchman" in the Soviet documentation, the author comes to the conclusion about spreading of such types of unconventional religiosity among the Orthodox believers of the BSSR as cult environment of the society and elements of intra-church sectarianism and also determines the influence of anti-religious state policy on the transition of Orthodox people into the sects proper.

Keywords: Orthodoxy, Belarusian Orthodox church, unconventional religiosity, cult environment of the society, intra-church sectarianism, sects, anti-religious policy of the Soviet state.

УДК 94(476)"1939/1941"

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-61-64

**КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БЕЛАРУСИ В 1939–1941 ГГ.****А.А. МОРДВИЛКО***(Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)**e-mail: nastyaln@yandex.by*

В данной статье охарактеризована кадровая политика советской власти в 1939–1941 гг. в западных областях Беларуси. Выявлены цели, принципы и направления работы советской власти в области кадрового обеспечения. Определены механизмы рекрутирования советской номенклатуры в регионе, прослежены попытки реорганизации направлений кадровой политики. Установлены факторы, повлиявшие на принятие решений по её изменению в сторону коренизации. Проанализирован количественный и качественный состав восточников и местных кадров.

Ключевые слова: кадровая политика, Западная Беларусь, восточники, выдвиженцы, кадровое обеспечение, трудовые миграции.

Введение. Развитие западнобелорусского региона в 1939–1941 гг. активно обсуждается в современной исторической науке. Многочисленные сложные процессы этого периода исследуются учеными как отдельные взаимосвязанные элементы, которые требуют комплексного изучения. Так, например, проблему советизации региона невозможно изучать в отрыве от кадровой политики советской власти. Вопросу советизации западных областей Беларуси посвящен ряд работ, которые рассматривают этот процесс с точки зрения национального, социального-экономического аспектов. Однако, ядром советизации является кадровая политика, без ее детального рассмотрения невозможен достоверный анализ процесса установления и закрепления советской власти в регионе.

После сентября 1939 г. западные области Беларуси оказались в совершенно новых социально-политических и экономических условиях. Старый управленческий аппарат оказался либо в эмиграции, либо репрессирован. В этой связи, слой правящей элиты необходимо было выстраивать заново, не имея, по сути, никакой преемственности. В этом состоит особенность положения западнобелорусского региона – здесь не было постепенного, «слоистого» становления правящих элит, трансформации их из старого управленческого аппарата. Этот процесс был запущен сверху и шел форсированными темпами. Помимо формирования местного партийного аппарата, страты управленцев, необходимо было обеспечить новый регион и надежной рабочей силой, особенно в стратегически важных областях – железная дорога, органы правопорядка, образование, идеология, и т.д.

Источниками для рекрутирования выступили две категории – переселенцы с восточной части Беларуси, а также из других регионов СССР, для которых стали применять термин «восточники»; и местное население, так называемые «выдвиженцы». Первая категория являлась результатом трудовой миграции, которая с приходом советской власти изменила направление. В период нахождения в Польском государстве распространённой была именно эмиграция рабочей силы, в основном в страны Латинской Америки, США, Европы [1]. С 1939 г. геополитическое положение изменилось – эмиграция по указанным направлениям стала невозможна по очевидным причинам, однако, как вид миграции, сохранилась. Жители Западной Беларуси выезжали вглубь СССР, пусть и не в таких масштабах как ранее в западные страны. На ряду с этим значительно возросла трудовая иммиграция, проявившая себя, как уже было отмечено выше, в прибытии «восточников».

Вторая категория, активно заполнявшая новые и освободившиеся рабочие места – местное население – являлась тоже достаточно многочисленной. Сегодня в исторической науке вектор внимания в большей степени сосредоточен именно на восточниках – изменении их социально-экономического положения, отношении с местным населением и т.д. [2; 3] Однако анализируя исторические документы, можно прийти к выводу, что местное население ничуть не оставалось в стороне от кадровой политики советской власти. Наоборот, во многих документах прослеживается тенденция к коренизации, призывы к более активному привлечению местных кадров [4].

Основными источниками данной публикации являются советские делопроизводительные документы из фондов Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), Государственного архива Брестской области (ГАБО), некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот. Цель статьи – выявление целей и принципов кадровой политики советской власти в западнобелорусском регионе в 1939–1941 гг.

Основная часть. Кадровая политика советской власти, направленная на закрытие вакантных мест путем переселения, в 1939 г. не являлась новаторской. В 1920-е – 1930-е гг. трудовая миграция в СССР была распространённым явлением, существовали переселенческие органы, формировались льготы, которые становились важным стимулом переселенческого движения. К 1939 г. был сформирован отлаженный механизм трудовой миграции, после похода Красной армии в сентябре 1939 г. такая миграционная политика распространяется и на Западную Беларусь.

Первые восточники начали прибывать в западнобелорусский регион осенью 1939 г. В первую очередь, это были кадры для формирования управленческой элиты, органов НКВД, милиции. Они постепенно заменяли собой представителей Красной армии, многие из которых вошли в состав Временного управления в сентябре 1939 г.

Въезд восточников осуществлялся по специальным пропускам, формировались списки необходимых кадров, которые должны были проходить установленную процедуру проверки [5, л. 55]. В большинстве случаев восточников направляли организации – приезд осуществлялся по партийной линии (направляющие организации – ЦК КП(б)Б, ЦК ЛКСМ, СНК), по направлению народных комиссариатов (просвещения, здравоохранения, промышленности и т.д.), а также отдельных организаций [6, л. 10]. В первую очередь, восточники прибывали на работу в местные органы власти, НКВД, милицию, в организации здравоохранения, образования. Многие из них занимали руководящие должности. Примечательно, что большинство переходило на более высокие должности, руководящие посты, не имея управленческого опыта. Безусловно, это будет сказываться на качестве работы. Опираясь на архивные данные, можно составить «социальный портрет» восточника. Это мужчина, по национальности белорус или русский (этот показатель колеблется примерно в одинаковых пределах в зависимости от места прибытия), в возрасте от 20 до 40 лет, имеющий среднее образование, партийный либо кандидат в члены партии [7, л. 23]. Для большей наглядности ниже продемонстрированы статистические данные по восточникам, направленным в 1940 г. в западные области.

Таблица 1. – Сведения ЦК КП(б)Б о количестве работников, направленных в западные области БССР, 1940 г.

Отправлено всего	Из них белорусов	Партийность				Парт. работа	Комс. работа	Совет. работа	Хоз.-ко-оперативная работа	НКВД милиция, ж/д
		Член ВКП(б)	Кандидат ВКП (б)	Член ВЛКСМ	Б/п					
16359	6937	7265	2703	4379	2012	2070	793	2568	6498	4430

Источник: [8, л. 36].

Исходя из архивных источников, советская власть подводила промежуточные итоги по прибытию восточников осенью 1940 г. Можно сделать вывод, что к этому времени прибыла основная волна трудовых мигрантов. Далее этот процесс будет продолжен, но его динамика будет снижаться – восточники по-прежнему прибывали, однако не так массово. К 1940 г. более явными станут трудности, возникающие по приезде в регион – нехватка квадратных метров, непростые отношения с местным населением, постепенно ужесточались правила пребывания. Например, к 1940 г. стало гораздо сложнее беспрепятственно вывозить товары за пределы западных областей Беларуси, как это было на протяжении 1939 г [9, л. 21–23]. Первоначальный миграционный подъем, связанный с включением западнобелорусских территорий в состав БССР, стал снижаться. К 1941 г. чаще встречаются случаи, когда восточники выезжали за семьями и не возвращались обратно, уезжали (в документах с формулировкой «бежал») даже не приступив к работе [7, л. 5]. Наряду с этим, к 1940 г. намечается тенденция к переселению семей прибывших работников [10, л. 60]. Это кажется вполне логичным, т.к. к этому времени некоторые из них все-таки успели наладить свой быт, решить вопрос с жильем и были в состоянии перевезти семью.

Самой распространённой проблемой, с которой столкнулись восточники по прибытии, стал именно квартирный вопрос. Новые работники занимали квартиры репрессированного или уехавшего населения, жилищный фонд формировался за счет национализации. Но жилья все равно не хватало, из-за чего возникали конфликты как с местным населением, так и во внутренней среде трудовых мигрантов. Такого рода конфликты можно рассматривать как срез сформировавшейся советской номенклатуры – чаще они возникали между представителями разных структур, например служащими НКВД и гражданскими управленцами [5, л. 46–47].

Проблема взаимоотношений восточников с местным населением представлена рядом исследований в современной историографии [2; 3]. В данной статье нам интересен иной аспект. Отметим лишь, что роль восточников в трансляции советских правил местному населению крайне велика. Они способствовали более быстрой интеграции жителей западных областей в советское общество, поэтому им отводились руководящие посты, работа в наиболее стратегически важных сферах (как с социально-экономической точки зрения, так и идеологической).

Сегодня нет точных данных о количестве восточников, прибывших в Западную Беларусь за период 1939–1941 гг. У нас есть сведения по отдельным областям, городам, уточненные за отдельные периоды. Согласно архивным источникам в 1940 г. в западные области Беларуси было направлено 16 359 человек [8, л. 36]. Однако только в Белостокскую область с сентября 1939 по октябрь 1940 г. прибыло 12 396 восточников [2, с. 50]. С учетом того, что после присоединения к БССР на территории Западной Беларуси были образованы 5 областей (Барановичская, Белостокская, Брестская, Вилейская и Пинская) количество восточников к 1941 г. может достигать нескольких десятков тысяч. 20 июля 1941 г. немецкая администрация в Бресте указывала в своих документах 8000 восточников [11, л. 121]. При этом в советских документах за 1940 г. указано о прибытии в город 1223 человек с восточных областей, в 1941 г. – еще около 450 [12, л. 19–23]. В Пинской области к октябрю 1940 г. работало 1490 восточников [13, л. 87–93]. Польские исследователи называют цифру около 31 тыс. восточников к 1940 г. [2, с. 55]. Мы не можем подтвердить или опровергнуть эту цифру, однако ведем работу по определению наиболее точного количества восточников, основываясь на архивных данных.

К 1940 г. наметилась тенденция к более активному выдвижению местных кадров. Прибывавшие восточники не только не решали кадровые проблемы, но зачастую создавали новые. Нередки случаи, когда уже по их прибытию обнаруживалось, что тот или иной кандидат совершенно непригоден к ожидавшей его работе – не имел компетенций, не соответствовал партийным требованиям, начинал вести аморальный образ жизни, «дискредитируя образ коммуниста» [7, л. 9–12]. Прошлый опыт прибывающих работников часто вскрывался уже по приезде,

после его назначения на должность. Например, в Пинской области на должность прокурора по кадрам был назначен человек, оказавшийся впоследствии осужденным, бежавшим из мест лишения свободы [7, л. 7–8]. Такие ситуации создавали дополнительные трудности – частая смена кадров не способствовала нормальной работе организаций, с учетом того, что приходилось перестраивать работу по новым правилам. Неподходящих работников увольняли, пытались заменить вновь прибывшими более квалифицированными кадрами, однако результат был минимальным. Так, осенью 1940 г. в Пинской области из заявленных 54 врачей прибыло только 2 человека [13, л. 95]. В феврале 1940 г. проблема нехватки кадров в Западной Беларуси решалась на высоком уровне: П. Пономоренко поручил обкомам КП(б)Б восточных областей отобрать 1708 человек партийных, советских и хозяйственных работников для работы в западных областях Беларуси [14, л. 22].

К 1941 г. кадровый голод будет ощущаться наиболее остро. Например, в той же Пинской области в 1941 г. ключевые должности областного суда и управления юстиции оставались вакантными – прибывавшие восточники «по деловым и политическим качествам» не могли работать в суде [7, л. 5]. За период второй половины 1940–1941 г. из западнобелорусских областей постоянно поступали сообщения о нехватке кадров. Наиболее остро эта ситуация стояла в органах НКВД, прокуратуры, во всех областях не хватало политруков, пропагандистов, а также оперативных уполномоченных, старших госавтоинспекторов и т.д. [15, л. 9–10]. Также приоритетными были сферы образования, здравоохранения, железная дорога. Для примера, в Брестском районе управленческие должности в области здравоохранения занимали люди без медицинского образования, на что неоднократно жаловались местные власти [16, л. 25; 17, л. 78–19].

На этом фоне кадровая политика, направленная на выдвижение местного населения, представляется вполне обоснованной и результативной. К 1940 г. советской властью в этом вопросе были поставлены четкие задачи: разборчиво выдвигать местные кадры; проводить коренизацию – активнее принимать на работу белорусов, но при этом вводить относительный процент поляков и евреев; задействовать в работе женщин (не менее 30% кадрового состава); проводить доскональную проверку родственных связей (принадлежность к социальному классу, наличие родственников за границей) [18, л. 34]. Относительно последнего пункта также можно наблюдать изменение политики советской власти – с течением времени она становилась более гибкой. Так, к концу 1940 г. поступали рекомендации брать человека на работу, в том числе на руководящие посты, даже если кто-либо из родственников находился в плену в Германии (речь шла именно о рядовых солдатах, опасность по мнению советских властей, представляли польские офицеры). Представить такой вариант осенью 1939 г. было сложно – требования к кандидатам были более строгие, любое наличие родственников за границей расценивалось как причина в отказе при принятии на партийную работу [5, л. 20–22]. Примечательно, что после 1940 г. отбор местного населения по национальному составу проводился с учетом специфики регионов – например, если среди населения преобладали поляки, рекомендовалось на руководящие посты брать именно поляков. С учетом того, что западные области Беларуси отличались многонациональностью, можно было встретить такую расстановку кадров по национальному составу: директор польской школы – белорус, завуч – русский, пионервожатый – еврей [14, л. 84].

Таблица 2. – Сведения о гендерном и национальном составе местных кадров («выдвиженцев») по Пинской области, октябрь 1940 г. [4, л. 71–73].

Всего	Пол		Национальность				
	Муж.	Жен.	Бел.	Еврей	Русс.	Поляки	Прочие
7423	5443	1989	3871	1870	862	708	121

Заключение. Таким образом, кадровая политика советской власти была направлена, в первую очередь, на закрытие вакантных мест советской номенклатуры. Также параллельно требовалось обеспечить надежными кадрами стратегически важные области экономики региона, закрыть вакантные места в социальной и промышленной сфере. Особое внимание уделялось подбору кадров для работы в правоохранительных органах, как на руководящих постах, так и на должности служащих. В 1939 г. советская власть пошла по пути замещения открытых вакансий выходцами из восточных областей БССР. В этой связи осенью–зимой 1939 г. наблюдался рост миграционного движения, связанный с прибытием восточников. В западнобелорусском регионе это привело к росту социальной напряженности, вызванному в том числе квартирным вопросом (нехваткой качественного жилья для прибывающих), сложностями в продовольственном обеспечении, в налаживании контактов с местными жителями и др.

Уже к 1940 г. стало понятно, что такая стратегия не в полной мере удовлетворяет кадровые запросы присоединенной территории – как в качественном отношении, так и в количественном. Поэтому советская власть пошла по пути более активного рекрутирования местного населения, проведения политики коренизации. Местные кадры подбирались с учетом национальной специфики регионов, проходили проверку на выявление связей с бывшей польской администрацией, наличие родственников за границей, степени лояльности советской власти. Такой комплекс мер позволил к 1941 г. значительно улучшить кадровую ситуацию в западных областях Беларуси, однако полностью удовлетворить кадровые запросы не удалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мярчук В.М. Эміграцыя насельніцтва з Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Брэст, 2016. – 23 с.

2. Карпенкина Я.В. Советские граждане в Западной Белоруссии, 1939–1941 гг. // Вопросы истории. – 2018. – № 6. – С. 48–56.
3. Розенблат Е.С. Западные области Белоруссии в 1939–1941 годах: оккупация – воссоединение – советизация // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы / Учреждение Росс. акад. наук, Ин-т славяноведения РАН. – СПб.: Алетейя, 2014. – С. 42–61.
4. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 7581п. Оп. 1 Д. 159. Л. 86.
5. ГАБО. – Ф. 7581п. Оп. 1. Д. 167. Л. 64.
6. ГАБО. – Ф. 7581п. Оп. 1. Д. 191. Л. 21.
7. ГАБО. – Ф. 7581п. Оп. 1. Д. 168. Л. 24.
8. Национальный архив Брестской области (НАРБ). – Ф. 4п. Оп.1. Д. 16922. Л. 89.
9. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14617. Л. 147.
10. ГАБО. – Ф. 2п. Оп. 1. Д. 30. Л. 82.
11. ГАБО. – Ф. 1. Оп. 28. Д. 91. Л. 197.
12. ГАБО. – Ф. 1. Оп. 16. Д. 12. Л. 23.
13. ГАБО. – Ф. 7581 п. Оп. 1. Д. 165. Л. 202.
14. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14950. Л. 127.
15. ГАБО. – Ф. 7581 п. Оп. 1. Д. 169. Л. 23.
16. ГАБО. – Ф. 282. Оп.1. Д.19. Л. 26.
17. ГАБО – Ф. 282. О.1 Д.1. Л. 102.
18. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14697. Л. 410.

Поступила 01.12.2023

**PERSONNEL POLICY OF THE SOVIET AUTHORITY
IN THE WESTERN REGIONS OF BELARUS IN 1939–1941**

A. MARDVILKA
(Brest State A. S. Pushkin University)

This article describes the personnel policy of the Soviet government in 1939–1941. in the western regions of Belarus. The goals, principles and directions of work of the Soviet government in the field of personnel provision have been identified. The mechanisms for recruiting the Soviet nomenklatura in the region are determined, attempts to reorganize the directions of personnel policy are traced. The factors that influenced the decision-making to change it towards indigenization have been identified. The quantitative and qualitative composition of easterners and local personnel is analyzed.

Keywords: *personnel policy, Western Belarus, easterners, promoters, staffing, labor migration.*

УДК 94:369(476)

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-65-71

**АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ ОРГАНОВ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БССР
В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ***канд. ист. наук, доц. И.А. МАРТИНКЕВИЧ**(Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет)*

В статье рассмотрены отдельные направления работы органов социального обеспечения БССР, разрабатываемые для оказания помощи семьям фронтовиков и партизан, трудоустройства и профессионального обучения инвалидов Великой Отечественной войны, их протезирования и санаторно-курортного лечения. Показаны основные проблемы и трудности, с которыми столкнулась система социального обеспечения в процессе формирования кадрового состава, определены меры, которые принимались для их решения.

Ключевые слова: *социальное обеспечение, семьи погибших воинов, бытовое обслуживание, кадровое обеспечение, инвалиды, профессиональное обучение, трудоустройство, протезирование, санаторно-курортное лечение.*

Введение. С началом освобождения от оккупации БССР сложнейшей задачей, стоявшей перед руководством республики, стало восстановление и развитие системы социального обеспечения. Трудности работы в этом направлении были во многом обусловлены ограниченностью материальных, финансовых, людских ресурсов и усугублялись количеством проблем, связанных с оказанием помощи нуждающимся категориям населения. Кроме того, в условиях послевоенной действительности особое внимание уделялось восстановлению народного хозяйства республики. В то же время расширение социальной базы нуждающихся требовало определённой корректировки в работе и соответствующих структурных изменений системы [1, с. 68–69].

Основная часть. Для того, чтобы повысить уровень социального обслуживания семей участников войны, уже 27 июля 1943 г. на заседании Бюро ЦК КП(б)Б при СНК БССР было принято решение о создании специального Управления по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан, не входившее в структуру НКСО. С августа 1943 по август 1944 г. его возглавлял П.И. Ратайко, затем до 1946 г. – А.И. Далидович. Согласно положению об управлении, утверждённому Постановлением СНК БССР 28 августа 1943 г., оно должно было заниматься решением таких вопросов, как социальная поддержка родственников фронтовиков и партизан, а также обеспечение их пособиями и пенсиями семей военнослужащих и партизан (за исключением семей офицерского состава, поскольку они получали пособие по денежному аттестату через военкоматы), предоставление льгот, разрешение материально-бытовых проблем, содействие членам семей в трудоустройстве и получении технического образования, приобретении производственных навыков и квалификации и т.д. В обязанности управления входило и рассмотрение заявлений и жалоб, руководство на местах [2, с. 16–17].

Уже к 1 июля 1944 г. управлением были разработаны и утверждены первые меры, направленные на повышение эффективности работы по организации государственного обеспечения, в деокупированных районах БССР. Основная работа по реализации принятых мер была возложена на районные и городские исполкомы Советов депутатов трудящихся, при которых формировались отделы. Им было поручено в течение месяца организовать учет семей фронтовиков и партизан, создать комиссии по назначению пособий и пенсий, в состав которых входили: заведующий отделом по государственному обеспечению, военком и заведующий финансовым отделом. Были учреждены продовольственные и денежные фонды помощи для обозначенной категории населения. Организовывались специальные ремонтно-строительные бригады для улучшения жилищных условий, а также сети мастерских для ремонта одежды и обуви. В обязанности отдела входило решение вопросов трудоустройства членов семей военнослужащих и организация надомного труда. Была возобновлена работа функционировавших до войны детских учреждений. Для своевременной выплаты пособий планировалось в районных центрах открыть отделения Госбанка и связи [1, с. 72–73].

Первые отделы по государственному обеспечению были созданы в Витебской, Могилёвской, Гомельской и Полесской областях. Дополнительно при исполкомах всех уровней была введена должность заведующего отделом по государственному обеспечению [3, л. 209–210]. Принятые меры дали возможность получить первые положительные результаты за достаточно короткий срок. Так, с момента освобождения территории Беларуси семьям фронтовиков и партизанам было выплачено 108,1 млн. руб. государственных пособий и пенсий, выдано 725 000 руб. единовременной денежной помощи, 1734,9 т различных продуктов питания. Было построено 28 968 новых домов для семей военнослужащих и партизан, а также отремонтировано 23 864 квартиры. Большому количеству семей была оказана помощь одеждой, обувью, скотом, топливом. Однако, на фоне первых успехов во многих районах часто фиксировались нарушения и случаи искажения местными органами власти законов выдачи пособий и пенсий семьям военнослужащих и партизан. Это приводило к неправильным начислениям и распределению направляемых средств. Очевидно, что такая ситуация вызывала справедливое недовольство и порождала поток поступающих заявлений и жалоб [4, л. 10об.].

Вопросы оказания помощи семьям фронтовиков находились на постоянном контроле государства, рассматривались на заседаниях партийных организаций. На одном из них весной 1944 г. отмечалось, что особое

внимание необходимо уделять государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан в Гомельской и Полесской областях. По мнению одной из докладчиц собрания, Климович, в этих регионах вопросы заботы о семьях фронтовиков и защитников Родины недооценивались, а их обеспечением, бытовым обслуживанием и трудоустройством на местах практически не занимались [5, л. 33]. Конструктивная критика со стороны партийных органов зачастую помогала выделить наиболее острые проблемы и найти оптимальные пути их решения.

Параллельно велась работа и по другим направлениям. В ноябре 1946 г. Совет Министров БССР поставил перед Министерством социального обеспечения очередную задачу: упорядочить выплаты пособий семьям военнослужащих. С этой целью в течение декабря 1946 г. было необходимо провести проверку каждой семьи военнослужащего на право получения государственного обеспечения. Причиной проверки послужило то, что с 1 августа 1948 г. прекращались выплаты пособий бывшим военнослужащим и их семьям, на которых не поступили необходимые документы военкоматов, удостоверения, списки и извещения, указанные в постановлении. Работа в этом направлении велась напряжённо и в сжатые сроки. Учитывая важность мероприятия, работникам областных, городских и районных отделов министерства социального обеспечения даже запрещалось поручать задания, не связанные с проведением проверки на период до декабря 1946 г. [4, л. 23–25]. Даже несмотря на такие меры, к 1947 г. избежать ошибок в процессе назначений и выплат пенсий не удалось. В письме Совету Министров СССР министр социального обеспечения БССР Е.Т. Гуценкова указывала, что из-за частых случаев механического прекращения выплаты пособий семьям военнослужащих без решения комиссии и разъяснения причин Министерство социального обеспечения предлагало принимать подобные решения только комиссией по назначению пенсий и пособий, а каждой семье подробно разъяснять о причинах прекращения выплат. Районным отделам социального обеспечения было поручено поставить на учёт семьи, которым были прекращены выплаты, и оказывать им при необходимости соответствующую материальную помощь в трудоустройстве отдельных членов семьи. Областным отделам социального обеспечения республики было поручено не позднее 10 сентября 1947 г. сообщить министерству о количестве семей, которым прекращались выплаты [6, л. 17–20]. Изменения в порядке назначения пенсий и перерасчёты, связанные с проводимой в это время денежной реформой, вызвали дополнительные трудности в работе пенсионных отделов. Возникла путаница в правовых аспектах и порядке начислений. Особенно много вопросов поступало со стороны заведующих пенсиями областных отделов социального обеспечения по поводу назначения персональных пенсий местного значения и семьям погибших воинов [7, л. 6–7]. В дальнейшем правильное назначение и выплата пенсий станет одной из сложнейших задач, которая потребует постоянного внимания со стороны министерства.

Председатель партийного собрания Корпусенко отмечал, что наркомат и его сотрудники оказались в таких условиях, когда пришлось фактически заново строить и восстанавливать всю систему. Если до войны в распоряжении наркомата было хорошее оборудование, дома инвалидов и артели их кооперации, то после её окончания всё это необходимо было восстанавливать в кратчайшие сроки. Кроме того, в систему пришло много новых работников, которым нужно было учиться, вникать в работу на своём участке, а для этого каждый из них должен был работать для повышения своей деловой активности, квалификации, изучать вопросы пенсионирования, трудоустройства и т.д. Вместе с тем, артели кооперации инвалидов восстанавливались очень медленно. Чтобы это исправить, нужно было оперативно организовать необходимую помощь областных и районных отделов социального обеспечения по трудоустройству, обучающих инвалидов новым профессиям. На низком уровне находилась трудовая дисциплина. Частыми были случаи ухода с работы без разрешения, небрежное отношение к инвалидам Великой Отечественной войны [5, л. 6].

В условиях послевоенной действительности формирование кадрового состава Наркомата и его структур на местах проходило непросто. Сказывались трудности материального плана и нехватка образованных, квалифицированных сотрудников. Весной 1944 г. на заседании партийной организации НСО БССР один из членов партийной организации наркомата Кляцко указывал: «Несмотря на то, что к этому времени в большей степени аппаратный состав был практически укомплектован, его работа по-прежнему характеризовалась низкой производительностью по причине неуплотненного рабочего дня. Плохо был налажен учет в работе, а делопроизводство велось неряшливо» [5 л. 5].

26 апреля 1944 г. на общем партийном собрании наркомата социального обеспечения вновь отмечалось, что наиболее ощутимыми оставались кадровые вопросы. Отсутствовала плановая работа отделов (зачастую работники не знали, что они должны делать и фактически не имели ответственности за получаемые им участки работы), были случаи, когда с уходом или отъездом с работы начальника отдела у его подчинённых работа приостанавливалась. Выезды работников в районы часто носили формальный характер вместо оказания реальной помощи на местах. Не была налажена проверка исполнения требований от областных и районных отделов социального обеспечения своевременного выполнения поручений [5, л. 7].

На собрании первичной партийной организации наркомата социального обеспечения БССР 25 мая 1944 г. отмечалось, что в комиссариате по-прежнему работало большое количество новых, неопытных работников и важнейшей задачей на этом этапе являлось их обучение, которое позволило бы решить проблему поверхностного отношения к рассмотрению вопросов. С этой целью было предложено эффективнее организовывать обмен опытом, воспитывать работников наркомата на личных положительных примерах, чтобы каждый из них был в курсе работы городских и районных отделов социального обеспечения [5, л. 32–33].

Однако к осени 1944 г. анализ работы сотрудников наркомата социального обеспечения показал, что большинство кадровых проблем, обозначенных ещё весной 1944 г., решено не было, а слабая подготовленность работников порождала новые трудности. К примеру, 10 октября 1944 г. на партсобрании наркомата отмечалась необходимость своевременных ответов на обращения инвалидов Великой Отечественной войны. В очередной раз был озвучен вопрос о качестве кадров, отмечалась необходимость строго подходить к отбору людей, проверять их на практической работе. Такая ситуация требовала принятия оперативных мер по улучшению качества кадрового состава наркомата социального обеспечения. Было принято решение организовать регулярную учёбу работников, чтобы каждый из них мог самостоятельно разбираться в законах, инструкциях и прочей документации, порядке и назначении пособий, налоговых послаблениях по поставкам, если хозяин занят на селе, по квартплате, бытовому обслуживанию и трудоустройству и т.д. [5, л. 33]. Однако искоренить в короткие сроки вышеуказанные недостатки было трудно, поскольку уровень квалификации и образования набираемых на работу сотрудников часто не соответствовал предъявляемым к ним требованиям, много претензий было и к качеству выполнения ими должностных обязанностей. Так, 4 ноября 1944 г. на очередном партийном заседании сотрудников наркомата отмечалось, что с выполнением поручений по повышению трудовой дисциплины дела обстояли плохо. Рабочий день сотрудников не был нагружен, «люди шатались без дела». В секретариате лежала папка с большим количеством нерассмотренных заявлений, а некоторые работники целыми днями ничего не делали. «Отдельные работники за 3 года оккупации переродились и требуют перевоспитания. При подборе на работу необходимо проверять всех работников, которые приняты из числа находившихся на оккупированной территории. Дела с учёбой также обстоят плохо» [5, л. 37–38]. 5 марта 1946 г. на очередном партийном заседании в работе сотрудников Министерства социального обеспечения отмечались низкое качество оформления пенсионных дел, ряд других недоработок. К примеру, в типографиях г. Борисова и г. Барановичи давно были заказаны бланки для оформления пенсий, но никто из сотрудников отдела социального обеспечения не занимался вопросом о их скорейшем изготовлении. Частыми были случаи несвоевременных ответов на жалобы инвалидов, в том числе и на коллективную жалобу инвалидов Великой Отечественной войны, находящихся в одном из домов инвалидов. Вопросом организации колхозных касс также никто из сотрудников отделов основательно и целенаправленно не занимался [8, л. 2–4].

Преодолевая трудности послевоенного времени и кадровые проблемы, система социального обеспечения постепенно начала более оперативно реагировать на злободневные вопросы и концентрировать усилия на более острых вопросах, требовавших скорейшего решения, таких как обслуживание инвалидов Великой Отечественной войны, их трудовое и бытовое устройство, обеспечение протезами, ортопедическими изделиями. Вместе с тем общих подходов к решению поставленных задач на местах выработано ещё не было, что сдерживало эффективную работу системы. Особенно это прослеживалось в отделах трудоустройства, протезирования, пенсионирования и в домах инвалидов.

К середине 1946 г. организационная работа в системе социального обеспечения принесла и положительные результаты. С момента освобождения территорий БССР было организовано 6 областных и 2 районных общества глухонемых, достигнут довоенный уровень кооперации инвалидов. Министр социального обеспечения БССР Е.Т. Гуценкова указывала на необходимость и в дальнейшем развивать эти направления работы [8, л. 2]. Параллельно в работе министерства продолжались структурные изменения: 19 сентября 1946 г. произошло слияние Управления государственного обеспечения с Министерством социального обеспечения. В результате обслуживания инвалидов Великой Отечественной войны и семей погибших воинов передавалось в ведение министерства. Планировалось, что это повысит качество и эффективность предоставляемой им помощи [8, л. 32–33]. Сложнейшим направлением оставалась работа с обращениями, жалобами и заявлениями граждан. Она находилась на постоянном контроле у министра социального обеспечения БССР. В октябре 1946 г. Е.Т. Гуценкова отмечала, что, хотя министерство в целом и реагировало на жалобы и обращения, однако о благополучно организованной работе говорить было нельзя. Об этом свидетельствовало наличие 3 600 жалоб только по одному отделу пенсионирования. Взыскания по отношению к тем, кто затягивал разрешение жалоб, улучшений в работе не имели, поэтому особо «отличившихся», по мнению министра, было необходимо передавать судебным органам и публиковать в печати. Следует отметить, что проблемы с рассмотрением жалоб были связаны не только со случаями безответственности со стороны отдельных работников. До конца 1946 г. всё ещё не был установлен единый порядок учёта жалоб и обращений граждан, что сдерживало их быстрое рассмотрение и вызывало путаницу в ведомствах [8, л. 39].

К 1951 г. отмечалось повышение качества работы сотрудников аппарата Министерства социального обеспечения по обслуживанию инвалидов Великой Отечественной войны и семей погибших воинов. Намечалась тенденция к повышению трудовой и исполнительской дисциплины. Важную роль в этом сыграло повышение квалификации работников органов социального обеспечения: была организована сеть курсов при областных отделах социального обеспечения и в министерстве. Только в 1951 г. на них прошли обучение 155 человек. Проводилась сплошная аттестация всех работников органов социального обеспечения. Всё это положительно влияло на качество оказания услуг нуждающимся.

Начало 1950-х гг. характеризовалось противоречивыми тенденциями: с одной стороны, была проделана значительная работа по улучшению качества обслуживания отделом пенсионного обеспечения. В начале 1952 г. была проведена министерская проверка работы отделов социального обеспечения. Её итоги показали, что сотрудники отделов стали более оперативно реагировать на жалобы и заявления, чаще давали своевременные ответы на них. Вместе с тем, в работе отдела протезирования по-прежнему было много недоработок. Постепенно

решалась проблема нехватки сотрудников, но их качество всё ещё вызывало нарекания как со стороны тех, кто к ним обращался (что вызывало впоследствии жалобы и обращения), так и со стороны контролирующих органов, проводивших проверки. Их итоги указывали на необходимость уделять больше внимания вопросу повышения культуры в работе, изживать грубость, которая встречалась в работе отделов трудоустройства и пенсионного обеспечения. Проверяющие акцентировали внимание сотрудников указанных отделов на необходимость учитывать особенности обслуживаемого контингента и отмечали, что это требующие особого внимания больные, нервные люди, которым необходимо давать ясные и толковые ответы [9, л. 1–3].

Однако говорить о кардинальных изменениях было пока рано. Отдельные указы и постановления министерства на местах всё ещё игнорировались или недопустимо затягивались сроки их выполнения. Так, в течение 8 месяцев приказ о снятии с должности заведующего Минским районным отделом социального обеспечения так и не был выполнен, а проверка работы Барановичского и Брестского областных отделов социального обеспечения не была организована. Фиксировались случаи, когда поступающие жалобы рассматривались работниками на протяжении 3, 5 и даже 10 месяцев [9, л. 12–13]. В 1951 г. из 2091 поступившей жалобы и заявления на контроль было взято только 436, остальные были пересланы в подведомственные органы и другие министерства, где они часто не рассматривались или регистрировались с большим опозданием. В результате установить срок их исполнения было практически невозможно, а заявления и жалобы за 1952 г., которые фактически только находились в ожидании разрешения, по журналу учёта отмечались как разрешённые. Это создавало дополнительную путаницу и неразбериху. Кроме того, нарушался территориальный принцип обслуживания, в то время как при следовании ему многие жалобы должны были разрешаться на месте, что позволило бы сократить поступление новых обращений [9, л. 30–31].

Таким образом, проблема укомплектования качественными кадрами министерства социального обеспечения в первые послевоенные годы стала одной из причин, сдерживающих эффективное оказание помощи нуждающимся категориям населения. Для её решения организовывались курсы повышения квалификации и переподготовки, осуществлялся постоянный контроль со стороны партийных органов, вырабатывались более действенные методы работы. Принятые меры существенно улучшили ситуацию с кадровым составом и уровнем обслуживания, но не позволили решить проблемы в полном объёме.

Сложнейшей задачей послевоенного времени стала организация социального обеспечения инвалидов. Решить эту задачу в условиях ограниченности материальных ресурсов было непросто. Чтобы обеспечить достойный уровень их жизни, требовались значительные средства. В послевоенные годы важными направлениями реабилитации стало обучение профессиям и содействие в трудоустройстве утратившим здоровье фронтовикам [10, с. 251]. Кадровый голод первых послевоенных лет, возникший из-за понесённых на фронтах войны потерь, обусловил необходимость привлечь все трудовые резервы. Эта задача решалась, в том числе через привлечение к посильному труду инвалидов войны. Важное значение в этом деле имели декаданки и месячники, благодаря организации и проведению которых находились вакантные рабочие места для данной категории граждан. Нередко сотрудников той или иной организации заменяли инвалидами Великой Отечественной войны [11, л. 43]. Послевоенное трудовое законодательство, регулирующие вопросы трудоустройства, способствовало тому, что инвалиды войны были обеспечены рабочими местами в первоочередном порядке. Однако на практике не всегда всё складывалось так гладко. Довольно часто в случае сокращений или другой необходимости на предприятиях в первую очередь увольняли именно инвалидов. Нередко органы социального обеспечения ограничивали свою деятельность направлением инвалидов на работу, не интересуясь при этом производственными условиями, в которых им придется трудиться [12, с. 2]. В результате демобилизованные фронтовики, частично утратившие трудоспособность, были вынуждены оставлять предложенное им место работы. Факты негативного отношения к инвалидам со стороны отдельных руководителей организаций стали неприятным проявлением послевоенной действительности и нашли отражение в протоколах того времени в достаточно эмоциональных оборотах: «частые случаи безобразного отношения к инвалидам Великой Отечественной войны». Так, например, в Мозыре отдельные потерявшие здоровье фронтовики вынуждены были попрошайничать, а городской отдел социального обеспечения не оказывал им надлежащей помощи. Недостаточное внимание со стороны отдельных работников наркомата влекло за собой нецелевое использование отпускных средств на местах фондов для оказания помощи фронтовикам-инвалидам [5, л. 9]. Отдел трудоустройства и бытового обслуживания инвалидов Великой Отечественной войны не решал поставленные перед ним задачи в полной мере. По мнению контролирующих органов, его работа сводилась в большей степени к ответам на поступающие в министерство жалобы [8, л. 2–4]. Весной 1944 г. на заседании партийной организации социального обеспечения БССР один из её членов, Кляцко, отмечал: «Наш наркомат должен развернуть большую работу по восстановлению районных артелей кооперации инвалидов. На основе этого необходимо развернуть выработку товаров широкого потребления из местного сырья. Были случаи, когда ряд работников нашей системы несерьёзно относились к выполнению основной работы по восстановлению разрушенных артелей, а занимались своими личными делами. Со стороны отдела социального обеспечения ещё мало уделялось внимания вопросам трудоустройства и переквалификации инвалидов Великой Отечественной войны. Это нужно изжить!» [5, л. 5–6].

Работа врачебно-трудовых экспертных комиссий также нередко усложняла процесс трудоустройства. Наибольшее недовольство со стороны инвалидов вызывало то, что зачастую сотрудники ВТЭК во время освидетельствования не выдавали инвалидам II группы никаких трудовых письменных рекомендаций, а трудоустроиться без них было невозможно. Нехватка квалифицированных специалистов приводила к неправильному установлению группы инвалидности. В ходе проверок на эту проблему неоднократно обращали внимание, указывая

на важность понимания того, что инвалид II группы – это нетрудоспособный человек, которого можно только приспособить к труду. Жалоб о присвоении I группы практически не было, в то время как присвоение III группы вместо II группы часто вызывало справедливое недовольство со стороны инвалидов [9, л. 79–83].

С преодолением послевоенных трудностей, связанных с восстановлением экономики, постепенно вопросы трудоустройства и трудовой подготовки инвалидов стали решаться. По итогам проверки комитетов отдела трудоустройства и бытового обслуживания Министерства социального обеспечения 8 марта 1952 г. было установлено, что план обучения инвалидов Великой Отечественной войны новым профессиям и квалификациям был выполнен на 140,9%, было обучено 1029 человек, в том числе профессиям сельскохозяйственного профиля – 264 человека. Таким образом, план повышения квалификации инвалидов по месту работы был выполнен на 123,3% (924 человека). Перевод неработающих нетрудоспособных и низкоквалифицированных граждан на более высокооплачиваемые работы – на 118,7%, (890 человек). Однако в целом по республике Бобруйский, Пинский, Гродненский и Витебский областные советы так и не выполнили планы обучения инвалидов Великой Отечественной войны и не использовали отпущенные средства на трудовое обучение. План по переводу на более высококвалифицированную работу также не был реализован в полном объёме [9, л. 29]. К середине 50-х гг. в этой области были достигнуты положительные изменения. Об этом свидетельствуют цифры отчёта о работе управления социального обеспечения БССР за 1954 г. По состоянию на 1 января 1954 года из 68 355 инвалидов Великой Отечественной войны в различных организациях и народном хозяйстве было занято 60 425 человек, или 88,4%. В том числе инвалиды III группы – 96,8%. На их обучение и переподготовку по новым квалификациям и специальностям было потрачено 450 000 рублей. [13, л. 53–54].

Благодаря обучению и переобучению значительное число инвалидов получило возможность трудоустроиться на более квалифицированные должности и улучшить своё материальное положение. Однако окончательно проблема их трудоустройства так и не была решена. Некоторые руководители предприятий по-прежнему не хотели принимать их на работу. В результате только в январе 1956 г. 637 инвалидов, изъявивших желание работать, так и не были трудоустроены [13, л. 67]. Таким образом, постоянное внимание советских и партийных органов к трудоустройству инвалидов позволило более эффективно вовлекать последних в трудовую деятельность и способствовало их социальной адаптации. По сравнению с первыми послевоенными годами проблема не ощущалась уже столь остро, хотя и не утратила своей актуальности.

Важнейшим направлением работы органов социального обеспечения была организация протезирования. С окончанием боевых действий число инвалидов становилось несоизмеримо высоким по сравнению с довоенным. Вместе с тем, необходимого количества протезных мастерских, способных в полной мере удовлетворить спрос на протезную продукцию, организовано ещё не было. Сказывались острая нехватка специалистов в этой области и трудности организационно-материального плана. В этих условиях требовалось не только увеличить количество выпускаемых протезов, но и улучшить их качество, поскольку продукция, производимая действующими предприятиями, вызывала много нареканий со стороны инвалидов. Этот вопрос находился на постоянном контроле государственных и партийных органов. Министр социального обеспечения Е.Т. Гуценкова отмечала, что перед министерством поставлена задача организовать работу по выпуску протезов и обеспечить ими всех нуждающихся инвалидов Великой Отечественной войны. Однако для этого необходимо было не только расширить производственные мощности промышленности, но и наладить работу протезного и планового отделов. Их взаимодействие не отличалось слаженностью и вызывало много нареканий: фонды, выделяемые на строительство и организацию протезирования в полном объёме, не осваивались. К примеру, спустя квартал после выделения средств даже не был получен цемент, гвозди кирпич и другие строительные материалы. Всё это, по мнению Е.Т. Гуценковой, было следствием слабой дисциплины в ведомстве [8, л. 2–4]. Подтверждением указанных недостатков стали результаты работы инспекции отделов Министерства социального обеспечения в 1946 г. По итогам проведённой проверки был выявлен ряд недостатков в работе протезного и других отделов.

Обнаружилась серьёзная проблема организационного плана: по штату в отделе протезирования числились инженер, врач и снабженец, а в действительности там и вовсе работали только два человека. Очевидно, что такой малочисленный состав сотрудников не мог на должном уровне обеспечивать эффективную работу и решение проблем по сложнейшему направлению. Прием посетителей во время обеденного перерыва был организован плохо. Когда инвалид получал разрешение на оказание материальной помощи, он не всегда мог получить эти деньги, поскольку кассир уходил и не оставлял вместо себя никого. В результате инвалидам приходилось просиживать часами в ожидании возле кассы.

Начальники отдела мало времени уделяли инспектированию подведомственных учреждений и в результате слабо понимали проблемы бытового обслуживания инвалидов Великой Отечественной войны. На заседаниях отделов практически не анализировали то, что сделано, а в большей степени занимались планированием. Отмечалось, что в центральном аппарате работники министерства были плохо дисциплинированы и зачастую им не хватало элементарной вежливости в работе с посетителями. При приёме инвалидов отдельные сотрудники допускали фразы о том, что часы приёма окончены, и они не будут больше разговаривать. Ответы на жалобы и обращения инвалидов предоставлялись с опозданием [8, л. 9–10]. К примеру, заявление инвалида Лычко на изготовление протеза не выполнялось 6 месяцев, однако, когда приехал бухгалтер протезной мастерской, ей без всякого наряда изготовили протез в течение 3 недель и лучшего качества.

Несмотря на все трудности и противоречия, принятые меры позволили увеличить количество изготавливаемых протезов. К 1 января 1954 г. в БССР действовало 6 протезных предприятий, которые уже полностью обеспечивали потребности инвалидов во всех видах протезов. В 1954 г. их было выпущено 7416 штук. Инвалидам войны было передано 7663 пары протезно-ортопедической обуви [13, л. 56.]. Однако даже через несколько лет после создания в БССР протезных мастерских проблема нехватки специалистов в этой отрасли решена не была. Инвалиды Великой Отечественной войны в анонимных письмах обращались в многочисленные инстанции с жалобами на качество протезных изделий. По их словам, протезы делали неудобными, они рвали одежду, натирали тело до кровавых мозолей. Примерка была некачественной и без должного внимания со стороны сотрудников цеха, что создавало дополнительные трудности при использовании протезов [13, л. 405, 407]. 27 августа 1956 г. на закрытом собрании партийной организации Министерства социального обеспечения отмечалось, что протезные предприятия республики выполнили план по выпускаемой продукции за первое полугодие. Однако устранить такие недостатки в работе, как нарушение сроков изготовления протезов и ортопедических изделий, некачественное изготовление изделий и частый брак, слабый контроль за разрешением жалоб и заявлений инвалидов, так и не смогли. О том, что в сравнении с предыдущим годом ситуация стала хуже, свидетельствовало и количество жалоб, поступивших в министерство. Если в январе 1955 г. их насчитывалось 862, то в январе 1956 г. уже 1019 [14, л. 18–20]. Тем не менее, несмотря на все противоречия в деле протезирования, были приняты серьёзные меры, направленные на восстановление и строительство протезных предприятий республики, что позволило заложить основу для дальнейшего развития системы протезирования.

По мере восстановления экономики в БССР расширялись возможности по предоставлению инвалидам Великой Отечественной войны санаторно-курортного лечения. В 1946 г. органами социального обеспечения были направлены в санатории, на курорты и дома отдыха 2380 человек. По линии Министерства здравоохранения БССР – 1054 инвалида Великой Отечественной войны. Через госпитали, открытые специально для долечивания фронтовиков, в 1946 г. прошли оздоровление 8808 инвалидов, ещё 1487 находились на лечении [15, л.10]. Принимались меры по расширению оказания услуг. К примеру, наркоматы и ведомства, которые имели на своём балансе санаторно-курортные учреждения, к 1947 г. обязаны были выделить 15% всех платных путевок инвалидам Великой Отечественной войны. На предприятиях и в учреждениях инвалиды-фронтовики получали санаторно-курортные путёвки через профсоюзы, а неработающие по состоянию здоровья инвалиды получали путёвки через наркомсобес и его местные органы. Те, кто находился в лечебных учреждениях, получали путёвки через наркомздрав и его местные органы.

Поскольку в первые послевоенные годы возможности предоставления путёвок в санаторно-курортные учреждения были ограничены, за их целевым использованием стремились наладить строгий учёт и контроль. На всех санаторных путёвках, которые были предназначены для инвалидов Великой Отечественной войны, должны были ставить печать: «Действительно только для инвалидов Отечественной войны». Принимать в санаторий других лиц по таким путёвкам было запрещено. Наркоматы и ведомства, имеющие в своём ведении санатории, обязаны были предоставить не менее 25% мест в этих санаториях инвалидам-фронтовикам, работавшим в их системе. Путёвки в санатории от органов социального обеспечения предоставлялись инвалидам войны бесплатно. Для этого в бюджетах союзных республик были предусмотрены специальные средства [16, л. 18].

В марте 1949 г. в соответствии с приказом Министерства социального обеспечения БССР была проведена проверка работы ряда областных, районных и городских собесов. Её итоги показали серьёзные недостатки в учёте, хранении и использовании санаторно-курортных путёвок. Были случаи, когда путёвки, полученные от министерства в отделах, не использовались или выдавались райгорсобесам без накладных и списков получателей. Таким образом, в облсобесах не оставалось никаких сведений о том, кому эти путёвки были выданы. Некоторые облсобесы не запрашивали от райгорсобесов отчётов в использовании полученных путёвок и не располагали сведениями о том, кто из инвалидов был направлен на лечение, как эти путёвки были использованы.

Отсутствие учёта и контроля привело к тому, что по ряду областей путёвки выдавались с нарушением постановлений правительства и указаний министерства. В отдельных областях в течение всего 1947 г. остались неиспользованными от 20 до 30 путёвок, и был нанесён существенный ущерб государству. Однако виновные в этом лица к ответственности привлечены не были, более того – даже не компенсировали их стоимость. По итогам проверки было принято решение виновных в нецелевом использовании лиц привлекать к ответственности с взысканием через суд нанесённого ими ущерба в полной сумме стоимости путёвок и усилить в дальнейшем контроль за их выдачей [17, л. 20–21]. Однако на практике это не всегда выполнялось и зачастую приводило к обоснованным жалобам со стороны инвалидов. К примеру, инвалид труда II группы М.Г. Короткевич из г. Быхова в 1951 г. пять раз обращался с просьбой о санаторно-курортном лечении в отдел, однако вопрос так и не был решён. Заявление Н.В. Миловой о путёвке на санаторно-курортное лечение только через 8 дней перенаправили в областной отдел социального обеспечения, а заявление А.И. Сапего из Витебска было вовсе утеряно [9, л. 30–31]. В целом, состояние санаторно-курортного лечения не было лишено недостатков, но оставалось важнейшим направлением в организации социального обеспечения и реабилитации утративших здоровье и трудоспособность фронтовиков.

Заключение. Формирование системы социального обеспечения БССР прошло долгий путь преобразований. История развития данной системы показывает, каким направлениям в процессе её трансформации уделялось

большее внимание, что вызывало трудности, какие меры принимались для их решения. В первые послевоенные годы основное содержание государственной социальной политики было направлено на выработку новых подходов и принципов в работе системы соцобеспечения и изменение структуры её органов управления. Существенным сдерживающим фактором на этом этапе была кадровая проблема, которая решалась посредством организации курсов повышения квалификации и переподготовки работников, совершенствования методов и форм работы. Преобразования в социальной сфере были обусловлены и масштабным расширением численности нуждающихся в государственной поддержке инвалидов Великой Отечественной войны, а также появлением новой категории – семьи погибших воинов и партизан. Предоставление им государственной социальной помощи виделось одной из приоритетных задач и нашло своё выражение в государственной помощи в обучении и трудоустройстве, обеспечении протезами, санаторно-курортном лечении. Таким образом, постепенно сложилась важнейшая основа для дальнейшего развития социального обеспечения с учётом особенностей. Накопленный опыт в дальнейшем позволил более эффективно реализовывать меры по социальному обеспечению населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Опиок Т.В. Восстановление социальной сферы в освобождённых осенью 1943 – весной 1944 г. Районах БССР // Труды БГТУ. Сер. 6. – 2020. – № 2. – С. 68–74.
2. Стрельченко Е.Л. Система социального обеспечения в БССР (1943–1946) // Веснік БДУ. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2011. – № 1. – С. 16–20.
3. НАРБ – Ф. 7. Оп. 3. Д. 695.
4. НАРБ – Ф. 102. Оп. 4. Д. 2.
5. НАРБ – Ф. 102. Оп. 8. Д. 1.
6. НАРБ – Ф. 102. Оп.4. Д. 3.
7. НАРБ – Ф. 102. Оп.4. Д. 4.
8. НАРБ – Ф. 102. Оп.8. Д. 5.
9. НАРБ – Ф. 102. Оп.8. Д. 17.
10. Хомякова Н.В. Проблема реабилитации инвалидов Великой Отечественной войны на Урале в послевоенные годы. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-reabilitatsiya-invalidov-velikoy-otechestvennoy-voyny-na-urale-v-poslevoennye-gody>. (дата обращения: 11.09.2023).
11. ГАВО. – Ф. 1п. Оп. 1. Д. 20.
12. Сухов А. Трудоустройство инвалидов Отечественной войны // Изв. Советов депутатов трудящихся СССР. – 1943. – 14 авг. – С. 2.
13. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 4. Д. 3067.
14. НАРБ. – Ф.102. Оп.8. Д. 26.
15. ГАВО. – Ф. 1738. Оп.2. Д. 40.
16. НАРБ – Ф. 102. Оп. 4. Д. 1.
17. ГАВО. – Ф. 1738. Оп. 2. Д. 38.

Поступила 06.10.2023

CURRENT DIRECTIONS OF WORK OF SOCIAL SECURITY BODIES OF THE BSSR IN THE FIRST POST-WAR YEARS

I. MARTSYNKEVICH

(Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University)

The article examines certain areas of work of the social security bodies of the BSSR, developed to provide assistance to the families of front-line soldiers and partisans, employment and vocational training for disabled people of the Great Patriotic War, their prosthetics and sanatorium-resort treatment. The main problems and difficulties faced by the social security system in the process of personnel formation are shown, and the measures that were taken to solve them are identified.

Keywords: *social security, families of fallen soldiers, consumer services, staffing, disabled people, vocational training, employment, prosthetics, sanatorium and resort treatment.*

УДК 94(47)+303.446.4

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-72-80

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННО-МЕМОРИАЛЬНОЙ СФЕРЫ БЕЛАРУСИ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

канд. ист. наук, доц. А.И. КОРСАК

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье проанализированы основные тенденции белорусской и зарубежной историографии в исследовании вопросов исторической политики, политики памяти, военно-мемориальной сферы в целом и захоронений периода Великой Отечественной войны на территории Беларуси в частности с точки зрения междисциплинарного подхода. В основу исследования положен проблемно-тематический принцип, что позволяет автору рассматривать процесс развития исторических знаний в их концептуальном единстве.

Ключевые слова: *военно-мемориальная сфера, политика памяти, воинские захоронения, Великая Отечественная война, проблемно-тематический принцип.*

Введение. Изучение исторического опыта представляет собой одно из актуальных исследовательских направлений в современном социально-гуманитарном знании. Военно-мемориальная проблематика в целом, воинские захоронения, места массовых уничтожений/захоронений советских военнопленных и мирных граждан в частности в качестве объекта исследования не выделялись в отдельно взятое направление отечественной историографии как советского, так и современного периодов. Данная область исследования входит в предметное поле политологии, социологии, культурологии, юриспруденции, всесторонне изучить которое позволяет использование междисциплинарного подхода.

Первостепенно в рассмотрении заявленной темы мы будем руководствоваться не хронологическим, а проблемно-тематическим принципом: рассматривать процесс развития исторических знаний о поставленной автором проблеме в их концептуальном единстве.

Основная часть. Без понимания общих аспектов исторической политики, исторической памяти, мемориальной культуры невозможно рассмотрение военно-мемориальной проблематики в направлении воинских захоронений периода Великой Отечественной войны. Обозначенные аспекты, безусловно, затрагивались в работах белорусских исследователей: И. Валахановича, В. Даниловича, А. Ковалени, Г. Краско, И. Марзалюка, А. Мушты, Н. Мысливца. Из числа зарубежных учёных следует выделить немецкого историка А. Ассман.

В работах историка и практикующего эксперта И. Валахановича [1] основное внимание уделено **государственной исторической политике**, анализируется нарратив выступлений Президента Республики Беларусь [2], а также перечень государственных праздников и памятных дат как важнейший инструмент сохранения и обеспечения преемственности исторической памяти [3]. Исследователем отмечено немаловажное наблюдение, что «отношение белорусов к событиям Великой Отечественной войны уважительное <...>. У наших граждан <...> сохраняется стойкий иммунитет к попыткам подмены объективных исторических фактов конъюнктурным и субъективным трактовкам событий прошлого, центральное место в котором занимает Великая Отечественная война» [4]. По высказанному ещё в 2021 г. мнению историка, основным источником появления новых трендов в исторической политике в целом останется тема Великой Отечественной и Второй мировой войн [5]. Как показал дальнейший ход истории, – эта мысль имеет своё подтверждение.

В коллективной статье ведущих историков А. Ковалени, В. Даниловича и практикующих экспертов В. Арчакова, А. Баньковского «К вопросу об исторической политике» читается главный посыл о том, что предназначение государственной исторической политики заключается в воспрепятствовании попыткам искажения и интерпретации исторических фактов и событий и в формировании оптимальных подходов к историческому прошлому, обеспечивающих позитивное восприятие обществом [6]. Обозначенное утверждение находит более детальное продолжение в некоторых публикациях В. Даниловича [7]. Данный контекст поддерживается в последних исследованиях В. Даниловича и А. Мушты, в основе которых в качестве инструмента научного познания, с точки зрения вопросов исторической политики, лежит Основной закон страны – Конституция Республики Беларусь [8], а также проект новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [9].

Вопросы о роли политики памяти и исторической политики в укреплении национальной безопасности белорусского государства являются основополагающими и в публикациях И. Марзалюка, где автором осуществлен сравнительный анализ «основных историко-культурных парадигм сопредельных стран, подвергающих сомнению белорусскую государственность» [10; 11].

Монографическое исследование Г. Краско и О. Богомаз, осуществлённое **на стыке исторической и психологической наук**, раскрывает основные аспекты исторической памяти, а также концептуальные подходы в её формировании и совершенствовании исторической политики. В контексте нашего исследования важное значение имеет сохранение «мест памяти» о Великой Отечественной войне, что, по мнению авторов, «соответствует запросам белорусского общества и государства» [12]. Это же суждение прочитывается и в коллективной монографии сотрудников БИСИ (Белорусский институт стратегических исследований): «Белорусское общество занимает

взвешенную и разумную позицию в отношении сохранения памятников прошлого, в целом одобряя реализацию государственной мемориальной политики и осознавая историческую и культурную ценность объектов, сооруженных в память о Великой Отечественной войне» [13, с. 80].

Социологическое измерение исторической памяти и исторического сознания показывает, что эти феномены не являются статичными, – скорее динамичными и изменчивыми. Данный тезис подтверждают работы белорусского социолога Н. Мысливца [14–20]. Формирование образов прошлого, по его мнению, является одним из базовых механизмов в процессе формирования исторической памяти, к которым можно отнести образы исторических событий и персонажей, ярких общественных и политических деятелей, военачальников, а также хранящиеся в семейной памяти образы повседневности, обычаев и традиций и т.д. С точки зрения Н. Мысливца, принципиальная значимость проблемы исторической памяти в условиях продолжающегося переосмысления прошлого, информационных войн и политической нестабильности в мире не вызывает сомнения: общее наследие, общая историческая память выступают в качестве ключевого элемента формирования национальной идентичности и национального единения. По этой же причине историческая память является одним из центральных объектов манипулирования для различных политических сил, заинтересованных в формировании и сохранении определенных образов прошлого в угоду собственным интересам. Разрушить сакральный образ прошлого, лишить молодежь понимания необходимости изучать историю, перекодировать систему традиционных семейных и религиозных ценностей, чтобы создать в итоге легко управляемое марионеточное общество, – таковы цели, которыми руководствуются современные манипуляторы исторической памятью. При этом существует четкое понимание: сложно манипулировать человеком, который знает прошлое и с уважением относится к опыту предыдущих поколений [21, с. 61]. Сложно с этим не согласиться в контексте научной проблемы, разрабатываемой автором исследования. Воинские захоронения и места массовых уничтожений населения как раз и являются символами героизма советского и трагедии белорусского народа, которые не подлежат забвению.

Из числа зарубежных работ следует выделить исследование немецкого историка А. Ассман, которая раскрывает вопросы, связанные с исследованием мемориальной культуры и культурной памяти. С её точки зрения, «сохранение памяти является необходимой работой, даже обязанностью, а потому считаем память важным социальным и культурным ресурсом», «мемориальная культура является несущей опорой гражданского общества» [22, с. 193].

Таким образом, военно-мемориальная проблематика в белорусской историографии не изучалась как отдельно взятое направление символической, исторической политики и политики памяти, но события Великой Отечественной и Второй мировой войн выступают основополагающим трендом аналитических междисциплинарных исследований. Понимание основных посылов государственной исторической политики в контексте информационной и национальной безопасности Республики Беларусь даёт возможность определить место сформулированной нами темы исследования.

Далее обратим внимание на раскрытие проблемы воинских захоронений с точки зрения правовой оценки историко-культурного наследия и законодательства Республики Беларусь в сфере увековечения памяти погибших при защите Отечества.

Правовые аспекты охраны военно-исторического наследия рассматриваются в монографических исследованиях и научных статьях доктора юридических наук, советника юстиции И. Мартыненко [23–31]. В частности, раскрываются правовые формы увековечения памяти погибших защитников Отечества и жертв войн, правовой порядок, регламентирующий проведение раскопок на местах боев, выявленных первичных мест захоронения. Автор публикаций считает, что все воинские захоронения должны быть включены в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь [32, с. 209]. Ради справедливости отметим, что данное предложение было высказано около двадцати лет назад. С того времени нормативно-правовая база в отношении воинских захоронений и мест массовых захоронений жертв Великой Отечественной войны претерпела значительные изменения, в числе прочего, была принята новая классификация захоронений. В работах последних лет И. Мартыненко много внимания уделяет вопросу привлечения к уголовной ответственности за невозвращение временно вывезенных историко-культурных ценностей с территории Беларуси [39], а также формирует предложения по совершенствованию белорусского законодательства и уточнению научных представлений о правовой защите историко-культурного наследия с учетом национальных интересов Республики Беларусь [34].

В этом же русле, но уже в публикациях начала 2020-х гг. воинские захоронения, с точки зрения историко-культурных ценностей, рассматриваются Д. Юрчаком [35–37], который непосредственно (в силу специфики своей профессиональной деятельности) связан с практической реализацией белорусского законодательства в данной области. Автором поднимается важная проблема двойного учета захоронений периода Великой Отечественной войны, которая заключается в том, что часть захоронений имеют статус историко-культурных ценностей и в соответствии с законодательством Республики Беларусь подлежат учёту по линии Министерства культуры. При этом большинство из них, по мнению автора публикаций, не соответствуют критериям, предъявляемым к историко-культурным ценностям. Д. Юрчак считает, что в условиях постоянного внимания к воинским захоронениям со стороны местных органов власти, Министерства обороны, общественности, а также административной и уголовной ответственности за противоправные действия в отношении данных объектов, нет необходимости в их двойном учёте, тем самым оспаривая высказанный ранее тезис И. Мартыненко.

Следуя проблемно-тематическому принципу анализа историографической базы, обратимся непосредственно к тем исследованиям, содержание которых раскрывает основные **направления увековечения памяти** о Великой Отечественной войне. В русле выше сказанного наиболее известной является монографическая работа Т. Савчук 2010-х гг. [38]. В последние несколько лет в своих публикациях автор уделяет внимание теме исторической памяти и политике мемориализации событий 1941–1945 гг. [39–40].

В соавторстве с российскими коллегами отечественными историками В. Здановичем и Т. Савчук был реализован проект «Память о Великой Отечественной войне: направления, тенденции, практики мемориализации в Беларуси и России». Авторский коллектив полагает, что в белорусском и российском обществах на данном этапе осуществляется смена поколений, что влечет за собой отчуждение коллективной памяти от событий Великой Отечественной войны и, соответственно, становится актуальным поиск новых форм увековечения памяти о ней [41–43]. Итогом данного проекта стало монографическое исследование с тождественным названием, в котором предпринят комплексный сравнительный анализ основных направлений государственной политики по сохранению исторической памяти о событиях 1941–1945 гг., а также коммеморативных практик России и Беларуси [44]. Структурно монография состоит из двух разделов: первый раскрывает основные направления государственной политики по сохранению памяти о Великой Отечественной войне, второй посвящен практикам, используемым в Республике Беларусь и Российской Федерации.

Непосредственно исследованию проблемы воинских захоронений и мест массовых уничтожений много лет посвятил полковник В. Шумский, возглавлявший в свое время Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил Республики Беларусь. В своих публикациях автор не только классифицировал захоронения, но и обращал внимание на соотношение потерь среди воинов Красной Армии, участников Сопротивления и жертв нацистской политики геноцида среди мирного населения с количественными показателями захороненных и увековеченных имен в воинских захоронениях, расположенных на территории Беларуси и подлежащих должному уходу со стороны государственных властей и общественности [45; 46]. Благодаря его инициативе были изданы каталоги воинских захоронений по областям [47–52].

Немаловажное значение имеет изучение воинских захоронений солдат Красной Армии, погибших и захороненных на территории западноевропейских государств. Этому вопросу посвятил много времени профессор А. Шарков. В соавторстве с Е. Хорошевич им издано несколько монографических исследований с перечнем захоронений периода Великой Отечественной войны [53–55]. Следует отметить, что А. Шарков один из первых обратил внимание на проблему увековечения памяти погибших при защите Отечества, исследуя законодательную базу и состояние захоронений как на территории Европы, так и в Беларуси. Круг исследований автора охватывал не только наиболее трагический период в истории Беларуси – Великую Отечественную войну, но и события Первой мировой [56] и Польско-советской войны 1919–1920 гг. [57].

Не менее важной является монография В. Шомоди [58], занимавшего, в свое время, пост председателя Комиссии по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войны Республиканской организации ветеранов, изданная еще в советское время и переиздававшаяся несколько раз [59; 60]. Работа не утратила своей актуальности и сегодня, особенно в части, касаемой воинских захоронений советских партизан, погибших на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

В оборонительных боях 1941 г., в партизанском движении, а также в процессе освобождения Беларуси в 1943–1944 гг. принимали участие представители всех национальностей и народностей Советского Союза. Исследование воинских захоронений в разрезе национального состава представляет отдельный интерес: в последнее время значительное внимание данному вопросу уделено со стороны белорусских учёных и общественности Азербайджана [61], Армении [62; 63; 64], Казахстана [65], Узбекистана [66].

Процесс мемориализации воинских захоронений и мест массовых уничтожений/захоронений невозможен без понимания **масштаба потерь** среди воинов Красной Армии, участников Сопротивления и мирного населения, уничтоженного на территории Беларуси в 1941–1944 гг. в ходе проводимой нацистами политики геноцида.

Безусловно, в своём большинстве обобщенные данные представлены в академических исследованиях Института истории Национальной академии наук Беларуси [67; 68; 69], а также в энциклопедических изданиях соответствующих направлений [70; 71; 72]. Авторским коллективом Генерального штаба и Управления Министерства обороны Российской Федерации по увековечению памяти погибших при защите Отечества на основе ранее недоступных архивных документов в 2021 г. была опубликована книга людских потерь и военной техники по периодам, кампаниям войны, фронтам и флотам и т.д. Важным представляется указываемое количество воинских захоронений, расположенных на территории России и за рубежом, внимание к военно-мемориальному сотрудничеству [73]. Данное исследование стало логичным продолжением первых изданий, раскрывающих данную проблему [74; 75].

Что касается непосредственно Беларуси, то в 2001 г. в результате деятельности рабочей группы, сформированной при управлении Министерства обороны Республики Беларусь, были представлены официальные цифры потерь как среди гражданского населения, так и советских военнопленных, участников Сопротивления из числа партизан и подпольщиков, основанные на архивных данных. В итоге безвозвратные демографические потери на территории Беларуси в период нацистской оккупации 1941–1944 гг., согласно мнению членов рабочей группы, «составляют 2 596 676 человек, в том числе и погибшие военнослужащие в боях – 332 569 человек, в лагерях военнопленных – 810 091, партизан и подпольщиков – 44 791, мирного населения 1 409 225 человек» [76, с. 67].

Данные по потерям показаны в отдельных публикациях академика А. Ковалени [77] и руководителя Центра военной истории Института истории Национальной академии наук Беларуси А. Литвина [78–82], а также в работах Э. Иоффе [83; 84], С. Новикова [85 – 91] и др. В научной статье профессора А. Литвина «О людских потерях Беларуси в годы Великой Отечественной войны» несколько иначе проанализированы цифры. С его точки зрения, «общая цифра потерь с лета 1941 г. по декабрь 1945 г. составит 1 млн 880 тыс. человек», но с «учетом поправок можно допустить, что численность населения Беларуси, погибшего на её территории, на фронтах, на принудительных работах в Германии, а также умершего естественной смертью на земле БССР и в советском тылу» составит цифру в диапазоне 2 300 000 – 2 450 000 человек [78, с. 14].

Цифра в более чем 810 000 погибших **советских военнопленных** в армейских сборных пунктах, пересыльных и стационарных лагерях и лагерях для офицерского состава из общего количества в 1,2 млн. человек, попавших в плен на белорусской территории, имеет место быть в монографии С. Новикова [92, с. 101]. В научных статьях автором приводятся немецкие штабные статистические данные тыла группы армий «Центр», следуя которым «до конца августа 1941 г. были взяты в плен 784 тысячи красноармейцев: в ходе боевых действий (до 9 июля) под Белостоком и Минском – 323 тыс., в ходе битвы (в конце июля) под Могилевом – более 35 тыс., во время битвы (середина августа) под Гомелем и Кричевом – 78 тыс. человек» [93, с. 126]. В итоге до конца лета 1941 г. на территории Беларуси в плену оказалось 436 000 воинов Красной Армии [93, с. 127].

Потери **белорусских партизан** в годы Великой Отечественной войны были опубликованы в обобщающих работах советского периода, где указана цифра в 44 791 человек [94]. В научных публикациях А. Ковалени данное количество представлено не только в разрезе социальной принадлежности (рабочие, колхозники, учителя, партийные, советские и хозяйственные работники и т.д.), но и в количественных показателях по погибшим и умершим от ран (25 681 человек), пропавшим без вести (11 697 человек), попавшим в плен (1 030 человек), выбывшим по иным причинам (6 383 человека) [95, с. 82]. Безусловно, представленные данные необходимы и важны для осуществления процесса увековечения памяти участников Сопrotивления из числа личного состава партизанских формирований.

Профессор Э. Иоффе в своих публикациях много внимания уделял демографическим потерям, связанным не только с жертвами геноцида еврейского населения территории Беларуси, но и с потерями Красной Армии, советских военнопленных, партизан, подпольщиков [83]. Необходимо отметить, что приведённые данные взяты автором из ранее опубликованных работ других исследователей данной проблемы. При этом впервые Э. Иоффе представлены данные по потерям среди представителей **подпольного сопротивления**: «По моим (Э. Иоффе – А.К.) подсчетам было расстреляно и замучено в застенках гестапо более 37,5 тысяч подпольщиков, или 53,6% их общего количества» [84, с. 164]. К сожалению, автором не указан источник, на основе которого им сделаны выше указанные подсчёты.

Наука не стоит на месте. Раскрываются многие неизвестные факты, которые конкретизируют и дополняют ранее введенную в научный оборот и уже устоявшуюся в историческом сообществе информацию.

В связи с расследованием уголовного дела по факту геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, Генеральной прокуратурой Республики Беларусь на основе архивных материалов и свидетельских показаний очевидцев событий опубликовано три издания цикла «Геноцид белорусского народа», раскрывающие преступные действия нацистских оккупационных властей на территории Беларуси в отношении гражданского населения и советских военнопленных [96; 97; 98]. В аналитическом издании указано, что за годы нацистской оккупации на территории Беларуси истреблено более 3 000 000 мирных граждан и военнопленных [96, с. 3].

Термин «геноцид» в применении к белорусскому народу, системно и планомерно уничтожаемому в ходе осуществления нацистской карательной политики в 1941–1944 гг., абсолютно правомерно использовался в советской [99] и применяется в современной отечественной [100] историографии. Исходя из анализа многочисленных архивных материалов и опубликованных научных исследований неоспоримым является тезис о том, что геноцид белорусского народа, под которым понимается всё население Беларуси, проживающее на её территории в период нацистской оккупации, был спланированным, целенаправленным и осознанно совершенным преступлением, основой которого стала общегосударственная расовая политика нацистской Германии.

В контексте исследования обратим внимание и на раскрытие вопросов, связанных с судьбой **национальных сообществ**, проживавших в годы нацистской оккупации на территории Беларуси и ставших жертвами политики геноцида мирного населения. Обобщающей работой в данном направлении стала монография Д. Кривошея, в которой автор показывает историю евреев, поляков, украинцев, русских, цыган, татар, литовцев, латышей и «фольксдойче» в период германской оккупации 1941–1944 гг. Беларуси [101]. Понятно, что Д. Кривошей в своём исследовании не ставил целью выяснить потери среди проживавших на территории Беларуси национальных меньшинств за период 1941–1944 гг., тем не менее, данная проблема раскрыта в отношении евреев и цыган, а также, помимо прочего, представлены некоторые факты расстрелов поляков.

Исследование истории геноцида **еврейского населения** в годы нацистской оккупации территории Беларуси входит в проблемное поле отечественных и зарубежных историков – Э. Иоффе [83; 84], М. Ботвинника [102], Е. Розенבלата [103; 104; 105] и И. Еленской [106], Л. Смиловицкого [107; 108], Г. Винницы [109]. В контексте тематики исследования обращено внимание, в первую очередь, на те работы, которые раскрывают факты уничтожения и расположения первичных мест захоронения еврейского населения в годы Великой Отечественной войны, а также мемориализации мест памяти Холокоста.

Проблема геноцида **цыганского населения**, проживавшего на территории Беларуси в период германской оккупации 1941–1944 гг., не попадала в фокус внимания отечественных исследователей как отдельно взятая категория жертв расовой политики нацистов. Зарубежная историография представлена, в основном, работами российских и немецких авторов. Так, двухтомное монографическое исследование российского автора Н. Бессонова [110] раскрывает основные моменты трагедии цыганского народа в годы Второй мировой войны. Ценность издания состоит в базировании на документах зарубежных и российских архивов, а также на воспоминаниях свидетелей событий, происходящих на интересующей нас в том числе территории Беларуси. В последнем случае автор оговаривается, что устная история представлена только теми людьми, которые были свидетелями событий, но выехали за пределы Беларуси.

Непосредственно истории белорусских цыган в период 1941–1944 гг. посвящено несколько статей немецкого историка А. Фридмана [111; 112]. Его работа основана на монографических исследованиях ведущих историков немецкой историографии, таких как К. Герлах [113], М. Циммерманн [114; 115], с привлечением архивного материала. Нельзя обойти вниманием издание «Загадка балтийских цыган...» (Минск, 2005) под авторством В. Калинина [116], в котором более двадцати страниц посвящено цыганам Беларуси (в соавторстве с известным витебским краеведом А. Подлипским). Авторами зафиксированы многочисленные факты уничтожения нацистами цыганского населения на территории Беларуси. В то же время, к примеру Н. Бессонов, с осторожностью подходит к цифрам В. Калинина, приводимых, в большинстве своём, без сносок [116, с. 120].

Исходя из сказанного, следует согласиться с мнением профессора В. Здановича [117] о том, что учёные, занимающиеся исследованием проблемы общих потерь, используют разные методики подсчётов, отсюда и разброс в данных. Принципиально важным в определении потерь является понимание использования территориально-географического принципа (погибшие на территории Беларуси), или принципа национальной принадлежности (уроженцы Беларуси). Что касается увековечения памяти воинов Красной Армии, военнопленных и участников Сопротивления и сохранения памяти жертв политики геноцида из числа мирного населения и захороненных в 1941–1944 гг., то в данном контексте определяющим является территориально-географический принцип, т.е. на территории Беларуси, вне зависимости от национальной принадлежности и места рождения.

Заключение. Таким образом, историографический обзор монографических исследований и научных публикаций, структурированный по проблемно-тематическому принципу, даёт понимание важности и актуальности выбранной темы, а также необходимости её изучения. Военно-мемориальная сфера в целом и мемориализация воинских захоронений и мест уничтожений мирного населения нацистскими оккупантами в период 1941–1944 гг. на территории Беларуси в частности не стали отдельно взятым направлением в отечественной исторической науке. Существует ряд работ, которые лишь частично раскрывают некоторые аспекты данного вопроса. Несмотря на оперделенное внимание к военно-мемориальной сфере на внутреннем контуре, международное сотрудничество в данном направлении остаётся практически вне интересов отечественных учёных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валаханович И.А. Год исторической памяти в контексте трендов исторической политики 2021 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/god-istoricheskoy-pamyati-v-kontekste-trendov-istoricheskoy-politiki-2021-goda>. (дата обращения: 04.01.2024).
2. Валаханович И.А. Государственная историческая политика Беларуси: президентский нарратив [Электронный ресурс]. – URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/gosudarstvennaya-istoricheskaya-politika-belarusi-prezidentskiy-narrativ>. (дата обращения: 04.01.2024).
3. Валаханович И., Пунченко В. Единство исторической памяти белорусов через призму государственных, общереспубликанских праздников и памятных дат // *Беларуская думка*. – 2021. – № 11. – С. 66–72.
4. Валаханович И.А. 9 мая – героическая дата, которой необходимо гордиться [Электронный ресурс]. – URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/9-maya-geroicheskaya-data-kotoroy-neobkhodimo-gorditsya>. (дата обращения: 04.01.2024).
5. Валаханович И.А. Историческая политика: тренды уходящего года [Электронный ресурс]. – URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/istoricheskaya-politika-trendy-ukhodyaschego-goda>. (дата обращения: 06.01.2023).
6. К вопросу об исторической политике / А. Коваленя, В. Арчаков, В. Данилович, А. Баньковский // *Беларуская думка*. – 2019. – № 8. – С. 3–11.
7. Данилович В.В. Сохранение исторической памяти – ключевая составляющая реализации государственной исторической политики // *Проблемы управления*. – 2022. – № 1(83). – С. 4–9.
8. Данилович В.В., Мушта А.А. Конституция в системе исторических и социокультурных факторов государственного управления в Республике Беларусь // *Государственная служба*. – 2022. – Т. 24, № 6. – С. 88–95.
9. Мушта А. Проект новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь и вопросы исторической политики // *Беларуская думка*. – 2023. – № 6. – С. 52–59.
10. Марзалюк И.А. Определение политики памяти и исторической политики и их роль в укреплении национальной безопасности страны // *Историческая политика и память о прошлом в контексте обеспечения национальной безопасности (ко Дню народного единства и 145-летию со дня рождения Ф.Э. Дзержинского): материалы межведомств. науч.-практ. конф., Минск, 20 сент.2022 г. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь; редкол.: Г.Г. Краско и др. – Минск, 2022. – С. 112–126*;
11. Марзалюк И.А. Историческая память как фактор национальной безопасности // *Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., 31 марта 2022 г., Могилев / Под общ. ред. С.Н. Лихачевой, В.В. Табунова. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2022. – С. 7–11.*

12. Краско Г.Г., Богомаз О.В. Историческая память: прошлое для настоящего и будущего. – Минск: Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь, 2022. – 168 с. – С. 120.
13. Историческая память белорусов в контексте реализации исторической политики Республики Беларусь / С.М. Алейникова и др.; Белор. ин-т стратег. исследований. – Минск: ИВЦ Минфина, 2022. – С. 80.
14. Мысливец Н.Л. Великая Отечественная война в исторической памяти молодежи (социологический анализ) // *Философия и социальные науки*. – 2015. – № 4. – С. 23–29.
15. Мысливец Н.Л. Образы прошлого в исторической памяти: теоретико-методологический аспект // *Социально-гуманитарные знания*. – 2018. – № 1. – С. 157–164.
16. Мысливец Н.Л., Романов О.А. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // *Вестник РУДН. Сер. Социология*. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 9–19.
17. Мысливец Н.Л. О некоторых особенностях формирования исторической памяти новых поколений // *Журн. Белор. гос. ун-та. Социология*. – 2020. – № 2. – С. 82–87.
18. Мысливец Н.Л. Память о прошлом в семейных воспоминаниях: из опыта социологической рефлексии // *Социол. альм.* – 2020. – Вып. 11. – С. 67–75.
19. Мысливец Н.Л. Формирование и особенности эволюции исторической памяти белорусской молодежи (из опыта социологических исследований) // *Вестн. Ин-та социологии*. – 2022. – Т. 13, № 1. – С. 26–43.
20. Мысливец Н.Л. Историческая память: к вопросу о ее методологическом статусе // *Журн. Белор. гос. ун-та. Социология*. – 2023. – № 3. – С. 9–20.
21. Мысливец Н.Л. Историческая память: актуальность исследования и необходимость сохранения // *Беларуская думка*. – 2022. – № 2. – С. 56–62. – С. 61.
22. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / Пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с. – С. 193.
23. Мартыненко И.Э. Международная и национальные правовые системы охраны исторического наследия государств-участников СНГ: учеб. пособие. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. – 942 с.
24. Мартыненко И.Э. Законодательство об охране историко-культурного наследия и прокурорский надзор за его исполнением. – Минск: Тесей, 2001. – 195 с.
25. Мартыненко И.Э. Правовой статус, охрана и восстановление историко-культурного наследия. – Гродно: ГрГУ, 2005. – 343 с.
26. Мартыненко И.Э. Правовая охрана историко-культурного наследия в государствах Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества. – М.: РИОР ИНФРА-М, 2014 – 287 с.
27. Мартыненко И.Э. Новый порядок государственного учёта историко-культурных ценностей: юридические аспекты // «Права на спадчыну» і Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей: выклікі і рашэнні: зб. арт. – Гродна: ТАА «ЮрСаПрынт», 2021. – С. 19–30.
28. Мартыненко И.Э. Правовые формы увековечения памяти погибших защитников Отечества и жертв войн // Подготовка педагогических и научных кадров историков и развитие исторической науки в Беларуси: Материалы республиканской научно-практической конференции. 30 сент. 2004 г., Гродно / Гродн. гос. ун-т имени Янки Купалы; под ред. Е.А. Ровбы, А.Н. Нечухрина, И.П. Креня. – Гродно: ГрГУ, 2005. – С. 220–225.
29. Мартыненко И.Э. Правовые формы увековечения памяти погибших в ходе войн: опыт Республики Беларусь и возможности его использования в других странах СНГ // *Военно-юридический журнал*. 2017. – № 1. – С. 12–17.
30. Мартыненко И.Э. Государственная политика в сфере историко-культурного наследия // *Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гуманітарных навук*. – 2017. – № 4. – С. 101–110.
31. Мартыненко И.Э. Новое законодательство Республики Беларусь по увековечению памяти погибших при защите отечества и сохранению памяти о жертвах войн // *Наследие и современность = Heritage and Modern Times*. – 2018. – Т. 1, № 3 (3). – С. 40–61.
32. Мартыненко И.Э. Правовой статус, охрана и восстановление историко-культурного наследия. – Гродно: ГрГУ, 2005. – С. 209.
33. Мартыненко И.Э. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за невозвращение временно вывезенных за пределы территории Республики Беларусь историко-культурных ценностей // *Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 18–19 мая 2023 г.)*. – Минск: Академия МВД, 2023. – С. 166–167.
34. Мартыненко И.Э. Конституционные основы сохранения историко-культурного наследия // *Веснік Канстытуцыйнага суда РБ*. – 2021. – № 2. – С. 213–229.
35. Юрчак Д. Воінскія пахаванні як культурная каштоўнасць: да пытання неабходнасці іх дваінога ўліку // *Беларуская думка*. – 2021. – № 1. – С. 83 – 89.
36. Юрчак Д.В. Воинские захоронения периода Великой Отечественной войны как объекты культурного наследия: реалии, проблемы и перспективы // *Победа – одна на всех: материалы II междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 23–24 апр. 2020 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: И.В. Николаева, А.Н. Дулов (отв. ред.)*. – Витебск, 2020. – С. 147–153.
37. Юрчак Д.В. Памятники и воинские захоронения: объекты историко-культурного наследия или мемориальные объекты? // *Победа – одна на всех: материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 24 апр. 2014 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.И. Жук, А.А. Коваленя (отв. ред.)*. – Витебск, 2014. – С. 295–298.
38. Савчук Т.П. Увековечение событий Великой Отечественной войны в Беларуси. – Брест: БрГУ им. А. С. Пушкина, 2013. – 168 с.
39. Савчук Т.П. Государственная политика увековечения памяти о событиях Великой Отечественной войны в БССР в 1940-е – начале 1960-х гг. // *Вучоныя запіскі. Ч. 1. Гуманітарныя і грамадскія навукі*. – 2015. – Вып. 11. – С. 46–54.
40. Савчук Т.П. Историческая память в работах современных российских и белорусских исследователей: методологические подходы // *Вестн. Брэсц. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права*. – 2018. – № 1. – С. 67–75.
41. Грибан И.В., Савчук Т.П. Развитие поискового движения как направление государственной политики по сохранению памяти о Великой Отечественной войне в России и Беларуси // *Вестн. Российской нации*. – 2020. – № 3. – С. 85–98.
42. Савчук Т. Государственная политика по увековечению памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь в 2000-е гг. (законодательный проект) // *Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. науч. ст. по материалам V Междунар. науч. конф.* – Т. 5. – Пинск: Полесс. гос. ун-т, 2020. – С. 341–348.

43. Грибан И.В., Зданович В.В., Савчук Т.П. Историки в диалоге: опыт реализации проекта «Память о Великой Отечественной войне: направления, тенденции, практики мемориализации в Беларуси и России» // Педагогическое образование в России. – 2020. – № 2. – С. 21–28.
44. Память о Великой Отечественной войне: направления, тенденции, практики мемориализации в Беларуси и России / К.А. Антропов, Н.Н. Баранов, И.В. Грибан и др.; под общ. ред. И.В. Грибан. – Екатеринбург: Универ. изд-во; Изд-во Урал. ун-та, 2022. – 2-е изд., испр. и доп. – 208 с.
45. Шумский В. Знать и помнить // Лесное и охотничье хозяйство. – 2015. – № 5. – С. 2–7.
46. Шумский В.В. О некоторых причинах масштабных потерь РККА в начальный период Великой Отечественной войны и взглядах противника на события лета 1941 года в зарубежной историографии // Беларусь в оборонительных боях 1941 года: материалы междунар. ист. чтений, Минск, 9 июня 2016 г.: к 75-летию со дня начала Великой Отечественной войны / Сост. В.Н. Надтачаев. – Минск, 2017. – Вып. 1. – С. 144–150.
47. Каталог воинских захоронений на территории Республики Беларусь. Гомельская область / Мин-во обороны Респ. Беларусь. – Минск: Рекхаус, 2014. – 312 с.
48. Каталог воинских захоронений на территории Республики Беларусь. Гродненская область / Мин-во обороны Респ. Беларусь. – Минск: Рекхаус, 2015. – 216 с.
49. Каталог воинских захоронений на территории Республики Беларусь. Могилевская область / Мин-во обороны Респ. Беларусь. – Минск: СтройМедиаПроект, 2017. – 499 с.
50. Каталог воинских захоронений на территории Республики Беларусь. Брестская область / Мин-во обороны Респ. Беларусь. – Минск: Рекхаус, 2012. – 255 с.
51. Каталог воинских захоронений на территории Республики Беларусь. Минская область / Мин-во обороны Респ. Беларусь. – Минск: СтройМедиаПроект, 2016. – 576 с.
52. Каталог воинских захоронений на территории Республики Беларусь. Витебская область / Мин-во обороны Респ. Беларусь. – Минск: Рекхаус, 2013. – 370 с.
53. Последний приют солдата = Letzte Ruhestätte für die Soldaten / Пер. Е.И. Хорошевич. – Минск: Звезда, 2014. – 207 с.
54. Шарков А.В., Хорошевич Е.И. Жить и помнить: советские воинские захоронения в Европе. – Минск: Звезда, 2015 – Кн. 1. – 2015. – 367 с.
55. Хорошевич Е.И., Шарков А.В. Священная память Великой Победы. – Минск: Беларусь, 2023. – 399 с.
56. Хорошевич Е.И., Шарков А.В. Обелиски памяти Русской Императорской армии Первой мировой войны. – Минск: Белпринт, 2018. – 327 с.
57. Шарков А.В., Хорошевич Е.И. По следам Польско-советской войны, 1919 – 1920. – Минск: Звезда, 2020. – 231 с.
58. Шомоди В.Э. Маршрутами народной славы: [о партизанских формированиях на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны]. – Минск: Польша, 1984. – 190 с.
59. Шомоди В.Э. Маршрутами народной славы. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Польша, 1988. – 350 с.
60. Шомоди В.Э. Маршрутами народной славы: Пособие для педагогов и воспитателей. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: Изд. респ. унит. предпр-е “Университетское”, 2001. – 395 с.
61. Воины Азербайджана – герои земли белорусской / сост.: Л.А. Кучерова, Н. Алиев. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2022. – 399 с.
62. Армяне-герои Советского Союза в боях за Беларусь (1941 – 1944 гг.) / К. Арутюнян, А. Литвин. – Минск: Альтиора – Живые краски, 2010. – 63 с.
63. Арутюнян К. Воины-армяне в боях за Белоруссию в Великой Отечественной войне: к 75-летию освобождения Белоруссии от немецко-фашистских оккупантов. – Ереван: Зангак, 2019. – 249 с.
64. Воины-армяне в боях за Беларусь (1941 – 1944 гг.) / А.В. Хечоян и др.; под общ. ред. А.М. Литвина, А.В. Хечоян. – Минск: Белар. навука, 2019. – 927 с.
65. Казахстан – Беларусь: боевое братство / Г.К. Алдамжаров и др.: науч. ред. А.М. Литвин. – Минск: Ред. журн. «Служба спасения 01», 2005. – 424 с.
66. Корсак А.И. Память о погибших уроженцах Узбекистана летом 1944 г. // Вторая мировая война и Узбекистан: исследование. Сб. науч. ст. – Ташкент: «TAMADDUN», 2020. – С. 47–63.
67. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 / А.А. Коваленя (рук. авт. колл-ва), А.М. Литвин, В.И. Кузьменко и др. – Минск: БЕЛТА, 2005. – 544 с.
68. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917 – 1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэдактар). – Минск: Экаперспектыва, 2006. – 613 с.
69. История белорусской государственности. В 5 т. Т. 4. Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939 – 1953 гг.) / А.А. Коваленя и др.; отв. ред. тома Н.Б. Нестерович; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Белар. навука, 2019. – 567 с.
70. Белоруссия в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.: энцикл. / Белорус. сов. энцикл.; редкол.: А. Е. Андреев. – Минск: Белорус. сов. энцикл., 1990. – 679 с.
71. Ваенная энцыклапедыя Беларусі / рэдкал.: Л.У. Языковіч (гал. рэд.). – Минск: Беларус. Энцыкл. Імя П. Броўкі, 2010. – 1136 с.
72. Беларусь партизанская = Guerilla Belarus: ил. энцикл. партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны / редкол.: В. В. Андриевич (гл. ред.); под общ. ред. А.М. Литвина. – Минск: БелЭн, 2019. – 348 с.
73. Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андронников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. – М.: Вече, 2021. – 384 с.
74. Гриф секретности снят: Потери Вооруж. Сил СССР в войнах, боевых действиях и воен. конфликтах: стат. исслед. / Г.Ф. Кривошеев и др.; Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. – М.: Воениздат, 1993. – 416 с.
75. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: стат. исслед. / Г.Ф. Кривошеев и др.; Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 607 с.
76. Памяць Беларусі: Рэспубліканская кніга / Рэд. кал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; Маст. У.П. Свентахоўскі. – Минск: БелЭн, 2005. – 592 с. – С. 67.

77. Коваленя А.А., Мацко А.Н. Национально-демографические процессы в Беларуси (1939 – 1945 гг.) // Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі: зб. нав. арт. – Мінск: БДПУ імя Максіма Танка, 1998. – С. 30–56.
78. Литвин А.М. О людских потерях Беларуси в годы Великой Отечественной войны // Наука и инновации. – 2015. – № 5(147). – С. 5–16. – С. 14.
79. Литвин А.М. Геноцид: истребление белорусского народа в годы нацистской оккупации (июнь 1941 – июнь 1944) // Беларуская думка. – 2022. – № 4. – С. 68–77.
80. Литвин А.М. «Кто может, передайте родным...»: Тайны тюремных камер оккупированного Гомеля (1941—1943). – Минск: Беларус. навука, 2019. – 223 с.
81. Литвин А.М. «Припятские болота» (Pripiatsee) – первая крупная карательная акция СС на территории Беларуси и Украины: новые свидетельства // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы міжн. нав. канф., Мінск, 16 мая 2003 г. / Мінск. дзярж. лінгв. ун-т; гал. рэд. А.А. Каваленя. – Мінск, 2003. – С. 121–127.
82. Литвин А. Нацистская политика геноцида на территории Белоруссии (июнь 1941 – июнь 1944 г.): общие черты и особенности практического осуществления // Война на уничтожение: нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы: материалы междунар. науч. конф., Москва, 26–28 апр. 2010 г. / Фонд «Историческая память». – М., 2010. – С. 67–86.
83. Иоффе Э.Г. Демографические потери Беларуси в годы Великой Отечественной войны // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2007. – № 6. – С. 3–8.
84. Иоффе Э.Г. Жертвы страшной войны // Беларуская думка. – 2007. – № 9. – С. 159–165. – С. 164.
85. Новікаў С.Я. Абарона Магілева (20 – 26 ліпеня 1941 г.) у святле новых дакументальных крыніц // Беларускі гістарычны часопіс. – 2008. – № 7. – С. 44–53.
86. Новиков С.Е. Белоруссия в первые месяцы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии / отв. ред. В.С. Христофоров. – М., 2011. – С. 271–322.
87. Новікаў С.Я. Лепельская аперацыя летам 1941 года: спроба навуковай інтэрпрэтацыі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 11. – С. 14–24.
88. Новікаў С.Я. Абарона Брэсцкай крэпасці: гісторыяграфічныя міфы і гістарычная рэальнасць // Историческое наследие. – 2013. – С. 22–30.
89. Новікаў С.Я. Ліквідацыя слядоў масавых нацысцкіх злачынстваў у Беларусі ў 1943 – 1944 гг.: да пытання аб дзейнасці “зондэркаманды 1005-Цэнтр” // Беларускі гістарычны часопіс. – 2019. – № 5. – С. 3–5.
90. Новікаў С.Я. Забытыя старонкі вызвалення Беларусі ў канцы 1943 - першай палове 1944 года: крыніцазнаўчы аналіз новых нямецкіх дакументаў // Победа – одна на всех: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 23 – 24 апр. 2020 г. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – С. 5–16.
91. Новікаў С.Я. Аб’ектыўнае канструяванне мінулага – бяспрэчная аксіёма гістарычнай навукі // Беларуская думка. – 2022. – № 11. – С. 81–89.
92. Новікаў С.Я. Беларусь 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў. – 2-е выд., выпр. і дап. – Смаленск, 2015. – 436 с. – С. 101.
93. Новиков С.Я. Оборонительные бои Красной Армии на территории Беларуси летом 1941 года в современной отечественной историографии // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. – 2015. – № 1(13). – С. 121–129. – С. 126–127.
94. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / А.Л. Манаенков, Е.П. Горелик, А.Ф. Маркова и др. – Минск: Беларусь, 1983. – 765 с.
95. Каваленя А.А., Калеснікава А.А. Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы ў асяроддзі беларускіх партызан 1941 – 1944 гг. (па матэрыялах БШПР) // Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі: зб. нав. арт. – Мінск: БДПУ імя Максіма Танка, 1998. – С. 77–90. – С. 82.
96. Геноцид белорусского народа = Genocide of the Belarusian people: информационно-аналитические материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь; под общей редакцией А.И. Шведа. – Минск: Беларусь, 2022. – 175 с.
97. Геноцид белорусского народа. Лагерь смерти = Genocide of the Belarusian people. Death camps / Генеральная прокуратура Республики Беларусь; под общей редакцией А.И. Шведа. – Минск: Беларусь, 2023. – 335 с.
98. Геноцид белорусского народа. Карательные операции = Genocide of the Belarusian people. Punitive operations. В двух ч. Ч. 1. / Генеральная прокуратура Республики Беларусь; под общей редакцией А.И. Шведа. – Минск: Беларусь, 2023. – 311 с.
99. Нацистская политика геноцида и «выжженной» земли в Белоруссии (1941–1944) / ред. В.Е. Лобанок. – Минск: Беларусь, 1984. – 271 с.
100. Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941–1944) / Пад аг. рэд. У.М. Міхнюка. – Мінск: БелНДЦДААС, 1995. – 416 с.
101. Кривошей Д.А. Судьбы народов Беларуси под оккупацией (июнь 1941 – июль 1944 г.). – М.: Фонд «Историческая память», 2017. – 316 с.
102. Ботвинник М. Памятник геноцида евреев Беларуси. – Минск: Беларус. навука, 2000. – 324 с.
103. Розенблат Е.С. Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения западных областей Беларуси. 1941 – 1944 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Минск, 1999. – 20 с.
104. Розенблат Е. Основные проблемы терминологии темы Холокоста // Материалы Одиннадцатой ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. – Ч. 1. – М.: Изд-во Пробел-2000, 2004. – С. 341–355. (Академическая серия).
105. Розенблат Е., Еленская И. Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX веке // Диаспоры. – 2002. – № 4. – С. 27–52.
106. Эленская И. Память о Холокосте в Белоруссии. Стереотипы, мифы, табу // История – миф – фольклор в еврейской и славянской культурной традиции: сб. ст. – М.: Инслав РАН, 2009. – Вып. 24. – С. 153 – 180. (Академическая серия).
107. Смиловицкий Л. Евреи Беларуси: Из нашей общей истории, 1905 – 1953. – Минск: Арти-Фекс, 1999. – 360 с.
108. Смиловицкий Л. Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941 – 1944 гг. – Тель-Авив: Библиотека Матвея Черного, 2000. – 432 с.
109. Винница Г. Холокост на оккупированной территории Восточной Белоруссии в 1941 – 1944 годах. – 2-е изд., дораб. и испр. – Минск: Ковчег, 2014. – 449 с.

110. Бессонов Н. Цыганская трагедия 1941 – 1945: факты, документы, воспоминания. Том 1. Геноцид цыган во время Второй мировой войны. – М.: Де’Либри, 2020. – 456 с.
111. Фридман А. Невядомы генацыд: знішчэнне беларускіх цыганоў у 1941–1944 // Arche. – 2004. – № 2(31). – С. 130–142.
112. Фридман А. «Только потому, что они цыгане...». К вопросу о геноциде цыганского населения Беларуси в период немецко-советской войны // Голокост і сучасність. – 2009. – № 2(6). – С. 168–171.
113. Gerlach Christian. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 – 1944. – Hamburg: Hamburger Edition, 2000. – 1231 S.
114. Zimmermann M. Rassenutopie und Genozid: Die nationalsozialistische >>Lösung der Zigeunerfrage<<. – Hamburg: Christians, 1996. – 574 S.
115. Zimmermann M. Verfolgt, vertrieben, vernichtet: die nationalsozialistische Vernichtungspolitik gegen Sinti und Roma. – 1. Aufl. – Essen: Klartext-Verl., 1989. – 142 S.
116. Калинин В.И. Загадка балтийских цыган: очерки истории, культуры и социального развития балтийский цыган. – Минск: И.П. Логвинов, 2005. – 240 с.
117. Зданович В.В. Белорусская историография освобождения Беларуси от германских оккупантов // Республика-партизанка. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Изд.2-е, доп. и испр. / отв. ред. С.Л. Кандыбович, В.В. Данилович, О.В. Солопова. – М.: Студия «Этника» (ИП Трошков А.В.), 2020. – С. 111–125. – С. 124.

Поступила 12.12.2023

EXPERIENCE OF STUDYING THE MILITARY-MEMORIAL SPHERE OF BELARUS IN SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE

A. KORSAK

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article analyzes the main tendencies of Belarusian and foreign historiography in the study of historical policy, memory policy, military-memorial sphere in general and burial sites of the Great Patriotic War in Belarus in particular from the point of view of interdisciplinary approach. The research is based on the problem-thematic principle, which allows the author to consider the process of development of historical knowledge in their conceptual unity.

Keywords: *military-memorial sphere, memory policy, war graves, Great Patriotic War, problem-thematic principle.*

УДК 94(476)"1941/1944"

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-81-83

**БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ
В ХОДЕ КАРАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ НАЦИСТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНОЙ ИСТОРИИ)***канд. ист. наук, доц. Е.А. ГРЕБЕНЬ**(Белорусский государственный аграрный технический университет, Минск)*

В статье на основе воспоминаний жителей Витебской области Беларуси, переживших германскую оккупацию 1941–1944 годов, характеризуются повседневные практики выживания людей во время карательных операций нацистов. Рассматриваемый регион отличался значительными масштабами сопротивления германским оккупантам. Реакцией оккупационных властей на действия партизан стало проведение множества карательных операций, в ходе которых гражданское население тотально уничтожалось или захватывалось в качестве рабочей силы для отправки в Германию. В результате мирные жители, спасаясь от карателей, вынуждены были уходить в леса, по многу месяцев находились в лесных лагерях, лишённые практически всего необходимого. Вынуждено адаптировались к ситуации, вырабатывали специфические практики, позволявшие отыскать пропитание, построить укрытие и выжить в экстремальных условиях.

Ключевые слова: оккупация, карательные операции, повседневность, выживание, устная история.

Введение. В распоряжении исследователей германской оккупации Беларуси 1941 – 1944 гг. имеется значительный корпус документов, детально иллюстрирующих оккупационную повседневность: распоряжения германских военных и гражданских структур, местной вспомогательной администрации и полиции. В то же время следует отметить, что вышеуказанные документы в большей степени касаются положения городского населения и сельских жителей территорий, которые более-менее продолжительное время контролировались оккупационными властями, где функционировали волостные управы, осуществлялся сбор натуральных налогов и привлечение местных жителей к исполнению обязательной трудовой повинности [1]. Относительно же территорий, оперативно взятых под контроль партизанами, где власть сельских старост и волостных бургомистров стала номинальной или была оперативно ликвидирована партизанами полностью, единственным источником по военной повседневности являются воспоминания очевидцев оккупации. Поскольку эти территории являлись ареной постоянных боестолкновений оккупантов и партизан, в воспоминаниях местных жителей преобладают сюжеты, связанные с карательными операциями нацистов. Только в Витебской области было проведено 45 крупных карательных операций [14, с. 344–347]. В статье на основе воспоминаний жителей Витебщины – очевидцев германской оккупации будет охарактеризована борьба за выживание в экстремальной ситуации карательных операций.

Основная часть. С ростом масштабов сопротивления нацистским оккупантам все больше деревень выходило из-под контроля оккупационных властей. Населенные пункты оказывались либо в партизанских зонах, либо на пограничье контролируемых партизанами и оккупантами территорий. Соответственно, антипартизанские акции оккупантов рано или поздно затрагивали абсолютное большинство мирных граждан. Сожжение соседних деревень, казни подозреваемых в связях с партизанами формировали у большинства граждан понимание необходимости принятия экстренных мер для спасения жизни и имущества [7]. Изредка о предстоящей карательной операции предупреждали размещённые в доме на постой немецкие солдаты [5].

Жители деревень, заранее оповещённых о наступлении карателей, имели возможность взять с собой в лес что-либо из продуктов, но унести на себе много не могли [10]. Практиковалось также закапывание ценностей в землю накануне ухода из деревни [12]. В других случаях мирные жители уходили в ходе организованной партизанами эвакуации. Какое-то время расселялись в подконтрольных партизанам деревнях, но позднее все равно оказывались в лесу. Эвакуированных жителей Россонского района партизаны старались переправить (часто под обстрелами и бомбежкой) в уже освобождённую Калининскую область РСФСР [3; 12]. В таких случаях люди успевали забрать скот. При этом нередко на новом месте жительства и хозяева, и беженцы испытывали лишения, нечем было кормить животных. Эвакуированная жительница д. Альбрехтово Россонского района вспоминает, что на новом месте приходилось подвешивать корову, которая не могла стоять от голода [12].

Чаще всего бегство в лес происходило в крайне сжатые сроки, когда от партизан или соседей поступала информация о наступлении карателей, или люди оценивали ситуацию по зареву над соседними деревнями, поэтому уходили в лес второпях, взяв с собой немного продуктов и фуража для лошади. Неожиданное приближение к деревне немцев вынуждало людей спешно покидать дома в том, что было на них надето [4]. В ходе поспешного бегства не всегда забирали всех членов семьи. Жительница д. Якубово Россонского района сообщает, что в лес не взяли больную нетранспортабельную мать, оставив ее в деревне с двумя пожилыми женщинами. Позднее ее забрали, но пожилые женщины (очевидно, одинокие) остались и были найдены в сожженном сарае (люди узнали про уничтожение деревни по лаю собак) [8].

Сожжение деревни (узнавали по зареву) могло вызывать радость, поскольку это означало, что отсюда уйдут каратели [2].

Карательная экспедиция могла продолжаться неделями, потом в этом же районе повторяться, и люди вынуждены были месяцами прятаться в лесу (информанты из Россонского района часто оценивают время пребывания в лесу в девять месяцев), часто менять дислокацию своего лагеря, перебираясь в более безопасное место [7]. Порой, в лесу

жили до освобождения района Красной армией [10; 2]. Многомесячное и даже многолетнее (если приходилось уходить в лес неоднократно) пребывание детей в лесных лагерях имело следствием то, что дети вырастали из одежды, в которой покинули дом. Реальностью было вынужденное нахождение в лесу по многу месяцев до наступления холодов (люди могли покинуть деревню в теплую пору); детей обматывали платками, чтобы согреть [4].

Кому-то из беженцев удавалось замаскировать лагерь (сажали ели вокруг), и немцы его не обнаружили [8]. Беженцам приходилось постоянно сохранять бдительность. Типичной практикой стал ночлег под деревом. В теплое время года сознательно спали снаружи землянок, дежурили на случай прихода в лагерь немцев [7]. Костры или печи-буржуйки жгли ночью, чтобы дым не демаскировал лагерь. Ночью же ходили за водой на озеро [10; 11]. Иногда боязнь выдать место расположения лесного лагеря дымом костра вынуждала людей не жечь его вовсе, проводя по многу дней сидя или лежа в снегу [7].

В большинстве случаев уход в лес являлся отсрочкой встречи с карателями. В ходе внезапного появления карателей люди разбегались, оставляя в землянках больных и стариков, переходили в запасные лагеря, переживали приход врагов в болоте. Не успевшие выбежать их землянок гибли от разрывов гранат, убегающих расстреливали. Порой каратели возвращались в лагерь несколько раз (вечером и утром), понимая, что сюда могут вернуться уцелевшие, и подрывали землянки. В лагере могли перемешиваться жители деревень из разных районов, например, бежавшие из Верхнедвинского района вглубь Россонского (очевидно, в ходе операции «Зимнее волшебство») [6]. Партизаны перемешивались с мирными жителями [2].

Часть обнаруженных в лесу беженцев направлялась на принудительные работы. Например, жительница д. Селявица Россонского района была захвачена в лесу, отправлена в д. Клястицы и оттуда на работу в Германию [6]. Жительница д. Шалашники того же района утверждает, что их обнаружили «народники» (разговаривали по-русски). Обнаружили по следам в болоте, где люди искали подножный корм. Их погнали в лагерь в г. Себеж и далее на торфозавод в Эстонию [9]. Даже если лагерь не обнаруживался, беженцы видели, что их разыскивают. Среди фигурантов карательных операций, кроме немцев, упоминаются «народники» (бойцы русских прогерманских вооруженных формирований), латыши и украинцы [7; 8; 9].

После окончания экспедиции и до начала следующей или до освобождения района мирные жители обустроивались надолго, рыли землянки (некоторые информанты используют термин «траншеи») или делали шалаши. Землянки могли быть подготовлены и заблаговременно, если уже имелся опыт ухода в лес, осознавалась опасность быть убитыми и уведёнными в концлагерь, в Германию, поэтому новую экспедицию встречали, находясь в лесу [2; 4; 6]. После многомесячных страданий у людей вырабатывалась боязнь человека в униформе, поэтому известия об освобождении от партизан или красноармейцев встречали с недоверием [7].

В ситуации, когда уход в лес был не спонтанным, беженцы имели время взять с собой продукты на какое-то время, тем не менее, невозможно было создать запас продуктов и фуража для скота на продолжительное время [7]. Люди варили мясо убитых лошадей («каня уб'юць, людзі зарэжуць, з'ядуць») [13; 8]. Каратели неделями прочесывали леса, поэтому часть уведённого с собой скота доставалась немцам [2]. Если оставленные жителями деревни не сжигались немцами сразу же, мужчины совершали ночью вылазки за продуктами [2; 8]. Походы в покинутые дома и за картошкой на огороды получили название: «на паляванне», «на заготовку» [7; 10].

Иногда жившие в лесу люди находили склады продуктов (зерно, мука) в оставленных партизанами лагерях, что позволяло продержаться в лесу многие месяцы [2; 7; 8; 13]. Зерно мололи ручными жерновами, стараясь не шуметь, и пекли хлеб. Приходилось соблюдать осторожность; те, кто осмеливался ходить днем, были убиты или захвачены немцами [8].

Имевшая место в годы оккупации экстремальная гастрономия достигала немислимых масштабов в условиях пребывания в лесу. Приходилось употреблять трупы павших животных и всевозможные растения («і траву елі. (...) называліся «пучкі», яна красным цвіце. Їх насморгаеш – кіслае. І асот елі, і мякіну елі, і коней здохлых елі») [8; 7; 6]. Жительница пос. Освея упоминает повторную варку говяжьих костей, найденных на месте бывшей стоянки в снегу: «И стали это варить. И мне до сих пор этот бульон помнится: вода, но плавало что-то чуть-чуть жиру». В момент карательной операции приходилось постоянно перемещаться по лесу без еды, маскируя следы своего пребывания. Мать информанта растапливала снег в жестянке, размешивая в воде немного муки [4]. Жительница д. Шалашники Россонского района вспоминает, что в ноябре месяце была зарезана взятая в лес корова, внутренности которой были выброшены возле лагеря, однако не тронуты зверями, а весной их пришлось уже употреблять в пищу самим беженцам. Мужчины ходили по местам уничтожения в лесах мирных жителей, где оставались трупы застреленных коров и лошадей, и приносили мясо. Весной и летом не было и этого, поэтому в пищу употребляли росшую в болоте траву [6].

Помощь продуктами питания могли оказывать партизаны, если в лагере жили их семьи и односельчане. Часть продуктов реквизирувалась в подконтрольных немцам деревнях у семей полицейских. Партизаны Верхнедвинского и Россонского районов совершали рейды в Латвию, откуда приводили скот и приносили продукты, часть из которых отдавали гражданским [4; 8; 10]. Жительница пос. Освея вспоминает: «Партизаны ходили (у меня и отец ходил) в Латвию, гарнизоны громить. Так вот разгромят там какой гарнизон и пригонят сюда семь – десять коров в лес. (...) давали этих коров, чтоб доили и кормили деток. А сами потом забирали по очереди коров, резали мясо, а все остальное – головы, ноги и все внутренности – отдавали людям, чтоб готовили кушать себе» [4]. Жительница г. Верхнедвинска также подтверждала помощь со стороны партизан: «Бывала прынясуць там. У Латвію, асобенна, хадзілі на заданні, барана там, абработаюць, на кастрэ зварам і хлебаем то поліўку якую, то суп які. Картошку торбачкамі насілі. Там жа людзі садзілі ў Латвіі. (...) мы ім памагалі, і яны нам» [10]. Другие информанты говорят об отсутствии помощи со стороны партизан и даже реквизиции скота и мародерстве (не местные уроженцы) [7; 13; 2].

Среди полуголодных, находящихся в антисанитарных условиях обитателей лесных лагерей вспыхивали болезни, в первую очередь, тиф, которым переболели многие информанты, или же они упоминают массовость данного явления) [6; 8; 11]. Кто-то переносил тиф «на ногах» («балеў і балеў! Не памёр – выжыў») [7]. В других случаях больные подолгу лежали, не получая лечения. В случае с одной из жительниц Россонского района лечение сводилось к прикладыванию раскаленной на костре сковороды к телу [6]. Тиф также приводил к тому, что ослабленные болезнью люди не успевали бежать от карателей [6]. Последствия тифа проявлялись продолжительное время. Один из информантов описывает ситуацию так: «И вот восемнадцать дней я лежала, а потом после тифа на теле чесалось. Чешется и потом волдырь как после ожога. У меня глаза остались и подошва, я вся вот такая была. В таких болячках. Они потом лопались. И чулочки у меня вросли и подошва, нельзя было снять. И вот этим лошадиным жиром (мама там его растопила в шалаше, разводили ж огонь...) и помазала этим жиром. Медикаментов никаких же не было» [4]. Помощь партизанских врачей в имеющихся в распоряжении автора воспоминаниях не зафиксирована, несмотря на то, что с партизанами гражданское население контактировало регулярно [7; 10].

Заключение. Таким образом, проживание в местности, в которой перманентно проводились карательные операции, порождало у граждан перманентное ощущение опасности, вынуждало заранее готовить лесные укрытия и создавать запасы продуктов. Информанты в меньшей степени описывают повседневность начального периода оккупации, но детально характеризуют обстоятельства, при которых пришлось покинуть дом, описывают лесные лагеря, экстремальную гастрономию, болезни и иные аспекты сурового быта беженцев. Воспоминания являются исключительно важным источником, показывающим, каким образом жителям Беларуси приходилось выживать в лесах в ходе карательных операций нацистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Витебская область. Сб. архив. док. и материалов / сост.: А.Р. Демянюк, В.Д. Селеменев и др. – Минск: НАРБ; М.: Фонд «Историческая память», 2020. – С. 344–347.
2. Воспоминания Бондаревой Евгении Кондратьевны, 1922 г.р., записаны 12.05.2019 г. в д. Великое Болото Россонского района; аудиозапись (10 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
3. Воспоминания Завгородней Нины Зосимовны, 1926 г.р., записаны 11.05.2019 г. в д. Бирюзово Россонского района; аудиозапись (42 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
4. Воспоминания Зыковой Александры Герасимовны, 1934 г.р., записаны 9.09.2014 г. в г/п Освея Верхнедвинского района; аудиозапись (58 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.
5. Воспоминания Койры Фелиции Бернардовны, 1927 г.р., записаны 12.08.2017 г. в д. Ковали Поставского района; аудиозапись (1 час 3 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
6. Воспоминания Лебедевой Ольги Ивановны, 1927 г.р., записаны 12.05.2019 г. в д. Шалашники Россонского района; аудиозапись (43 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
7. Воспоминания Миньковой Александры Филипповны, 1928 г.р., записаны 12.05.2019 г. в д. Павлово Россонского района; аудиозапись (26 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
8. Воспоминания Полевечко Марии Александровны, 1922 г.р., записаны 12.05.2019 г. в д. Якубово Россонского района; аудиозапись (45 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
9. Воспоминания Рубашенко Надежды Ивановны, 1932 г.р., записаны 12.05.2019 г. в д. Селявщина Россонского района; аудиозапись (25 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
10. Воспоминания Сандар Галины Евдокимовны, 1923 г.р., записаны 9.09.2014 г. в г. Верхнедвинске; аудиозапись (36 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
11. Воспоминания Храменок Ольги Андреевны, 1935 г.р., записаны 23.02.2009 г. в г. Лепель; аудиозапись (43 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
12. Воспоминания Шаркель Любови Макаровны, 1933 г.р., записаны 11.05.2019 г. в д. Альбрехтово Россонского района; аудиозапись (36 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
13. Воспоминания Шевцовой Валентины Ивановны, 1929 г.р., записаны 11.05.2019 г. в д. Янковичи Россонского района; аудиозапись (16 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
14. Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь: аннот. справ. / авт.-сост.: С.В. Жумарь и др. – Минск: БелНИИДАД, 1998. – 254 с.

Поступила 02.12.2023

THE STRUGGLE FOR THE SURVIVAL OF THE CIVILIAN POPULATION OF BELARUS DURING THE NAZI PUNITIVE OPERATIONS (BASED ON ORAL HISTORY MATERIALS)

Ya. HREBEN

(Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk)

The article is based on the memories of residents of the Vitebsk region of Belarus who experienced the German occupation from 1941 to 1944. It characterizes the everyday survival practices of people during punitive operations by the Nazis. The region under consideration was distinguished by significant resistance to the German occupiers. The occupation authorities responded to partisan actions by carrying out numerous punitive operations, during which the civilian population was either completely destroyed or taken as forced labor to be sent to Germany. As a result, residents, in order to escape the punishers, were forced to flee to the forests and spent many months in forest camps, deprived of practically everything necessary. They were forced to adapt to the situation and develop specific practices that allowed them to find food, build shelter, and survive in extreme conditions.

Keywords: occupation, punitive operations, everyday life, survival, oral history.

УДК 39(476-22)(091)+316.343:63-051(476)(091)

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-84-87

ЖЫЦЦЁВЫЯ СТРАТЭГІІ ВЯСКОВАГА НАСЕЛЬНІЦТВА ПАЎНОЧНАЙ БЕЛАРУСІ Ў ПАСЛЯВАЕННЫ ПЕРЫЯД¹

канд. гіст. навук, дац. А.В. СУМКО

(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9940-0236>

Разглядаюцца стратэгіі вясковага насельніцтва Паўночнай Беларусі ў складаны перыяд пасляваеннага аднаўлення. У якасці крыніц выступілі як архіўныя дакументы, так і матэрыялы вуснай гісторыі. Фіксацыя на паўсядзённым жыцці дазволіла вызначыць асноўныя жыццёвыя стратэгіі – на аснове пастаўленай мэты (стратэгіі выжывання і адаптацыі) і на форме яе рэалізацыі. Выбар стратэгіі вызначалі сацыяльныя і жыццёвыя рэсурсы, магчымасць іх выкарыстання.

Ключавыя словы: пасляваенная вёска, вусная гісторыя, Паўночная Беларусь, жыццёвыя стратэгіі, стратэгія выжывання, стратэгія адаптацыі.

Уводзіны. Аналіз архіўных дакументаў і наяўных палявых матэрыялаў дазваляе ў межах пасляваеннай Паўночнай Беларусі даследаваць стартавыя ўмовы пасляваеннага аднаўлення, узровень дабрабыту вясковага насельніцтва ў канкрэтным раёне. Фіксацыя ўвагі на паўсядзённым жыцці дазваляе ўбачыць асноўныя стратэгіі, якія выбіралі вяскоўцы пад уплывам пэўнай сітуацыйнай абумоўленасці. Можна вылучыць наступныя акалічнасці, што вызначалі спектр магчымых сацыяльных дзеянняў вяскоўцаў пры неспрыяльнай жыццёвай сітуацыі па аднаўленні ці паляпшэнні ўласнага сацыяльна-эканамічнага стану ў пасляваенны час:

- размяшчэнне населеных пунктаў у “зоне бедства” (вёскі, знішчаныя ў выніку карных экспедыцый і ваенных дзеянняў) ці “зоне адноснай стабільнасці” (ступень разбурэння нязначная ці ўвогуле адсутнічала);
- калектывізаваны раён ці адзінаасобны сектар;
- спецыфіка ландшафта і магчымасць выкарыстання прыродных рэсурсаў;
- месцараспаляжэнне населеных пунктаў (паблізу ці ўдалечыні ад горада/ваеннага гарадка/буйнога мястэчка/чыгуначных станцый).

Спецыфіка абранага рэгіёна ў тым, што ён прадстаўляе дзве мадэлі сістэмы жыццезабеспячэння ў пасляваенны аднаўленчы перыяд, якія могуць быць транспарэнтнымі для ўсёй Беларусі. Справа ў тым, што Паўночная Беларусь уключала раёны з рознымі тыпамі сацыяльна-эканамічнага ўкладу (раёны з перавагай аднаасобных гаспадарак і цалкам калектывізаваныя раёны). У Полацкую вобласць, утвораную ў 1944 годзе, акрамя раёнаў з калгасна-саўгаснай сістэмай, уваходзілі так званыя “заходнія раёны”, якія з 1921 па 1939 год адносіліся да Польскай рэспублікі (Браслаўскі, Відзаўскі, Глыбоцкі, Дзісенскі, Докшыцкі, Дунілавіцкі, Міёрскі, Пліскі і Шаркаўшчынскі), дзе ў першыя пасляваенныя гады пераважалі аднаасобныя гаспадаркі. Дадзеную акалічнасць неаднаразова падкрэслівала кіраўніцтва Полацкай вобласці: “Сельское хозяйство Полоцкой области имеет некоторую специфичность – она объединяет районы неоднородного социально-экономического уклада: имеются районы полностью коллективизованные и районы, где преобладает единоличное хозяйство. Это усложняет руководство” [1, л. 74.]

Мэта: на падставе аналізу матэрыялаў вуснай гісторыі і архіўных дакументаў вызначыць і прааналізаваць жыццёвыя стратэгіі, якія выбіралі вясковае насельніцтва пад уплывам пэўнай сітуацыйнай абумоўленасці.

Асноўная частка. Паняцце “жыццёвая стратэгія” не мае адназначнага тлумачэння. Аднак асноўнымі элементамі “жыццёвай стратэгіі” з’яўляюцца вызначэнне жыццёвай мэты і спосаб яе рэалізацыі. Аналіз архіўных дакументаў і наяўных палявых матэрыялаў, якія датычаць вясковай паўсядзённасці Паўночнай Беларусі ў паваенны час, дазваляе зрабіць выснову, што жыццёвыя стратэгіі паваеннага часу былі двух асноўных тыпаў:

1. Стратэгія на падставе пастаўленай мэты: стратэгія выжывання і стратэгія адаптацыі.

Стратэгія выжывання характэрна для сацыяльна-дэмаграфічных груп з невялікім жыццёвым і сацыяльным рэсурсам, невысокім статусам і пагаршаючымся матэрыяльным становішчам. Пад стратэгіяй выжывання разумеецца сукупнасць спосабаў і форм адаптацыі ва ўмовах неспрыяльнай жыццёвай сітуацыі з мэтай забяспечыць базавыя ўмовы жыццезабеспячэння (элементарнае фізіялагічнае выжыванне сялянскай сям’і). Дадзеная стратэгія рэалізавалася пераважна насельніцтвам, якое пражывала ў раёнах, аднесеныя па выніках Вялікай Айчыннай вайны да найбольш пацярпелых, інакш кажучы, знаходзілася ў “зоне бедства”. Згодна з дакументамі, якія захоўваюцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь, такі статус мелі 36 раёнаў [2]. З іх 13 раёнаў адносіліся да тагачасных Віцебскай і Полацкай абласцей: Асвейскі, Ветрынскі, Дрысенскі, Полацкі, Расонскі, Ушацкі, Гарадоцкі, Дубровенскі, Сіроцінскі, Суражскі, Чашніцкі, Лёзненскі, Мехоўскі [2, л. 10]. Насельніцтва адзначаных раёнаў знаходзілася ў вельмі складаных умовах: “...на момант вызвалення пасяўныя плошчы складалі не больш 27% к 1940 году, коней засталася 13%, у асабістым карыстанні калгаснікаў хатняй жывелы

¹ Артыкул падрыхтаваны ў рамках прасекта БРФФД “Стратэгіі выжывання і адаптыўныя практыкі вясковага насельніцтва Паўночнай Беларусі ў пасляваенны перыяд”, дамова № Г23ИП-037.

засталося 14% к даваеннай колькасці. Насельніцтва галадала, мелася вялікая колькасць знясіленых...” [2, л. 29]. Неабходна адзначыць, што паваянныя калгасы мелі вельмі абмежаваныя рэсурсы для дапамогі насельніцтву. Пры значным скарачэнні матэрыяльных і працоўных рэсурсаў, калгаснае кіраўніцтва перш за ўсё павінна было забяспечыць неабходны ўзровень вытворчасці сельскагаспадарчай прадукцыі для дапамогі фронту і аднаўленчых працаў. Матэрыялы Занальнага дзяржаўнага архіва горада Полацка дазваляюць больш дэталёва вызначыць не толькі матэрыяльны ўзровень жыцця вясковага насельніцтва Паўночнай Беларусі, пераважна ўсходніх калектывізаваных раёнаў, але і зразумець выбар паваянных жыццёвых стратэгий. Інфармацыйна грунтоўнымі з’яўляюцца справядачы мясцовых органаў улады пра пасляваенную рэчаіснасць. Так, расонскі райвыканкам паведамляў пра наступнае: “Из 16 сельсоветов Россонского района в 10 полностью сожжены и уничтожены все общие постройки и личные дома колхозников, сельскохозяйственный инвентарь, уничтожен скот. Из 38 000 населения до войны в районе осталось 17 508. Остальные уничтожены или угнаны. Посевы в 1944 году не производились. ...население скрывалось в лесах от немцев 9 месяцев, т.е. до 12 июля 1944 г. После освобождения и возвращения – пепел. После освобождения всего района скота в личном пользовании – 600 голов. Мелкого скота и птицы не было. Всё население в исключительно тяжелых условиях. Стали восстанавливаться. Приобретать скот в западных районах за последнюю одежду и другие предметы, на 3-5 хозяйств коллективно покупали коров, птицу” [3, л. 13]. Нягледзячы на тое, што гаротны стан насельніцтва ў першыя паваянныя гады фіксуецца рэгіянальнымі матэрыяламі вуснай гісторыі па ўсёй тэрыторыі Паўночнай Беларусі, цяжкая паваянная сітуацыя Расоншчыны адклалася ў народнай памяці вяскоўцаў з іншых раёнаў адметна: “Самалёт ляціць – з боку фортакі, а расонцы ідуць – з заду торбачкі” [4].

Сучасныя даследаванні і матэрыялы вуснай гісторыі дазваляюць дэталізаваць і пашыраюць тэрыторыю, якую можна аднесці да “зоны бедства”. Стратэгія выжывання была распаўсюджана сярод насельніцтва, якое вярталася на месца цалкам знішчанага вёскі і спрабавала вырашыць праблемы элементарнага жыццезабеспячэння. У якасці прыклада можна прывесці ўспамін жыхаркі Лепельскага раёна пра вяртанне дамоў, у спаленую вёску Стайск Слабадскога сельсавета: “Так спалілі... былі калодцы, былі бярозы...нічога – усё роўна зямлі. Нічога не асталося! Толькі попел. Печы стаялі адны...Усё згарэла. Як было 30 з лішнім двароў – усё спалілі. Прыйшлі – во што надета. Дождь пройдзець. Сніміи, выкруціи і апяць надел. А як жыць? Тады пайшлі па родствеікам, хто куды...” [5]. Людзі капалі землянкі, жылі ў непрыстасаваных для пражывання памяшканнях, а таксама па некалькі сямей у адной хаце. Якасць часовай забудовы і працягласць яе выкарыстання залежала ад магчымасцей той ці іншай вясковай сям’і: “А пасля вайны мы сталі землянку капаць. У землянцы жылі, наверна, гады тры ці болей, а тады сталі строіцца – мама, мужчыны ж не было – дзве бабы... Бацька пайшоў да вайны ў армію і тым годам далжон быў прыйсці, а тут вайна пачалася. Ён і пагіб у вайну.” [6]. Надзённай праблемай у першы год пасля вызвалення з’яўлялася адсутнасць базавых прадуктаў харчавання: “Есць жа нечага было. ...агарода не пахалі. ...нічога не было **мы дабывалі яду**. Сабіралі, вясной рана, шніць у кустах, тады крапіўка падрасла – тады крапіву сабіралі, тады шчавель сабіралі. Гэта ўсё варылася і хлебалі, ні хлеба ні было, ні мукі, ні крупы – адна трава...” [7]; “Прыйшлі – нідзе нічога. Усё ж памешана, паблочана. Ні зерна, нічога. Травы, тады з бабушкай хадзілі – картошка дзе якая засталася на полі... Усю траву. Ела і я шнітку – няўкусна, але ж есць дужа хацелася...” [8].

У складанай жыццёвай сітуацыі знаходзіліся сем’і, якія засталіся без бацькі і мелі абмежаваныя рэсурсы для аднаўлення. Ва ўспамінах рэспандэнтаў пра пасляваенную рэчаіснасць наяўнасць мужчыны ў сям’і асацыявалася з перспектывай хуткага аднаўлення “...так самі яны строілі, так у іх мужыкі былі – бацькі былі, так ...а наш бацька не вярнуўся і мы жылі очэнь бедна” [9]. Безумоўна, сацыяльная дапамога сем’ям, якія засталіся без бацькі ці апынуліся ў вельмі неспрыяльных жыццёвых абставінах, з боку дзяржавы прадугледжвалася, але трэба ўлічваць складанасці паваянных гадоў, час на падрыхтоўку дакументаў, падцвярджаючых факты таго, што бацька быў у партызанах, ці адносіўся да ліку ваеннаслужачых і загінуў і г.д. І тут трэба асобна ўзгадаць такую катэгорыю сямей, дзе бацькі былі абвінавачаны ў калабарацыйнізме. Гэтыя сем’і атрымлівалі дапамогу ў апошнюю чаргу ці не атрымлівалі ўвогуле. Неабходна адзначыць, што інфармацыі па гэтым пытанні вельмі мала, ёсць невялікая колькасць архіўных дакументаў (пратаколы, дзе разбіраліся пытанні дапамогі, і рашэнні мясцовых органаў улады) і адзінкавыя ўспаміны рэспандэнтаў. Тым не менш, наяўныя крыніцы даюць магчымасць вылучыць такія сем’і ў асобную катэгорыю і зрабіць выснову пра тое, што яны былі абмежаваны ў выкарыстанні ўсіх наяўных рэсурсаў таго часу і вымушаны былі змагацца за выжыванне самастойна.

Выбар стратэгіі вызначалі сацыяльныя і жыццёвыя рэсурсы (мабілізацыя асабістых рэсурсаў і рэсурсаў прыроднага ландшафту), магчымасць іх аптымальна выкарыстоўваць. У паваянныя гады насельніцтва, якое пражывала ў населеных пунктах, дзе ступень разбурэння была нязначная ці ўвогуле адсутнічала, з аднаго боку мела лепшыя стартавыя ўмовы для аднаўлення, але з другога – пасляваенная рэчаіснасць была стрэсагеннай для насельніцтва, адрознівалася ад звычайных умоў жыццядзейнасці і вымушала выпрацоўваць адмысловую адаптацыйную мадэль узаемадзеяння са структурнымі элементамі стрэсагеннай сітуацыі.

Стратэгія адаптацыі – гэта адмысловая рэакцыя на стрэсагенную сітуацыю, якая прадугледжвала выбар адаптыўных практык, магчымасць пераразмяркоўваць жыццёвыя і сацыяльныя рэсурсы з мэтай дасягнуць аптымальнага ўзроўню жыццезабеспячэння. Стратэгія адаптацыі практыкавалася пераважна ў раёнах з аднаасобнымі гаспадаркамі (Браслаўскі, Відскі, Глыбоцкі, Дзісенскі, Докшыцкі, Дунілавіцкі, Мёрскі, Пліскі і Шаркаўшчынскі) і калектывізаванымі раёнамі, якія знаходзіліся ў зоне адноснай стабільнасці. З большага стратэгія адаптацыі

насіла кампрамісны характар. Як паказвае аналіз архіўных дакументаў і матэрыялаў вуснай гісторыі, ва ўмовах неспрыяльных жыццёвых абставін пераважалі рацыяльныя паводзіны, а прадстаўленні пра сацыяльную справядлівасць пэўным чынам трансфарміраваліся. Калі была магчымасць і ва ўмовах, калі “як-бы не заўважалі” і законы не парушаліся адкрыта, адбывалася ўхіленне ад выканання пэўных абавязкаў на карысць тых, якія прыносілі рэальны прыбытак (асабліва гэта было характэрна для сялян-калгаснікаў, якія не выпрацоўвалі ні працадзён, за якія амаль нічога не плацілі), самавольна пераразмяркоўваўся зямельны фонд, распрацоўваліся “маршруты” абыходу афіцыйных норм і правіл, павялічвалася доля “незаконных” паступленняў і г.д. У выніку законнымі ці незаконнымі метадамі, але адбываецца павольнае нарошчванне дабрабыту. Гэта было характэрна як для сялян-аднаасобнікаў з заходніх раёнаў рэгіёна, так і для сялян-калгаснікаў, уключаных у калгасна-саўгасную сістэму ў міжваенны перыяд. Сітуацыя для першых ускладнілася, калі ў канцы 1940-х гадоў быў узяты курс на паскораную калектывізацыю і колькасць аднаасобных гаспадарак стала рэзка скарачацца. Да сакавіка 1950 года Браслаўскі і Докшыцкі раёны амаль завяршылі калектывізацыю. У 1955 г. у Віцебскай вобласці (Полацкая вобласць была скасавана ў 1954 годзе) ўжо не было аднаасобных сялянскіх гаспадарак.

Неабходна адзначыць, што іншы раз складана вызначыць выразную мяжу паміж стратэгіяй выжывання і стратэгіяй адаптацыі. Вялікае значэнне мелі такія фактары, як ступень разбуранасці мясцовасці, тэмпы аднаўлення, наяўнасць працаздольных членаў сям’і і магчымасць апрацоўваць зямлю, месца ў сацыяльнай структуры грамадства, сацыяльны клімат у вясковай грамадзе. Акрамя гэтага, у цяперашні час фактычна агульнапрынятым з’яўляецца ўяўленне аб тым, што “паводзіны вызначае не сітуацыя, якая можа быць апісана “аб’ектыўна” або па ўзгодненым меркаванні некалькіх назіральнікаў, а сітуацыя, як яна падаецца суб’екту, як яна існуе для яго” [10].

2. Стратэгіі па форме рэалізацыі мэты (у залежнасці ад мэтанакіраванасці) былі прадстаўлены наступнымі:

– *вяртанне да натуральнай гаспадаркі*, якая дазваляла дасягнуць пэўнай ступені гаспадарчай аўтаномнасці і ў залежнасці ад запатрабаванняў сям’і праз абмен рэсурсамі забяспечыць сябе неабходнымі прадуктамі харчавання, сыравінай, адзеннем і прадметамі паўсядзённага жыцця. Гэта было характэрна як для сялян-аднаасобнікаў, так і для сялян-калгаснікаў, прысядзібная гаспадарка якіх у другой палове 1940-х гадоў іншы раз валодала вызначальна большым эканамічным патэнцыялам, чым праца ў калгасе. Факт павелічэння ролі прысядзібнай гаспадаркі сялян-калгаснікаў у ваенны і пасляваенны час выклікаў прапановы сярод гісторыкаў перагледзець эканамічнае значэнне асабістай прысядзібнай гаспадаркі і яе дапаможны статус адносна калгаснай вытворчасці [11, с. 45]. Натуральныя даходы ад сваёй асабістай гаспадаркі сяляне атрымлівалі ў асноўным у выглядзе прадуктаў раслінаводства і жывёлагадоўлі, а таксама ад палявання, рыбалоўства, збіральніцтва і некаторых саматужных промыслаў;

– *жабрацтва* – прашэнне міласціны давала магчымасць не толькі пазбегнуць галоднай смерці, але і атрымаць рэсурсы для аднаўлення асабістай гаспадаркі. Жабраваць хадзілі ў раёны, якія найбольш ацалелі пасля вайны, а таксама па раёнах, дзе пераважаў адзінаасобны сектар. Праз уласны досвед ці абмен вопытам выпрацоўваўся пэўны алгарытм, які забяспечваў эфектыўнасць жабрацкай практыкі, бо мадэлі паводзін выбіраліся з улікам асаблівасцей успрымання тых, да каго жабракі звярталіся [12];

– *адыходніцтва*, якое ў сувязі са зменамі ладу жыцця ў перыяд пасляваеннага аднаўлення мэтазгодна вылучыць у асобны від стратэгіі, так як яно стала вельмі адрознівацца ад традыцыйнага промысла XIX – пачатку XX стагоддзяў, бо змянілася паўсядзённая спецыфіка і выкарыстоўваліся іншыя практыкі, асабліва ва ўмовах калгаснага ладу. Адыходніцтва ў пасляваенныя гады практыкавалася пераважна працаздольным насельніцтвам, дазваляла атрымаць рэсурсы для аднаўлення гаспадаркі і дасягнення пэўнага ўзроўню дабрабыту з аднаго боку; але з другога мела патэнцыяльна небяспечныя наступствы, у першую чаргу, для сялян-калгаснікаў і магла прывесці да змены сацыяльнага статусу;

– *нетыповыя формы эканамічнай і гандлёвай актыўнасці сялян* дазвалялі атрымаць грошы, неабходныя для набыцця тых прадуктаў і прамысловых тавараў, што нельга было вырабіць у межах сваёй гаспадаркі, а таксама для ўплаты падаткаў і пакупкі аблігацый дзяржаўных займаў (па падліках расійскіх даследчыкаў, у 1944 годзе ўплата падаткаў і набыццё аблігацый складалі больш чвэрці ўсіх грашовых выдаткаў сялянскай сям’і [11, с. 85]);

– *выкарыстанне дзіцячай працы* (ступень выкарыстання і практыкі адрозніваліся і залежалі ад узроўню жыцця канкрэтнай сям’і).

Вызначэнне дадзеных відаў стратэгіі мае істотную геаграфічную дэтэрмінаванасць. Трэба адзначыць, што адна сям’я магла выкарыстоўваць адначасова розныя стратэгіі: вяртанне да натуральнай гаспадаркі, практыкаваць жабрацтва ці адыходніцтва, пашыранае выкарыстанне дзіцячай працы і г.д.

Заклучэнне. Фіксацыя на паўсядзённым жыцці дазволіла вызначыць асноўныя жыццёвыя стратэгіі – на аснове пастаўленай мэты (стратэгіі выжывання і адаптацыі) і па форме яе рэалізацыі. Выбар стратэгіі вызначалі сацыяльныя і жыццёвыя рэсурсы, магчымасць іх выкарыстоўваць. Уплыў мелі такія фактары, як ступень разбурання мясцовасці і лакацыя населенага пункта, наяўнасць працаздольных членаў сям’і, месца ў грамадскай іерархіі, сацыяльны клімат у сельскім соцыуме. Адна сям’я магла рэалізоўваць адначасова розныя стратэгіі. Як паказвае аналіз матэрыялаў вуснай гісторыі, ва ўмовах неспрыяльных жыццёвых абставін пераважалі рацыянальныя паводзіны, а прадстаўленне пра сацыяльную справядлівасць пэўным чынам трансфармавалася.

ЛІТАРАТУРА

1. Занальны дзяржаўны архіў горада Полацка (далее – ЗГА г. Полоцка). – Ф. 1974. Воп. 1. Спр. 118.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 4-п. Воп. 29. Спр. 267 – О положении в наиболее пострадавших от немецкой оккупации районов Белоруссии.
3. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 1093. Воп. 1. Спр. 9.
4. Архіў Цэнтра вуснай гісторыі і палявых даследаванняў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай: (Запісана аўтарам (ЗА) ў 2021 г.), Ж., 1937 г.н., в. Качаны Верхнядзвінскі р-н.
5. Архіў Цэнтра вуснай гісторыі і палявых даследаванняў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай: (ЗА ў 2022 г.), Ж., 1936 г.н., в. Багданава Сенненскі р-н.
7. Архіў Цэнтра вуснай гісторыі і палявых даследаванняў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай: (ЗА ў 2023 г.), Ж., 1938 г.н., в. Малая Пушча Полацкі р-н.
8. Архіў Цэнтра вуснай гісторыі і палявых даследаванняў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай: (ЗА ў 2021 г.), Ж., 1936 г.н., в. Басяныя Міёрскі р-н.
9. Архіў Цэнтра вуснай гісторыі і палявых даследаванняў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай: (ЗА ў 2023 г.), Ж., 1936 г.н., в. Большое Жэжліна Лепельскі р-н.
10. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Трансактны падход к изучению стрессовых ситуаций в профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. – 2008. – Вып. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transaktnyy-podhod-k-izucheniyu-stressovyh-situatsiy-v-professionalnoy-deyatelnosti>. (дата обращения: 06.11.2023).
11. Мамяченков В.Н. Роковые годы: Материальное положение колхозных крестьян Урала в послевоенные годы (1946–1960). – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 312 с.
12. Сумко А.В. Пасляваеннае жабрацтва ў дыскурсе вуснай гісторыі Віцебшчыны // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки. – 2020. – № 9. – С. 142–147.

Паступіў 09.12.2023

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ БЕЛАРУСИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

канд. ист. наук, доц. Е.В. СУМКО

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

Рассмотрены стратегии сельского населения Северной Беларуси в сложный период послевоенного восстановления. В качестве основных источников – архивные документы и материалы устной истории. Фиксация на повседневной жизни позволила определить основные жизненные стратегии – исходя из поставленной цели (стратегии выживания и адаптации) и формы и способа ее реализации. Выбор стратегии определялся социальными и жизненными ресурсами, возможностью их использования.

Ключевые слова: *послевоенная деревня, устная история, Северная Беларусь, жизненные стратегии, стратегия выживания, стратегия адаптации.*

LIFE STRATEGIES OF THE RURAL POPULATION OF NORTHERN BELARUS IN THE POST-WAR PERIOD

E. SUMKO

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The strategies of the rural population of Northern Belarus during the difficult period of post-war reconstruction are considered. The sources included both archival documents and oral history materials. Fixation on everyday life made it possible to determine the main life strategies - based on the goal (strategy of survival and adaptation) and the form and method of its implementation. The choice of strategy was determined by social and life resources and the possibility of using them.

Keywords: *post-war village, oral history, Northern Belarus, life strategies, survival strategy, adaptation strategy.*

УДК 811.16:32.001(470+571)

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-88-91

РУССКИЙ И БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫКИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОСВЯЗИ

В.В. ТЕРЕНТЬЕВ

(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

В статье анализируются некоторые аспекты расширения сферы употребления русского языка на территории Белорусской ССР во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х годов.

Автором делается предположение, что особое отношение к русскому языку при сохранении внимания к другим языкам обуславливалось необходимостью иметь реальную основу, из которой в будущем мог бы вырасти единый советский народ с единым языком.

Ключевые слова: СССР, БССР, русский язык, белорусский язык, «многонациональный советский народ», национальная политика, Всесоюзная перепись населения.

Введение. В послевоенные десятилетия взаимоотношения между этническими общностями в БССР оставались довольно взвешенными и умеренными. Политика в области национальных отношений, проводившаяся в СССР, в послевоенные десятилетия в общих чертах совпадала с национальной политикой предвоенного периода. Это проявлялось и в борьбе с националистическими проявлениями, и в расширении сферы употребления русского языка [1, с. 150]. Анализируя языковую политику в СССР во второй половине прошлого столетия, Д.В. Руднев устанавливает следующие причины широкого распространения русского языка: «...централизация управления страной требовала выбора в пользу одного из языков, который должен был служить средством межнационального общения в многонациональной стране; единый язык был необходим и для успешного развития науки. Единый язык требовался для успешного управления армией и флотом. Все это создавало предпосылки для повышения в советском обществе роли русского языка. Вместе с тем Советское государство не отказывалось от провозглашенных после 1917 года лозунгов о равноправии языков» [2, с. 120].

Доминирующее значение русского языка в СССР было закреплено на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза. На нем говорилось о том, что в СССР нет никаких препятствий для развития национальных языков, но при этом их развитие должно вести не к усилению национальных перегородок, а к сближению наций. Такая диалектика предполагала, что национальные языки и культуры должны иметь достаточно ограниченный характер, а объединяющим все народы и культуры СССР может быть один язык.

Конституция СССР 1977 года гарантировала права «пользоваться родным языком и языками других народов СССР», «обучения в школе на родном языке»¹. Однако обычно население выбирало обучение именно на русском языке, прежде всего исходя из прагматической коммуникации: в случае переезда в другой регион, получения высшего образования. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, выступая на международной конференции «Русский язык – язык дружбы и сотрудничества народов СССР», так охарактеризовал значение русского языка: «В условиях развитого социализма, когда экономика нашей страны превратилась в единый народнохозяйственный комплекс, возникла новая историческая общность – советский народ, объективно возрастает роль русского языка как языка межнационального общения в строительстве коммунизма, воспитании нового человека» [3, с. 34].

Основная часть. Использование русского языка в качестве языка межнационального общения в СССР не означало ущемления прав проживающих в Советском Союзе народов на свою самобытную культуру. В данном контексте остановимся на основных историко-социальных фактических документах, подтверждающих использование в государственной и бытовой коммуникации русского языка как средства общения в БССР. В публикациях конца 1970-х годов отмечалось, что «...до 1939 года на территории нынешних Гродненской и Брестской областей существовали в основном начальные школы, обучение велось на польском языке. За попытку открыть белорусскую школу «виновным» грозила тюрьма. Почти 50 процентов населения было неграмотным. <...> В 1978 – 1979 учебном году на Брестчине и Гродненщине обучалось более полумиллиона человек, из них в пяти высших учебных заведениях – 16 тысяч и в средних специальных – 40 тысяч человек. Растет число специалистов высшей квалификации. Если, например, к 30-летию воссоединения Западной Белоруссии с БССР в Гродно было 13 докторов и 215 кандидатов наук, то сейчас [в 1979 г. – В.Т.] их соответственно – 30 и 328. <...> в Гродно открыт государственный университет, который готовит физиков, математиков, историков, правоведов, филологов» [4, с. 61–62].

Распространение русского языка в БССР не ограничивало возможностей развития белорусского языка. Об этом периоде не без основания в своих воспоминаниях И.И. Антонович констатировал тот факт эпохи П.М. Машерова, которая, по мнению автора, «представляет собой апогей развития национальной культуры Белоруссии XX века. До этого не издавалось столько книг белорусских писателей и поэтов, не писалось столько великолепной музыки, не открывалось новых театров, высших учебных заведений, других центров культуры» [5, с. 194]. Так, например, если в 1965 г. годовой тираж газет на белорусском языке составлял 176 млн. экземпляров, то в 1970 г. он

¹ URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/.

вырос до 243 млн. экземпляров, а в 1975 г. – до 281 млн. экземпляров. Также поступательно росли тиражи и журналов на белорусском языке (1965 г. – 7,2 млн. экземпляров, 1975 г. – 11 млн. экземпляров) [5, с. 341]. Многие произведения русских классиков и советских писателей были переведены на белорусский язык и изданы большими тиражами республиканским издательством. В свою очередь, произведения многих белорусских писателей, поэтов и ученых были переведены на русский язык и изданы в Москве, Ленинграде, в других городах СССР [6, с. 507].

Сохранение белорусского языка и дальнейшее развитие белорусской культуры находилось на постоянном контроле ЦК КПБ. Только за 1966 г. выходят постановления «О работе Белорусского государственного академического драматического театра им. Я. Купалы», «Об улучшении музыкального образования и подготовки музыкальных кадров в республике», «Об улучшении воспитательной и пропагандистской работы музеев республики», «Об опыте проведения массовых народных праздников в республике». Это, безусловно, совершенствовало как систему подготовки национальных кадров, так и укрепляло материальную базу, повышало роль учреждений культуры и искусства, популяризировало национальные праздники, традиции белорусского народа во всех административных единицах. При поддержке П.М. Машерова в 1978 г. на Втором общесоюзном канале создается белорусское телевидение, где большинство программ было на родном языке. Что касается некоторого сокращения в данный период числа школ, в которых образование осуществлялось на белорусском языке, то оно было связано с уменьшением числа родителей, желающих предоставить детям образование на белорусском языке: «В начале 1980-х годов. была лишь одна белорусская полная средняя школа (в то время как в 1927 году в белорусских школах училось 90 процентов детей)» [2, с. 125]. При этом «... дело не шло о насильственной русификации властей – русификация шла скорее снизу: в связи со значительной близостью восточнославянских языков русский язык как более престижный вытеснял белорусский и украинский языки, воспринимавшиеся не только русскими, но и носителями этих языков, как языки деревенские» [2, с. 125]. Все же необходимо отметить и тот факт, что такие школьные предметы, как «белорусский язык» и «белорусская литература» во всех учреждениях общего среднего образования являлись обязательными. Такая же ситуация была и в высших учебных заведениях. Таким образом, «повышение статуса русского языка в советском обществе приводило к тому, что он начинал обладать в глазах населения престижностью. Родители, желавшие успешной карьеры своему ребенку, делали все, чтобы тот овладел русским языком. Как следствие, происходит сознательный отказ части населения от своего языка как языка малопrestiжного» [2, с. 121].

Владение русским языком как языком межнационального общения народов СССР было более важно, чем владение языком союзной республики по ряду причин, отмеченных нами выше. Так, по данным Всесоюзной переписи 1979 г. из 1 385 372 человек, проживавших в Витебской области, было 1 133 027 белорусов, из которых 719 335 свободно владели русским языком. Из проживавших в области 187 016 русских только 54 739 свободно владели белорусским языком². Известный языковед В.В. Иванов считал, что, изучая влияние русского языка на национальные языки народов Советского Союза, нужно «иметь в виду два аспекта этой проблемы, а именно социолингвистический, связанный с функционированием русского языка как средства межнационального общения, и аспект собственно лингвистический, связанный с влиянием русского языка на языки народов СССР» [7, с. 3]. В этот период учеными были сформулированы и признаки русского языка как языка межнационального общения народов СССР: К таким признакам были отнесены 1) территориальность, так как русский язык используется на всей территории Советского Союза представителями разных национальностей и языковой принадлежности; 2) параллельность изучения. Так, в БССР русский язык изучался в национальной школе параллельно с белорусским, хотя в этот период говорить о равноправии двух языков не приходится (преобладание количества часов в пользу русского языка, изучение белорусского со 2-го класса и проч.); 3) лингвистическая характеристика, определяемая основной коммуникативной функцией русского языка как межнационального общения. При этом коммуникация на русском языке может осуществляться лишь в том случае, если у всех овладевающих данным языком будут в одинаковой степени сформированы речевая и языковая компетенции (владение знаниями, умениями, навыками уровней языковой системы, использование языковых средств в речевой практике).

Представители творческой интеллигенции советской Белоруссии обращали особое внимание и на значение русского языка как мирового. Для всех народов СССР русский язык являлся одним из могущественных средств интернационализации всей жизни страны.

Процесс придания русскому языку роли межнационального представлял собой процесс динамический, поступательный и целенаправленный. Однако, по утверждению В.В. Шимова, «... в рамках СССР белорусы оформились как особая этнополитическая общность с выраженным самосознанием. В то же время формирование этой общности происходило отнюдь не по рецептам языкового национализма: оформление «белорусскости» сопровождалось массовой языковой русификацией. Белорусский язык не стал языком «высокой» городской культуры, маркируя белорусскую «особость» на сугубо символическо-декларативном уровне» [8, с. 107]. Все это позволяет определить основные факторы языковой политики этого периода, определившие положение в БССР русского языка как языка межнационального общения. К ним мы отнесем два основных – интенсивную урбанизацию в Беларуси (отметим, что она была одна из самых сильных не только в СССР, но и в мире) и развитие массовой коммуникации, в первую очередь «центральной» (генерируемой в Москве).

² Государственный архив Витебской области (ГАВо). – Ф. 1974. Оп. 11. Д. 154. Л. 35.

Интересным для научного осмысления представляется нам сопоставление данных двух переписей населения по национальному составу и языковым предпочтениям. Выше нами были приведены данные переписи населения за 1979 г. Для исследуемого нами периода мы проведем сравнительный анализ с переписью 1989 г. Приведем данные в таблице³.

Таблица. – Национальный состав населения БССР по переписи 1989 г.; численность и процент лиц, считающих белорусский или русский языки своим родным языком или языком, которым они свободно владеют

Общая численность населения БССР – 10151806, в т.ч.	Родной язык		Язык, которым свободно владеют (второй язык)	
	белорусский	русский	белорусский	русский
белорусы 7904623	6341410 (= 80,22%)	1559832 (= 19,73%)	749367 (= 9,48%)	4776120 (= 60,42%)
русские 1342090	29885 (= 2,22%)	1311043 (= 97,68%)	328633 (= 24,48%)	23870 (= 1,77 %)
поляки 417720	266790 (= 63,86%)	94240 (= 22,56%)	74391 (= 17,80%)	186855 (= 44,73%)
украинцы 291008	17016 (= 5,84%)	141745 (= 48,70%)	30348 (= 10,42%)	120595 (= 41,44%)
евреи 11883	2388 (= 2,13%)	100739 (= 90,03%)	30899 (= 27,61%)	9647 (= 8,62%)

Данные свидетельствуют о парадоксальной языковой ситуации в Беларуси, которая заключалась в том, что основным языком большинства жителей республики, в том числе белорусов, служил русский, вместе с тем свыше 80% белорусов и 65% всего населения считали (называли) своим родным языком белорусский. Поэтому здесь уместно будет привести цитату Н.Л. Балич и И.Н. Харитоновна из «Социологического альманаха», которые также констатируют, что «основное отличие белорусов от русских, украинцев и поляков – более редкое использование национального языка в быту и повседневной жизни, меньший интерес к его изучению. Несомненно, в будущем потребуется ряд мер, призванных популяризировать белорусский язык, прежде всего среди молодежи, для сохранения лингвистического наследия и культуры белорусов» [9, с. 149].

Интересными представляются и результаты опроса, приведенного в вышедшем в 1986 г. в Минске межведомственном сборнике «Русский язык»: «Из 3000 информантов 2330 ответили, что владеют русским языком в достаточной для общения степени. В том числе так ответили 11 процентов информантов, не имеющих систематического образования (I условная группа). 56 процентов информантов с образованием от четырех до семи классов (II группа) ответили, что во всех случаях общения (дома, на работе, на собраниях и в местах отдыха) пользуются белорусским языком, 14 процентов – русским или белорусским в зависимости от возникающих ситуаций, 30 процентов – русским языком. Из числа информантов, имеющих среднее образование (III группа), 48 процентов владеют и пользуются русским и белорусским языками в равной степени, 28 процентов во всех ситуациях говорят только на белорусском языке, 24 процента – только на русском. Наконец, в группе информантов, имеющих высшее образование (IV группа), 50 процентов ответили, что в зависимости от ситуации могут свободно пользоваться как русским, так и белорусским языком и 50 процентов практически во всех случаях пользуются русским языком». «На вопрос: «На каком языке Вам удобнее читать?» 42 процента ответили на русском, 28 процентов на белорусском, 30 процентов не видели для себя в этом особой разницы. Писать на белорусском языке предпочитали 6 процентов представителей первой группы и два процента второй» [10, с. 338–339].

Заключение. Делая выводы о роли русского языка как языка межнационального общения во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х годов, можно утверждать, что особая роль русского языка состояла в первую очередь в приобщении населения БССР к политико-экономической и социальной жизни Советского Союза. При этом русский язык служил базисом для формирования духовного мира белорусов, транслировал культурные ценности в том числе и Белорусской ССР, наряду с белорусским, стал неотъемлемой частью национальной духовной культуры белорусского народа.

На современном этапе можно отметить возрастающий интерес к белорусскому языку, его все более широкое применение в Республике Беларусь, при этом не происходит какого-то умаления значения русского языка для жителей Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкин И.А. Роль и значение национальных меньшинств в партийно-советском руководстве Могилёвщины // Романовские чтения: сб. тр. междунар. науч. конф. / под ред. О.В. Дьяченко. – Могилёв: МГУ им. А. А. Кулешова, 2005. – С. 383–389.
2. Руднев Д.В. Языковая политика в СССР и России: 1940–2000 гг. // Государственная языковая политика: проблемы информационного и лингвистического обеспечения. – СПб., 2007. – С. 120–138.
3. Федосеев П.Н. XXVI съезд КПСС и актуальные задачи развития общественных наук // Вестник АН СССР. – 1981. – № 11. – С. 18.
4. Клевченя А., Миско Я. В семье вольной, братской: к 40-летию воссоединения белорусского народа в едином Советском государстве // Коммунист Белоруссии. – 1979. – № 8. – С. 57–62.
5. Петр Машеров. Эпоха и судьба: к 100-летию со дня рождения: сб. ст. и воспоминаний / под ред. С.Л. Кандыбович, О.В. Солопова. – М.: Студия Этника, 2017. – 559 с.

³ Национальный состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М., 1991. – С. 20–21, 88.

6. Братское содружество союзных республик в развитии народного хозяйства СССР (1919–1971 гг.) / ред. М. П. Ким и др. – М.: Политиздат, 1973. – 556 с.
7. Иванов В.В. Русский язык в жизни народов и языков Советского Союза // Вопросы языкознания. – 1978. – № 3. – С. 3–9.
8. Шимов В.В. Белорусы и проблемы «родного языка» // Современная Европа. – 2012. – № 1. – С. 97–107.
9. Балич Н.Л., Харитонов Н.Н. Этническое самосознание и практики национальных общностей Беларуси // Социологический альманах. – 2018. – № 9. – С. 132–149.
10. Вардомацкий Л.М. Особенности функционирования русского языка на территории Витебской области БССР // Русский язык: межвед. сб. – Минск: Университетское, 1986. – Вып. 6. – С. 37–44.

Поступила 26.11.2023

**RUSSIAN AND BELARUSIAN LANGUAGES IN IMPLEMENTATION CONDITIONS
SOVIET NATIONAL POLITICS: DIALECTICS OF RELATIONSHIP**

V. TERYTYEV

(Vitebsk State University named after P.M. Masherov)

The article analyzes some aspects expansion of the scope of use Russian language on the territory of Belarus in the second half of the 1960 s – the first half of the 19870 s.

The author makes assumptions that a special attitude towards the Russian Language while maintaining attention to other Languages, was determined by the need to have a real basis, from which in the future a single Soviet people with a single Language could grow.

Keywords: *USSR, BSSR, Russian Language, Belarusian Language, «multinational Soviet people», national policy, ALL-Union population census.*

УДК 378.1(376)"1953/1958"

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-92-94

ПОЛОЦКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В БССР В 1953–1958 ГГ.

канд. ист. наук, доц. Н.В. ДОВГЯЛО

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье рассматриваются вопросы подготовки специалистов педагогического профиля в Полоцком педагогическом институте в период с 1953 по 1958 год. Основное внимание уделяется проблемам первых лет функционирования учреждения, а также особенностям организации образовательного процесса.

Ключевые слова: история педагогики, БССР, Полоцкий педагогический институт, образовательный процесс.

До конца первой послевоенной пятилетки система высшего педагогического образования в БССР была восстановлена. Для предотвращения перепроизводства учителей, в начале 1950-х гг. была осуществлена реорганизация системы высшего педагогического образования. Учительские институты (учебные заведения, которые готовили учителей для 5–7 классов) на протяжении первой половины 1950-х гг. были упразднены либо реорганизованы в педагогические институты и училища. Ликвидация учительских институтов обострила проблему обеспеченности специалистами педагогического профиля. Несмотря на улучшение качественного состава педагогических кадров (в 1950/1951 уч. г. 30,2%, в 1955/1956 – около 50% учителей БССР имели высшее и неполное высшее образование), обеспеченность школ квалифицированными кадрами в 1950-х гг. являлась недостаточной. Кроме того, сокращение учительских институтов происходило в условиях увеличения потребности в учительских кадрах, вызванного осуществлением перехода к семилетнему обучению и расширением среднего образования [1, с. 31].

Полоцкий государственный педагогический институт был открыт на основании Постановления Совета Министров БССР от 16 февраля 1953 г. № 178 «Об организации Полоцкого педагогического института». Анализ планов работы Совета института, а также отчетов о работе заведения позволяет обозначить те проблемы, с которыми столкнулась администрация учреждения в первые годы своего существования:

Отсутствие необходимой учебной и материальной базы. Институт не имел своего здания, в связи с чем изначально студенты обучались в корпусе Полоцкого педагогического училища в первую или вторую смены. Необходимо отметить, что это приводило к конфликтам с руководством педагогического колледжа (отключение отопления, электроэнергии, репетиции духового оркестра колледжа во время учебных занятий студентов института и т.д.) [2, л. 4]. В 1955–56 уч. г., в связи с большим количеством студентов, занятия проводились также в здании школы № 9 г. Полоцка [3, л. 31]. Только в январе 1956 г. педагогический институт получил свой учебный корпус [3, л. 2]. В отчете об итогах работы учебного заведения за 1953–54 уч. г. обозначались и другие проблемы: «ППИ имел острую нужду в учебной, научной и художественной литературе, учебных пособиях и физических приборах, по зарубежной литературе, по элементарной математике, по истории СССР, психологии, русской литературе, педагогике, новой истории и т.д.» [4, л. 1]. В 1955–56 уч. г. приборы и наглядные пособия были переданы институту из закрытого к тому моменту Молодеченского учительского института [3, л. 2]. Однако в документах по-прежнему зафиксированы просьбы относительно улучшения материальной базы (необходимы были токарный станок по металлу и дереву, стеклодувный и электросварочные станки, спортивный инвентарь (теннисный корт, мотоцикл, лодка) [3, л. 2]. Проводилась активная работа по комплектованию библиотечных фондов. Результаты этой работы отражены в таблице 1.

Таблица 1. – Динамика пополнения книжного фонда библиотеки ППИ

Период	1953–1954	1954–1955	1955–1956	1956–1957	1957–1958
Количество изданий	5 тыс.	14 тыс.	33 тыс.	39, 6 тыс.	46 820

Источник: составлено на основе [2; 3; 5; 6].

Нужно отметить, что во многих педагогических вузах республики практически отсутствовала необходимая мебель, оборудование для учебных кабинетов и лабораторий, наглядные пособия (таблицы, коллекции, макеты, препараты), учебная и художественная литература. Полоцкий педагогический институт не стал исключением в этом плане.

Сложности в организации образовательного процесса. Открытие института непосредственно перед началом учебного года определило проблемы с набором абитуриентов: уровень подготовленности потенциальных студентов был очень слабым, особенно тех, что поступали на физико-математический факультет (отсутствовал конкурс), относительно филологического факультета ситуация была другой, там с первого набора конкурс составлял 3 человека на место [4, л. 25]. Конкурс увеличивался с каждым годом, и в приемную компанию 1955 г. составлял уже в среднем 4 человека на 1 место по институту [3, л. 1]. Отметим, что, несмотря на трудности в организации учебного процесса, студенты серьезно отнеслись к учебе, о чем свидетельствует почти 100% явка на экзаменационные сессии и сравнительно удовлетворительные итоги сдачи экзаменов. На зимней сессии 1953–

54 уч. г. из 207 студентов только 27 человек получили неудовлетворительные отметки, на летней сессии этого же учебного года – 13 человек из 203 [4, л. 12]. За неуспеваемость по итогам обучения на первом курсе ППИ только 5 студентов были отчислены из вуза [4, л. 25].

В Полоцком педагогическом институте действовало два факультета: филологический и физико-математический, на которых в первый год работы института обучалось 208 студентов [7, с. 5]. Основным структурным подразделением института являлась кафедра. Изначально было создано 4 кафедры: кафедра марксизма-ленинизма; кафедра языка и литературы; кафедра физики и математики; кафедра психологии и физического воспитания. В 1954–55 уч. г. функционировало уже 8 кафедр [12, л. 1]: кафедра марксизма-ленинизма; кафедра литературы, кафедра русского и белорусского языков; кафедра физики; кафедра математики; кафедра педагогики и психологии; кафедра физического воспитания; кафедра иностранных языков. В следующем учебном году количество кафедр было сокращено до 6, а затем увеличено до 7. Реорганизация кафедр, скорее всего, была связана с постоянно меняющимся кадровым составом учреждения. Изначально в институте работало 15 преподавателей (2 кандидата наук, 11 старших преподавателей и 2 ассистента). В 1956–57 уч. г. насчитывалось 48 педагогов, в числе которых значилось 9 кандидатов наук. За первый год работы ППИ было подготовлено и защищено 3 кандидатские диссертации. Динамика изменения кадрового состава представлена в таблице 2.

Таблица 2. – Динамика изменения кадрового состава

Показатели в уч. г.	1953–1954	1954–1955	1955–1956	1956–1957	1957–1958	1958–1959
Количество кафедр	4	8	6	7	–	–
Кандидаты наук	2	5	10	11	9	–
Ст. преподаватели	11	–	–	–	–	–
Ассистенты	2	–	–	–	–	–
Всего	15	29	40	48	43	39

Источник: составлено на основе [2; 3; 5; 6].

Планы работы кафедры представляли собой краткое изложение основных направлений деятельности кафедр и состояли из следующих пунктов:

- Состав работников кафедры.
- План заседаний кафедры (в рамках заседаний решались вопросы распределения учебной нагрузки, утверждались рабочие планы преподавателей, распределялось руководство студенческими кружками, закреплялось кураторство, проводилось обсуждение открытых занятий преподавателей кафедры).
- Учебная и методическая работа кафедры (проведение консультаций, коллоквиумов по преподаваемым предметам, студенческой конференции).
- Марксистско-ленинская учеба. Данное направление предполагало вечернее обучение членов кафедры в университете марксизма-ленинизма, а также занятия в философском семинаре университета.
- Научно-исследовательская и научно-популярная работ.
- Общественная и другая работа кафедры (профорориентационные встречи, чтение лекций и проведение занятий для учителей города) [8, л. 21].

Анализ учебных планов специальностей позволяет сделать следующие выводы относительно особенностей организации образовательного процесса.

Несмотря на то, что специальности были педагогическими, в учебных планах присутствовало только несколько общих педагогических дисциплин, в частности «История педагогики», «Педагогика», «Логика». Как отмечает в своем исследовании Г.А. Качан, на специальный цикл в учебных планах отводилось в среднем около 60% общего бюджета учебного времени, на общественно-политический – 10–11%, на педагогический цикл – 3,9–4,4%, на педагогическую практику – 19–22% (подсчитано по учебным планам 1959/60 уч. г., в зависимости от факультета). Оставшиеся 7,1–2,6% выделялись на общеобразовательный цикл и психологию [9, с. 12]. В учебных планах наблюдается значительный перекос в сторону лекционных занятий. Так, дисциплина «Белорусская дооктябрьская литература» преподавалась в рамках 40 лекционных и 8 практических занятий, «Русская литература» – 76 лекций и 20 практических. Такие учебные дисциплины, как «Психология» и «Логика» предполагали только лекционные занятия (68 ч) [10, л. 4], Только с 1956 г. наблюдается корректировка учебных планов в сторону увеличения числа практических занятий [5, л. 5].

Средняя нагрузка преподавателя составляла 720 – 820 часов. Большое количество часов отводилось на консультации по предмету. Наполняемость учебной группы составляла не более 25 человек, поток состоял из 2 групп (не более 50 человек).

В системе профессионального обучения учительских кадров в педагогических вузах в начале 1960-х гг. важная роль отводилась подготовке студентов к педагогической практике. Практика являлась составной частью учебно-воспитательного процесса в вузе, обеспечивала соединение теоретической подготовки будущих учителей с их практической деятельностью в учреждениях образования. Эта комплексная форма профессиональной подготовки специалистов обеспечивала связь научных теоретических знаний с практической работой [11].

Педагогическая практика студентов Полоцкого педагогического института в основном проходила на базе средних школ г. Полоцка. Так, в 1955–56 уч. г. было задействовано 6 школ, в которых проходили практику 177 студентов. Практикант должен был находиться на практике каждый рабочий день в течении 6 часов [12, л. 55]. В рамках практики студент

должен был провести 8 зачетных уроков и 8–20 незачетных уроков. В отчетах за этот учебный год отмечается ряд недостатков при организации педагогической практики, в частности указывается на низкий культурный уровень отдельных студентов. Так, студентка И. Тараканова «сообщила пятиклассникам на беседе по теме "История родного Полоцка", что Евфросиния Полоцкая была дочерью Георгия Скорины» [3, л. 94]. Упоминались и речевые ошибки студентов («сформулирует»), и др. [12, л. 47]. Существенной проблемой было несоответствие теоретического курса срокам практики. Так, учебные дисциплины, связанные с методиками преподавания, изучались на протяжении всего учебного года, в то время как педагогическая практика проводилась уже в осеннем семестре [12, л. 45].

Вместе с принятием новых учебных планов в 1955 г. было вновь обращено внимание на самостоятельную работу студентов: последние привыкли в большей степени готовиться по конспектам лекций и неохотно пользовались учебниками и учебной литературой. Это обнаруживалось на экзаменах: как правило, хорошие ответы были на те вопросы, которые подробно рассматривались на лекциях, но стоило преподавателю задать вопрос, которому в лекции придавалось меньше внимания, – ответы вызвали сложности. В связи с этим в университете на всех курсах были организованы регулярные индивидуальные и групповые консультации по работе с литературой [13].

Постановление Совета министров БССР о закрытии Полоцкого педагогического института было принято 11 мая 1959 г. В соответствии с вышеуказанным постановлением 16 мая 1959 г. вышел приказ Министра просвещения БССР, в котором говорилось: «1. Закрыть Полоцкий педагогический институт. 2. Студентов Полоцкого педагогического института, оставшихся после выпуска 1959 года, передать Витебскому педагогическому институту (физико-математический факультет) и Могилевскому педагогическому институту (факультет языка и литературы)». Основные материальные ценности (приборы, книги, оборудование) были переданы Полоцкой школой-интернату на сумму 3 645 304 руб. и Витебскому педагогическому институту на сумму 416 746 руб. Также в списке относительно передачи материальных ценностей фигурируют Могилевский педагогический институт, Брестский педагогический институт, Полоцкое педагогическое училище, Лесной техникум, Библиотека г. Полоцка, а также школы г. Полоцка и района [14, л. 32].

Из 39 преподавателей назначение на работу в другие высшие учебные заведения получили 16 человек, из них 9 человек, включая Терентьева (директора), – в Витебский педагогический институт, 3 – в Могилевский педагогический институт, по одному человеку в Гродненский педагогический институт, Брестский пединститут, Минский институт иностранных языков, Белорусский государственный институт, Минское военное радиотехническое училище, 2 человека были переведены в Академию наук БССР [14, л. 34].

ЛИТЕРАТУРА

1. Олесик Е. Я. Подготовка учителей в вузах БССР в 1944–1990 гг.: гендерный анализ // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. гуман. і грам. навук. – 2008. – № 1. – С. 28–39.
2. Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГА в г. Полоцке). – Ф. 632. Оп. 1. Д. 22.
3. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 34.
4. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 11.
5. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 46.
6. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 63.
7. «Полоцкий государственный педагогический институт имени Георгия Скорины: история и достижения» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.znv.ru/konkurs2016/6343/1/73054_6343_1_1480358599.pdf. (дата обращения: 17.01.2024).
8. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 81.
9. Качан Г. А. Развитие системы высшего педагогического образования в Белоруссии (в период с 1944 по 1960 годы): автореф. дис. / БГПУ. – Минск, 1995. – 19 с.
10. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 93.
11. Илюкевич А. И. Организация и проведение педагогической практики студентов педвузов на рубеже 60-х годов // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Е. Педагог. науки. – 2005. – № 5. – С. 45–49.
12. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 57
13. Реализация творческого и общественно-политического потенциала БГУ в условиях дальнейшей эволюции советско-партийной системы (1953 – 1989) [Электронный ресурс]. – URL: <https://studfile.net/preview/7408707/page:13>. (дата обращения: 17.01.2024).
14. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 78.

Поступила 10.12.2023

POLOTSK PEDAGOGICAL INSTITUTE IN THE SYSTEM TRAINING OF TEACHING STAFF IN THE BSSR IN 1953–1958.

N. DOVGYALO
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article discusses the issues of training pedagogical specialists at the Polotsk Pedagogical Institute in the period from 1953 to 1958. The main attention is paid to the problems of the first years of operation of the institution, as well as the peculiarities of the organization of the educational process.

Keywords: *history of pedagogy, BSSR, Polotsk Pedagogical Institute, educational process.*

УДК 316.334.3(430)(091)"2005/2021"

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-95-99

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ФРГ В 2005–2021 гг.

Д.В. САВАТЕЕВА

(Белорусский государственный университет, Минск)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5018-4210>

Изучение социальной политики имеет большое значение для понимания роли государства в решении социальных проблем и содействии общественному благосостоянию. В статье рассмотрены основные направления в реализации социальной политики ФРГ в 2005–2021 гг.: реформирование рынка труда и системы страхования на случай безработицы, адаптация к современным вызовам пенсионной системы и сферы образования, повышение доступа к медицинским услугам и услугам по долгосрочному уходу. На основании документов и литературы автор рассматривает проведение модернизационных мероприятий в приоритетных областях социальной сферы. Сделан вывод о том, что, несмотря на усилия правящих коалиций, наблюдается тенденция к проявлению ряда социальных проблем локального и мирового масштаба, которые требуют проведения структурных реформ.

Ключевые слова: ФРГ, социальная политика, система социального обеспечения, модернизация, реформирование системы социального страхования, вызовы XXI в.

Введение. Устоявшаяся в Германии с конца XIX в. социальная модель Бисмарка основывается на принципе солидарности, который подчёркивает коллективную ответственность общества за обеспечение нуждающихся групп населения. Кроме того, она характеризуется высокой степенью децентрализации, что обеспечивает гибкость и способность реагировать на потребности населения. Однако на рубеже XX–XXI вв. в немецком обществе ярко проявились кризисные явления, обусловленные в первую очередь процессами глобализации: замедление темпов роста экономики, дефицит бюджета, инфляция, увеличение числа безработных, демографические изменения и распад традиционных семейных структур. Проводимая неолиберальная экономическая политика также оказала своё негативное влияние на государство всеобщего благосостояния и показала необходимость проведения незамедлительных реформ в социальной сфере. Данное обстоятельство актуализирует вопрос выявления основных направлений в реализации социальной политики ФРГ в 2005–2021 гг., что в свою очередь может дать ценный опыт для других государств, которые сталкиваются с аналогичными социальными проблемами и вызовами современности.

Историографическая база данного исследования основывается на русскоязычной и немецкоязычной литературе. Рассмотрение социальной политики ФРГ в начале XXI в. и её основных аспектов, процесса реформирования социальной сферы нашли своё отражение в работах таких исследователей, как В.Б. Белов, М.В. Каргалова, Т.Г. Хришкевич, Б.А. Ночвина, Е. Каширина, Х. Ламперт, Й. Альтхаммер, И. Фрерих, Л. Нойман, К. Шапер, М. Шмидт [1–10]. Источники исследования представлены документами законодательства и делопроизводства. При подготовке исследования автор обращался к материалам периодической печати изданий *Zeitschrift für Sozialreform, Wege zur Sozialversicherung, Bundeszentrale für politische Bildung*. Для достижения поставленной цели была проанализирована обширная база Федерального статистического управления Германии. При подготовке статьи были использованы общенаучные и специально-исторические методы исследования.

Основная часть. Начавшиеся в 2005 г. падение темпов производства и стремительное увеличение числа безработных, достигшее отметки в 11,7%¹, привело к нарастанию в немецком обществе социально-экономического кризиса и, как следствие, политического. В итоге проведения досрочных парламентских выборов в Бундестаг 18 ноября 2005 г. было сформировано коалиционное правительство во главе с А. Меркель, которое с первых месяцев своего нахождения у власти поставило своей целью обеспечить процветание Германии. В словосочетание «обеспечить процветание» был заложен особый смысл, который обозначил основные направления в социальной политике на ближайшие 16 лет: борьба с безработицей трудоспособного населения, необходимость серьёзных изменений в системе страхования по безработице, развитие образования и инноваций, сокращение риска бедности среди лиц пенсионного возраста и социального неравенства, а также повышение доступа к медицинским услугам и услугам по долгосрочному уходу.

В рамках реформирования рынка труда продолжилась начатая ещё при Г. Шрёдере программа реформ «Повестка дня – 2010», которая сосредоточилась на сокращении льгот, реструктуризации Федерального трудового законодательства, снижении налогов и реформировании пенсионной системы. Созданная «Комиссия по современным услугам на рынке труда» в 2002 г. представила на рассмотрение правительству пакет реформ, состоящий из четырёх частей. Харц-1 (направлен на поддержку дополнительного образования) и Харц-2 (направлен на создание новых типов занятости) реализовывались в 2003 г., Харц-3 (направлен на реформирование Федераль-

¹Arbeitslosenquote in Deutschland im Jahresdurchschnitt von 2005 bis 2023 [Elektronische Ressource]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1224/umfrage/arbeitslosenquote-in-deutschland-seit-1995/> (Datum des Zugangs: 10.09.2023).

ного ведомства по трудовым вопросам) реализовывался в 2004 г. С 2005 г. началась реализация Харц-4 (изменение системы пособий по безработице), которые ранее состояли из трёх компонентов: основное пособие по безработице, помощь по безработице и социальная помощь. В соответствии с проведёнными изменениями произошла реструктуризация трёхступенчатой системы, которая трансформировалась в двухступенчатую: пособие по безработице-1 и пособие по безработице-2. Продолжительность выплаты основного пособия по безработице-1 была сокращена до 12 месяцев, для лиц старше 58 лет – до 18 месяцев. В мае 2006 г. был одобрен законопроект о дальнейшем развитии реформ Харц-4, по которому было внесено около 50 поправок с целью ужесточения условий получения пособия по безработице-2. Среди наиболее важных изменений можно выделить: сокращение выплат пособия по безработице-2 на 30% при отказе от предлагаемой вакансии, предоставление доступа налоговым органам к информации о наличии у безработных счетов или фондов в других странах ЕС. Таким образом, создавался стимул для более активного поиска рабочего места². Так в 2005 г. выплата по Харц-4 на одного одинокого взрослого (базовая ставка) составляла 345 евро в месяц для западных земель и 331 евро для восточных земель, к 2021 г. ставка пособия стала единой и увеличилась до 446 евро³. В результате принятого комплекса мер уровень безработицы в Германии значительно снизился с 11,7% в 2005 г. до 5,7% в 2021 г.⁴.

Перед коалиционными правительствами была поставлена задача по улучшению образования с целью стимулирования трудоустройства молодёжи. По этой причине подписанный ещё в 2004 г. «Национальный пакт по обучению и молодым специалистам в Германии» был продлён до 2010 г., а затем до 2014 г.⁵. Посредством данного пакта происходило более активное сотрудничество между федеральным правительством, представителями бизнеса, Федеральным агентством занятости и региональными акторами. Данная инициатива позволила предоставить новые места для обучения, стажировок молодых специалистов и оказала финансовую поддержку в профессиональном образовании⁶.

Модернизация рынка труда проводилась также через стимулирование занятости пожилых людей, путём принятия комплекса согласованных мер в сфере занятости и здравоохранения. На повестку дня был поднят вопрос о повышении квалификации пожилых работников, организации рабочего времени и условий труда в соответствии с возрастными критериями. Чтобы решить данную проблему, председатель СДПГ Ф. Мюнтеферинг запустил «Инициативу 50 плюс», которая была направлена на реинтеграцию безработных пенсионного возраста, посредством получения права на переквалификацию. Все эти меры повысили шанс дальнейшего трудоустройства лиц старше 50 лет. Частью вышеуказанной инициативы стала программа «Перспективы 50 плюс», проводившаяся с 1 октября 2005 г. по 31 декабря 2007 г. Реализация программы региональных договоров о занятости дала свои результаты к лету 2006 г. – около 10% пожилых работников получили постоянное место трудоустройства⁷.

Обеспечить процветание и конкурентоспособность экономики возможно только при грамотной политике в сфере образования, в этой связи немецкая система образования ставит перед собой цель поощрять талантливых людей, поддерживать тех, кто имеет трудности с получением образования и, конечно, сократить разрыв связи между социальным положением и получением образования. «Большая коалиция» продолжила реализацию инвестиционной программы «Будущее образования и забота»⁸, которая реализовывалась с 2003 г. Цель программы заключалась в поддержке создания современной инфраструктуры в секторе школ полного дня (такой тип школы позволяет родителям совмещать работу и семью). Ещё одним вектором политики в сфере образования стало укрепление и модернизация системы дуального профессионального образования, это связано с тем, что около 17% молодых людей до 25 лет не имели полного среднего образования, то есть ни законченного профессионального образования, ни аттестата об окончании средней школы.

Нельзя не отметить, что в ФРГ действует одна из самых развитых систем поддержки студентов. Государственным механизмом в этой области является Закон «О содействии в получении образования»⁹. При рассмотрении возможности получения помощи наибольшее внимание уделяется материальному положению студента (заработок, доходы родителей, условия проживания и т.д.). Размеры выплат также зависят от ряда критериев,

² Änderungen Hartz IV 2006 [Elektronische Ressource]. URL: https://www.lpb-bw.de/reformen_hartz_iv.html (Datum des Zugangs: 20.08.2023).

³ Bürgergeld Regelsatz [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.hartziv.org/regelsatz/> (Datum des Zugangs: 12.09.2023).

⁴ Arbeitslosenquote in Deutschland im Jahresdurchschnitt von 2005 bis 2023 [Elektronische Ressource]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1224/umfrage/arbeitslosenquote-in-deutschland-seit-1995/> (Datum des Zugangs: 10.09.2023).

⁵ Nationaler Pakt für Ausbildung und Fachkräftenachwuchs in Deutschland [Elektronische Ressource]. URL: <https://docplayer.org/23302455-Nationaler-pakt-fuer-ausbildung-und-fachkraeftenachwuchs-in-deutschland.html> (Datum des Zugangs: 10.09.2023).

⁶ Datenreport 2014 [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.bibb.de/datenreport/de/2014/19493.php> (Datum des Zugangs: 11.09.2023).

⁷ “Perspective 50 Plus” – Employment pacts for older workers in the regions [Electronic resource] URL: <https://www.oecd.org/cfe/leed/37729545.pdf> (Date of access: 11.09.2023).

⁸ Das Investitionsprogramm „Zukunft Bildung und Betreuung“ (IZBB) [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.ganztagsschulen.org/de/service/izbb-programm/das-investitionsprogramm-zukunft-bildung-und-betreuung-izbb.html> (Datum des Zugangs: 11.09.2023).

⁹ Bundesgesetz über individuelle Förderung der Ausbildung (Bundesausbildungsförderungsgesetz - BAföG) [Elektronische Ressource]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/baf_g/BAf%C3%B6G.pdf (Datum des Zugangs: 11.09.2023).

таких как стоимость аренды жилья, наличие детей и т.д. Средний размер ставки финансовой помощи составляет 430 евро ежемесячно на протяжении всего срока обучения (около 9 семестров)¹⁰. Немаловажной инициативой в области реформирования высшего образования является «Пакт о высшем образовании 2020», который был принят федеральным правительством в 2007 г. Главная цель Пакта заключалась в увеличении числа студентов, создании благоприятных условий для проведения научных исследований¹¹. Его реализация проходила в три этапа: первый с 2007 г. по 2010 г. – создано примерно 185 тыс. дополнительных мест для поступления в высшие учебные заведения; второй с 2011 г. по 2015 г. – 722 тыс. мест; третий с 2016 г. по 2020 г. – 720 тыс. мест. Таким образом 1,63 млн. дополнительных учебных мест были профинансированы в рамках реализации данной инициативы в 2007–2020 гг.¹². Кроме того, была расширена программная база преподаваемых курсов, свои позиции укрепили университеты прикладных наук, немаловажным достижением стало увеличение числа женщин среди сотрудников университетов.

В 2011 г. была представлена программа «Образование и участие»¹³, целью которой было оказание финансовой поддержки малообеспеченным семьям для покрытия расходов на школьные принадлежности, школьные поездки и внеклассные мероприятия. По данным Федерального министерства труда и социальных вопросов Германии, около 2,5 млн. детей воспользовались данной программой в 2021 г.¹⁴. Кроме того, коалиционные правительства приняли ряд мер по улучшению доступа к жилищному фонду для домохозяйств с низкими доходами. В 2015 г. правительство приняло Закон «О жилищных пособиях»¹⁵, направленный на оказание финансовой поддержки для покрытия расходов на аренду и коммунальные услуги.

Принимая во внимание тот факт, что с годами показатель продолжительности жизни неуклонно растёт (у мужчин – с 72,6 лет в 1990 г. до 74,8 лет в 2000 г.; у женщин – с 79 лет в 1990 г. до 80,8 лет в 2000 г.)¹⁶, а количество трудоспособного населения сокращается, происходит увеличение нагрузки на государственную пенсионную систему и увеличение риска бедности в старости, что привело к необходимости проведения её реформирования. Таким образом, в 2005 г. было принято решение о постепенном повышении пенсионного возраста. Данный переход было запланировано провести в два этапа: с 2012 г. по 2022 г. и с 2022 г. по 2029 г., затрагивало это все категории граждан. Также проводилась активная политика по продвижению корпоративных и частных форм пенсионного страхования как дополнительных видов дохода к основной пенсионной выплате. Так, в 2005 г. был принят Закон «О подоходном налоге»¹⁷. Данная форма пенсионного страхования представляет собой частную обязательную пенсионную схему для самозанятых и лиц с высоким доходом, которая выплачивается ежемесячными платежами с момента достижения 60-летнего возраста. Коалиционные правительства также приняли ряд мер по укреплению корпоративной пенсионной системы. В 2017 г. был принят Закон «Об усилении пенсионного обеспечения компаний»¹⁸, целью которого было стимулирование работодателей к предоставлению корпоративных пенсионных схем и расширение участия в них сотрудников. Несмотря на ряд принятых мер, показатель риска бедности продолжает динамично расти, если в 2005 г. он составлял 11%, то в 2021 г. – 17,6%¹⁹.

Демографические изменения оказали своё влияние не только на пенсионную систему и рынок трудовых отношений, но и на растущий спрос в сфере услуг по долгосрочному уходу. В 2007 г. был принят Закон «О дальнейшем развитии сестринского дела»²⁰, который был направлен на повышение качества услуг долгосрочного ухода и увеличение доступности ухода для нуждающихся пациентов, также была введена новая модель финансирования страхования на случай длительного ухода с более высокими ставками взносов. Кроме того, коалиционные правительства приняли ряд мер по улучшению подготовки и квалификации медицинских работников

¹⁰ Bundesgesetz über individuelle Förderung der Ausbildung [Elektronische Ressource]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/baf_g/index.html (Datum des Zugangs: 12.09.2023).

¹¹ Higher Education Pact [Elektronische Ressource]. URL: <http://www.bmbf.de/en/6142.php> (Datum des Zugangs: 12.09.2023).

¹² Hochschulpakt 2020 [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.gwk-bonn.de/themen/foerderung-von-hochschulen/hochschul-pakt-zukunftsvertrag/hochschulpakt-2020> (Datum des Zugangs: 12.09.2023).

¹³ Bildung & Teilhabe [Elektronische Ressource]. URL: <https://familienportal.de/familienportal/familienleistungen/bildung-und-teilhabe> (Datum des Zugangs: 12.09.2023).

¹⁴ Bildungspaket [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.bmas.de/DE/Arbeit/Grundsicherung-Buergergeld/Bildungspaket/bildungspaket.html> (Datum des Zugangs: 12.09.2023).

¹⁵ Wohngeldgesetz [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/wogg/> (Datum des Zugangs: 14.09.2023).

¹⁶ Entwicklung der Lebenserwartung bei Geburt in Deutschland nach Geschlecht in den Jahren von 1950 bis 2070 [Elektronische Ressource]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/273406/umfrage/entwicklung-der-lebenserwartung-bei-geburt-in-deutschland-nach-geschlecht/> (Datum des Zugangs: 14.09.2023).

¹⁷ Einkommensteuergesetz (EStG) [Elektronische Ressource] URL: https://www.gesetze-im-internet.de/estg/_10.html (Datum des Zugangs: 14.09.2023).

¹⁸ Betriebsrentenstärkungsgesetz [Elektronische Ressource] URL: https://www.bundesfinanzministerium.de/Content/DE/Gesetzestexte/Gesetze_Verordnungen/2017-08-23-Betriebsrentenstaerkungsgesetz.html (Datum des Zugangs: 14.09.2023).

¹⁹ Armutsgefährdungsquote von Senioren in Deutschland von 2005 bis 2022 [Elektronische Ressource] URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/785537/umfrage/armutsgefaehrungsquote-von-senioren-in-deutschland/> (Datum des Zugangs: 14.09.2023).

²⁰ Entwurf eines Gesetzes zur strukturellen Weiterentwicklung der Pflegeversicherung (Pflege-Weiterentwicklungsgesetz) [Elektronische Ressource] URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/16/074/1607439.pdf> (Datum des Zugangs: 15.09.2023).

в сфере долгосрочного ухода. В 2013 г. правительство приняло Закон «Об усилении сестринского ухода»²¹, направленный на повышение качества ухода за счёт увеличения числа квалифицированных специалистов в этом секторе и предоставления дополнительной поддержки лицам, осуществляющим уход. По данным Федерального статистического управления Германии количество лиц, получающих услуги долгосрочного ухода, увеличилось с 2,13 млн. человек в 2005 г. до 4,96 млн. человек в 2021 г., что свидетельствует об эффективности политики, реализованной в данный период²².

Главной целью правительственной политики в сфере здравоохранения было повышение доступности обязательного и частного медицинского страхования. Ключевой реформой в указанный период стало принятие Закона «Об усилении конкуренции в медицинском страховании»²³, который подразумевал поощрение выборочного заключения страховых контрактов. В 2015 г. был принят Закон «О профилактике»²⁴, направленный на пропаганду здорового образа жизни и профилактику хронических заболеваний. Таким образом, количество застрахованных лиц в государственном медицинском страховании увеличилось с 71,3 млн. человек в 2005 г. до 73,3 млн. человек²⁵, из них около 57,2 млн. человек являлись плательщиками взносов и около 16,1 млн. человек были застрахованными как члены семьи. Что касается частного медицинского страхования, то на 2021 г. 8,7 млн. человек имело полную частную медицинскую страховку и около 26,8 млн. человек имели дополнительные частные полисы страхования²⁶.

Заключение. Столкнувшись в начале XXI в. с комплексом кризисных явлений, которые внесли дисбаланс в функционирующую систему социальной поддержки населения, остро встал вопрос о необходимости реализации модернизационных преобразований. В этих условиях коалиционные правительства играют важную роль в формировании вектора социальной политики, поскольку они объединяют различные политические идеологии, социальные интересы и общественные ожидания. С точки зрения политической идеологии, можно выделить два направления в проведении социальной политики. Правительства «большой коалиции» в составе ХДС/ХСС и СДПГ (2005–2009 гг., 2013–2017 гг., 2018–2021 гг.) продолжили вектор, заложенный ещё предыдущими правительствами, которые возглавлял Г. Шрёдер, реализуя такие меры, как реформирование рынка труда, пенсионной системы и повышение социального благосостояния населения. Коалиционное правительство ХДС/ХСС и СвДП (2009–2013 гг.) сосредоточило внимание на экономической либерализации, реформировании системы медицинского страхования и сферы образования. Необходимо отметить, что в первую очередь выбор приоритетных направлений в реализации социальной политики был обусловлен необходимостью стабилизировать экономику. Поэтому отдавался приоритет сфере занятости, которая выступает гарантом стабильного поступления страховых взносов, а значит дальнейшего функционирования всей системы социального страхования. В свою очередь, демографические изменения обусловили проведение реформирования сферы пенсионного страхования, долгосрочного ухода и системы здравоохранения. Подводя итог, можно сказать, что первая четверть XXI в. для социального развития Германии стала непростым временем, правительственные коалиции были вынуждены постоянно адаптировать проводимую политику к возникающим кризисам как локального, так и мирового масштаба, что показывает необходимость дальнейшего проведения структурных реформ в социальной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Германия. Вызовы XXI века / В.Б. Белов и др. – М.: Весь мир, 2009. – 788 с. (Старый Свет — новые времена) (Европа).
2. Социальная Европа в XXI веке / М.В. Каргаловой и др.; под ред. М.В. Каргаловой. – М.: «Весь Мир», 2011. – 528 с.
3. Хришкевич Т.Г. «AGENDA-2010»: итоги десяти лет социальных реформ в ФРГ [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agenda-2010-itogi-desyati-let-sotsialnyh-reform-v-frg/viewer> (дата обращения 14.09.2023).
4. Ночвина Б.А. Современная концепция социальной политики СДПГ: кризис или обновление? [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-kontseptsiya-sotsialnoy-politiki-sdpg-krizis-ili-obnovlenie/viewer> (дата обращения 14.09.2023).
5. Каширина Е. Основные аспекты системы социального обеспечения Германии // Власть. – 2009. – № 10. – С. 123–126.
6. Lampert H., Althammer J. Lehrbuch der Sozialpolitik. – 8 Aufl. – Berlin; Heidelberg; New York: Springer, 2007. – 583 S.

²¹ Die Pflegestärkungsgesetze [Elektronische Ressource] URL: https://www.bundesgesundheitsministerium.de/fileadmin/Datenteilen/5_Publikationen/Pflege/Broschueren/PSG_Das_Wichtigste_im_Ueberblick.pdf (Datum des Zugangs: 14.09.2023).

²² Gesundheit – Pflege [Elektronische Ressource] URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Gesundheit/Pflege_inhalt.html#250648 (Datum des Zugangs: 14.09.2023).

²³ Gesetz zur Stärkung des Wettbewerbs in der gesetzlichen Krankenversicherung (GKV-Wettbewerbsstärkungsgesetz - GKV-WSG) [Elektronische Ressource] URL: <https://www.buzer.de/gesetz/7655/index.htm> (Datum des Zugangs: 14.09.2023).

²⁴ Präventionsgesetz [Elektronische Ressource] URL: <https://www.bundesgesundheitsministerium.de/service/gesetze-und-verordnungen/detail/praevg.html> (Datum des Zugangs: 16.09.2023).

²⁵ Zahl und Struktur der Versicherten in der Gesetzlichen Krankenversicherung 2000 - 2022 [Elektronische Ressource] URL: <https://www.sozialpolitik-aktuell.de/files/sozialpolitik-aktuell/Politikfelder/Gesundheitswesen/Datensammlung/PDF-Dateien/abbV16.pdf> (Datum des Zugangs: 16.09.2023).

²⁶ Anzahl der Mitglieder und Versicherten der gesetzlichen und privaten Krankenversicherung in den Jahren 2017 bis 2023 [Elektronische Ressource] URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/155823/umfrage/gkv-pkv-mitglieder-und-versichertenzahl-im-vergleich/> (Datum des Zugangs: 16.09.2023).

7. Frerich J. Sozialpolitik: das Sozialleistungssystem der Bundesrepublik Deutschland. – 3 Aufl. – München; Wien: Oldenbourg, 2018. – 667 S.
8. Neumann L.F., Schaper K. Die Sozialordnung der Bundesrepublik Deutschland. – 5. aktualisier. u. überarb. Neuaufl. – Frankfurt; New York: Campus, 2008. – 405 S.
9. Schmidt M. G. Die Sozialpolitik der CDU/CSU-FDP-Koalition von 2009 bis 2013 // Politik im Schatten der Krise: eine Bilanz der Regierung Merkel 2009–2013 / Hrsg.: R. Zohlnhöfer, T. Saalfeld. – Wiesbaden, 2015. – S. 397–426. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-658-05213-3_17.
10. Schmidt M. G. Die Sozialpolitik der zweiten Großen Koalition (2005 bis 2009) // Die zweite Große Koalition: eine Bilanz der Regierung Merkel 2005–2009 / Hrsg.: C. Egle, R. Zohlnhöfer. – Wiesbaden, 2010 – S. 302–326. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-531-92434-2_13

Поступила 22.09.2023

MAIN DIRECTIONS IN SOCIAL POLICY OF GERMANY IN 2005–2021

D. SAVATSEYEVA
(*Belarusian State University, Minsk*)

The exploration of social policy is important for understanding the role of the state in solving social problems and promoting public welfare. The article considers the main directions in the implementation of German social policy in 2005–2021: reforming the labor market and the unemployment insurance system, adapting to modern challenges in the pension system and education, increasing access to medical services and long-term care services. Based on documents and literature, the author considers the possibility of carrying out modernization measures in priority areas of the social sphere. It is concluded that, despite the efforts of the ruling coalitions, there is a tendency towards the emergence of a number of social problems on a local and global scale that require structural reforms.

Keywords: *Germany, social policy, social security system, modernization, reform of the social insurance system, challenges of the 21st century.*

УДК 323(410)"2010/2016"

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-100-103

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВ Д. КЭМЕРОНА В ОТНОШЕНИИ БРИТАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ (2010–2016 гг.)¹*канд. ист. наук А.А. СУРМА**(Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск)*

В статье анализируется политика первого (консервативно-либерального) и второго (консервативного) правительств Д. Кэмерона в отношении британской государственной пенсионной системы на практическом и идеологическом уровнях, определяются цели, основное содержание и результаты данной политики. Автор приходит к выводу, что на практическом уровне деятельность исполнительной власти была направлена на обеспечение стабильной работы государственной пенсионной системы в условиях увеличения темпов старения населения, с одной стороны, и получение электоральной поддержки пожилых британцев – с другой. В идеологической плоскости политика правительств Д. Кэмерона в рассматриваемом направлении социальной политики имела неолиберальный характер, который был выражен в стремлении власти повысить индивидуальную ответственность пенсионеров за свое финансовое благополучие путем изменения регулирования государственной пенсионной системы.

Ключевые слова: *Великобритания, Д. Кэмерон, консерваторы, либеральные демократы, неолиберализм, пенсионное обеспечение.*

Введение. Актуальность темы данной публикации обусловлена тем фактом, что в ней рассматривается важная проблема, с которой сталкиваются большинство государств мира. Речь идет об обеспечении стабильной работы системы пенсионных начислений в условиях увеличения численности пожилого населения. Реформирование государственной системы пенсионных выплат стало одним из направлений социальной повестки дня первого (консервативно-либерального) и второго (консервативного) правительств Д. Кэмерона. Исследование деятельности указанных кабинетов в отношении системы государственного пенсионного обеспечения будет содействовать аккумулированию знаний по рассматриваемой проблематике, которые, в свою очередь, могут быть использованы правительствами государств в процессе разработки и реализации различных пенсионных стратегий, программ и схем с учетом актуальных социально-экономических процессов.

Цель исследования – выявить основное содержание и результаты политики правительств Д. Кэмерона в отношении системы государственного пенсионного обеспечения как на практическом, так и на идеологическом уровнях.

Достижение поставленной цели конкретизировалось в следующих исследовательских задачах:

- определить цели политики рассматриваемых британских правительств в отношении системы государственных пенсионных выплат;
- проанализировать основные мероприятия власти в рассматриваемом направлении социальной политики;
- установить результаты политики кабинетов Д. Кэмерона в отношении британской государственной пенсионной системы на практическом и идеологическом уровнях.

Объектом исследования является социальная политика, реализуемая правительствами Д. Кэмерона в Великобритании в 2010–2016 гг. *Предмет исследования* – политика первого и второго кабинетов Кэмерона в отношении системы государственного пенсионного обеспечения.

В отечественной и российской историографии указанная проблематика изучалась в определенной степени. Стоит отметить кандидатскую диссертацию² автора данной статьи, сведения из которой легли в основу представленной публикации. Речь идет об информации о деятельности правительств Кэмерона в отношении британской государственной пенсионной системы. Также необходимо упомянуть статью М.Ю. Еременой, в которой российский исследователь среди различных аспектов социальной политики правительства Д. Кэмерона рассматривает также мероприятия власти в отношении британской пенсионной системы в период с 2010 по 2013 гг. [1]. Однако более глубоко и детально изучаемая проблематика рассматривается в англоязычной литературе. Здесь стоит выделить работы следующих авторов: П. Дори и М. Гарнетта; С. Адама, Дж. Брауна и У. Элминга; П. Де Агостини, Дж. Хиллза и Х. Сазерленд; С. Маккей и К. Роулингсон; Н. Тимминса [2–6].

Источниковая база исследования представлена правительственными документами, законодательными актами, статистическими данными, различными интернет-ресурсами, включая ресурсы СМИ, независимыми аналитическими исследованиями. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные (конкретно-научные) методы.

Основная часть. Коалиционное (консервативно-либеральное) правительство Кэмерона рассматривало преобразования в системе государственного пенсионного обеспечения как отдельное направление реформ, не

¹ Статья написана в рамках темы НИР «Модернизация содержания исторического образования как основа для конструирования дидактико-методического инструментария развития специальных компетенций учителя истории», выполняемой на кафедре всеобщей истории и методики преподавания истории БГПУ.

² Сурма А.А. Социальная политика правительств Д. Кэмерона (2010–2016 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – Минск, 2021. – 259 л.

связанных со значительными изменениями, которые оно проводило в системе социального обеспечения населения трудоспособного возраста³. Об этом свидетельствовал тот факт, что правительство не собиралось проводить каких-либо сокращений по их выплатам. В программе кабинета отмечалось, что пособия, льготы и пенсии для пожилого населения должны были сохраниться в прежнем объеме, включая льготы для пенсионеров старше 75 лет: скидки на отопление в зимние месяцы, бесплатные подписки на телевидение, проезд в общественном транспорте, бесплатный медицинский осмотр у офтальмолога и рецепты на отдельные лекарственные препараты. Интересно, что, обещая сохранить указанные льготы для пенсионеров, премьер-министра не смутила их стоимость, которая обходилась государственному бюджету в 4 млрд ф. ст. в год⁴ [2, р. 162].

Британские исследователи П. Дори и М. Гарнетт отмечают, что стремление кабинета Д. Кэмерона защитить пенсионный фонд от сокращения расходов⁵ можно оправдать той логикой, что пожилые люди, всю жизнь работавшие, платившие налоги и отчислявшие взносы в фонды национального страхования, имели полное право получить свои отчисления назад в виде пенсий и льгот. И все же более правдоподобным выглядит предположение, что Д. Кэмерон стремился защитить пенсии по политическим (избирательным) мотивам. Пожилое население Соединенного Королевства было категорией британских граждан, традиционно поддерживающих консерваторов, поэтому тори стремились сохранить за собой голоса данной категории электората, которая была, к тому же, надежной в вопросе явки на парламентские выборы [2, р. 162–163]. Данная позиция авторов представляется нам вполне резонной⁶.

В рамках политики по защите пенсий от сокращения государственных расходов консервативно-либеральное правительство обязалось поднимать ежегодно размер государственных пенсий в соответствии с так называемой схемой «тройной гарантии» или «тройного замка»⁷. Согласно этой схеме пенсии в бюджетной сфере предполагалось ежегодно повышать в соответствии либо с ростом средней заработной платы, либо цен, либо на 2,5% (исходя из того, какой из показателей был выше)⁸. Разумеется, в условиях стареющего населения повышение исполнительной властью размеров государственных пенсий и других видов льгот требовало повышения пенсионного возраста. Поэтому в коалиционной программе правительство объявило о повышении пенсионного возраста до 66 лет, отметив, что оно произойдет для мужчин не раньше 2016 г., а для женщин – не раньше 2020 г.⁹. Более того, в 2014 г. был принят Закон «О пенсиях», предусматривающий пересмотр пенсионного возраста каждые 6 лет¹⁰. Этот же документ предполагал увеличение пенсионного возраста до 67 лет с 2028 г.¹¹.

13 января 2011 г. коалиционный кабинет подтвердило свое решение о ликвидации пенсионного возраста по умолчанию, согласно которому работники автоматически объявлялись пенсионерами по достижении 65 лет и могли либо сами уйти на заслуженный отдых, либо сделать это по требованию работодателя. Последние теперь не могли отправлять на пенсию работников по достижении ими соответствующего возраста; работник сам решал, нужно ли ему выходить на пенсию или нет. Тем не менее, в ряде профессий (авиадиспетчеры и сотрудники полиции) за работодателями сохранилось право отправлять служащих на пенсию при наличии объективных обоснований¹². Данная мера, по мнению британских исследователей П. Дори и М. Гарнетт, призвана была содействовать экономии бюджетных средств, учитывая, что многие работники могли бы продолжать работать до 70 лет, не требуя пенсии по старости. Другими словами, правительство намеревалось сэкономить государственные средства с помощью либерализации схемы выхода на пенсию [2, р. 162]. Однако ликвидация пенсионного возраста по умолчанию, на наш взгляд, едва ли способствовала бы экономии бюджетных средств, так как в Великобритании государственная пенсионная система позволяет гражданам работать и получать пенсию по старости. Однако экономии можно было достичь за счет того, что британцы могли работать без оформления пенсии, чтобы увеличить свои пенсионные выплаты в будущем¹³. Наиболее правдоподобным мотивом деятельности правительства представляется его стремление добиться лояльности со стороны электората пенсионного возраста.

Важное место в рамках реформ пенсионной системы отводилось трансформации административно сложной и затратной двухуровневой пенсионной схемы в более простую и дешевую одноуровневую. Данный шаг был инициирован министром пенсионного обеспечения, либеральным демократом С. Уэббом. Детали новой схемы начисления государственной пенсии содержались в опубликованной в 2013 г. Белой книге. Согласно документу, государственная пенсия состояла из единой базовой выплаты в стартовом размере 144 ф. ст. в неделю (в двухуровневой системе базовая пенсия составляла 107,45 ф. ст. в неделю, а при надбавке второго уровня – 142,70

³ Одной из целей реформ, проводимых правительствами Кэмерона в отношении британской системы социального обеспечения трудоспособного возраста, являлось сокращение государственных расходов в данной сфере социальной политики с целью ликвидации структурного бюджетного дефицита.

⁴ The Coalition: Our Programme for Government / Cabinet Office. – London : HM Government, 2010. – P. 26.

⁵ Сокращение расходов на социальные нужды населения было важным направлением деятельности правительств Д. Кэмерона.

⁶ Сурма А.А. Социальная политика правительств Д. Кэмерона (2010–2016 гг.). – Л. 110.

⁷ The Coalition: Our Programme for Government. – P. 26.

⁸ Сурма А.А. Социальная политика правительств Д. Кэмерона (2010–2016 гг.). – Л. 110.

⁹ The Coalition: Our Programme for Government. – P. 26.

¹⁰ URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2014/19/pdfs/ukpga_20140019_en.pdf.

¹¹ Сурма А.А. Социальная политика правительств Д. Кэмерона (2010–2016 гг.). – Л. 111.

¹² URL: <https://www.gov.uk/government/news/default-retirement-age-to-end-this-year>.

¹³ URL: <https://www.gov.uk/working-retirement-pension-age>.

ф. ст.), которая увеличивалась ежегодно в соответствии с принципом «тройного замка» до 2060 г. При этом должен был расти и срок отчислений в систему национального страхования до 35 лет (при существующей системе он составлял 30 лет). Новая схема была разработана с целью замедлить давление на фискальную систему и, соответственно, довести государственные расходы на выплаты пенсий до 8,1 % ВВП к 2060 г. (при существующей системе ожидался рост расходов до 8,5 % ВВП к 2060 г.). Основные средства в размере около 5,5 млрд ф. ст. предстояло сэкономить за счет ликвидации второго уровня пенсий, то есть за счет того, что работодатели больше не получали бы скидки на государственное страхование за выполнение пенсионных схем второго уровня, ввиду его упразднения¹⁴ [2, р. 162; 6, р. 332–333].

Помимо экономических выгод новая пенсионная схема была проще и понятнее для граждан, что немало важно для получения политических баллов от возрастного электората. Согласно соцопросу 2012 г., проведенному Департаментом труда и пенсионного обеспечения, 63 % респондентов согласились с утверждением: «иногда пенсионная система кажется настолько сложной, что я не могу понять, что лучше всего мне делать»¹⁵. Новая пенсионная схема должна была заработать после 2015 г., то есть при новом парламенте¹⁶.

Можно согласиться с исследователем Н. Тимминсом, который введение одноуровневой пенсии отождествляет с принципом, лежавшим в основе базовой государственной пенсии, введенной при В. Беверидже в 1940-е гг.: когда базовая пенсия в бюджетной сфере достигнет размера в 20 % от средней заработной платы, тогда она обеспечит пенсионерам прожиточный минимум и в то же время станет базовой основой, на которой можно делать частные пенсионные накопления. Таким образом, полагает эксперт, консервативно-либеральное правительство Кэмерона исправило ошибку, сделанную консерваторами еще в 1981 г. и в последствии поддержанную лейбористскими правительствами. Она заключалась в том, что начиная с 1981 г. истинная ценность базовой государственной пенсии была фактически нивелирована [6, р. 333].

Второе правительство (консервативное) Д. Кэмерона продолжило курс в отношении государственной пенсионной системы, начатый коалицией. В частности, одноуровневая пенсия была внедрена на год раньше планируемого срока – в апреле 2016 г.¹⁷

Сложнее обстояло дело с обязательством увеличить государственные пенсии посредством «тройного замка» и с сохранением льгот для пенсионеров вследствие наметившейся перспективы для Великобритании покинуть ЕС. Накануне референдума 2016 г. по вопросу членства страны в Европейском союзе Д. Кэмерон, ссылаясь на выводы Института финансовых исследований, заявил, что в случае выхода страны из Сообщества выполнить вышеуказанные обязательства будет крайне сложно. Тем самым премьер призвал своих соотечественников реально посмотреть на возможные негативные последствия Брексита¹⁸. Трудности с выполнением вышеуказанных обязательств могли возникнуть из-за снижения реальных доходов Соединенного Королевства вследствие выхода из ЕС. По оценкам Института финансовых исследований, к 2019/2020 финансовому году страна могла недосчитаться от 20 до 40 млрд ф. ст., а в долгосрочной перспективе падение ее ВВП неминуемо влекло за собой сокращение государственных расходов в денежной форме¹⁹.

Если подвести итоги пенсионной политики правительств Кэмерона, то необходимо отметить значительный рост государственных расходов на пенсионное обеспечение в бюджетной сфере. Так, в 2010 г. они составляли 84 млрд ф. ст., а уже в 2016 г. достигли суммы почти в 110 млрд ф. ст.²⁰ Что касается влияния государственной политики, в том числе налогообложения, на доходы пенсионеров, то оно было неоднозначным. В одном из исследований отмечалось, что в 2015 г. действия правительства оказали нулевой эффект на доходы данной категории граждан за исключением наиболее богатых, чьи доходы сократились [3, р. 389–390]. Вместе с тем, в другом исследовании отмечалось, что в 2015 г. наблюдался положительный эффект в отношении пенсионеров с низкими и более высокими доходами, за исключением лиц с самыми высокими доходами [4, р. 943–944]. Неоднозначными были данные и Национальной статистической службы. Служба отметила рост доходов пенсионеров в 2010–2016 гг.: в 2009/2010 ф. г. медианный годовой доход пенсионеров составлял 19 897 ф. ст., а в 2015/2016 ф. г. – 21 770 ф. ст. Более того, в отличие от доходов лиц трудоспособного возраста, чьи доходы в 2015/2016 ф. г. были ниже в сравнении с докризисным 2007/2008 ф. г., доходы пенсионеров выросли на 13% (приблизительно на 2500 ф. ст.) в сравнении с указанным годом. Наряду с этим эксперты Национальной статистической службы зафиксировали увеличение неравенства в распределении доходов среди данной категории граждан. Об этом свидетельствовало увеличение индекса Джини в распределении доходов пенсионеров, который вырос с 24,3% в 2009/2010 ф. г. до 28,1% в 2015/2016 ф. г.²¹

¹⁴ URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/181229/single-tier-pension.pdf.

¹⁵ URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/193372/rrep813.pdf.

¹⁶ Сурма А.А. Социальная политика правительств Д. Кэмерона (2010–2016 гг.). – Л. 112.

¹⁷ URL: <https://www.nao.org.uk/wp-content/uploads/2016/11/Introduction-to-the-new-state-pension.pdf>.

¹⁸ URL: <https://www.theguardian.com/politics/2016/jun/11/brexit-axe-state-pensions-david-ferman-nhs-cold-reality>.

¹⁹ URL: https://ifs.org.uk/sites/default/files/output_url_files/r116.pdf.

²⁰ URL: <https://www.ukpublicspending.co.uk/uk-national-pensions-analysis>.

²¹ URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/personalandhouseholdfinances/incomeandwealth/bulletins/household-disposable-incomeandinequality/financialyearending2016#how-much-do-cash-benefits-and-direct-taxes-reduce-income-inequality>.

Ключевым отличием политики правительств Кэмерона от предшествующих ему консервативных кабинетов было стремление поддержать ежегодный рост пенсионных выплат в бюджетной сфере с помощью «тройного замка». При тогдашних консервативных правительствах имела место другая тенденция, в 1980 г. индексация государственных пенсий стала проводиться в соответствии с уровнем инфляции, которая отставала от роста уровня средних доходов в 1980-е г. [5, p. 194–195]. С идеологической точки зрения, мероприятия Д. Кэмерона имели много общего с политикой тэтчеризма (т. е. имели неолиберальный характер), так как меры премьер-министра стимулировали повышение индивидуальной ответственности пенсионеров за свое финансовое благополучие путем уменьшения регулирования государственных пенсионных начислений²².

Заключение. Таким образом, политика кабинетов Д. Кэмерона в отношении государственной пенсионной системы на практическом уровне была направлена на обеспечение её стабильной работы в условиях увеличения темпов старения населения и получение электоральной поддержки пожилых британцев. Так, для обеспечения стабильной работы государственной пенсионной системы правительства Д. Кэмерона провели инициативы по увеличению пенсионного возраста в стране и изменению государственной пенсионной схемы. Для получения поддержки электората пенсионного возраста исполнительная власть защитила государственную пенсионную систему от финансовых сокращений и отменило выход на пенсию по умолчанию. С идеологической точки зрения политика кабинетов Д. Кэмерона в отношении государственной пенсионной системы имела неолиберальный характер, который был выражен в стремлении власти повысить индивидуальную ответственность пенсионеров за свое финансовое благополучие путем изменения регулирования государственных пенсионной системы.

Результаты правительственной политики были неоднозначными. С одной стороны, значительных негативных тенденций в отношении доходов пенсионеров, в целом, не наблюдалось, однако, с другой стороны, прослеживался рост неравенства распределения доходов пенсионеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еремина М.Ю. Д. Кэмерон: Социальная политика коалиционного правительства (2010–2013 гг.) // Современная Европа. – 2014. – № 3. – С. 52–63.
2. Dorey P., Garnett M. The British Coalition Government, 2010–2015: A Marriage of Inconvenience. – London: Palgrave Macmillan, 2016. – XI, 311 p.
3. Adam S., Browne J., Elming W. The Effect of the UK Coalition Government's Tax and Benefit Changes on Household Income and Work Incentives // Fiscal Studies. – 2015. – Vol. 36, iss. 3. – P. 375–402. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-5890.2015.12058>.
4. De Agostini P., Hills J., Sutherland H. Were We Really All in It Together? The Distributional Effects of the 2010–15 UK Coalition Government's Tax-benefit Policy Changes // Social Policy Administration. – 2018. – Vol. 52, iss. 5. – P. 929–949. – DOI: <https://doi.org/10.1111/spol.12344>.
5. McKay S. K. Rowlingson Social Security under the Coalition and Conservatives: Shredding the System for People of Working Age; Privileging Pensioners // The Coalition Government and Social Policy: Restructuring the Welfare State / H. Bochel et al.; ed.: H. Bochel, M. Powell. – Bristol: Policy Press, 2016. – Ch. 8 – P. 179–200.
6. Timmins N. The Coalition and Society (IV): Welfare // The Coalition Effect, 2010–2015 / A. Seldon et al.; ed.: A. Seldon, M. Finn. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – Ch. 12. – P. 317–344.

Поступила 07.09.2023

THE POLICY OF D. CAMERON'S GOVERNMENTS IN RELATION TO THE BRITISH STATE PENSION SYSTEM (2010–2016)

A. SURMA

(Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk)

In the article the policy of the first (conservative-liberal) and second (conservative) governments of D. Cameron in relation to the British state pension system at the practical and ideological levels is analyzed and the goals and main content and results of this policy is determined. The author has come to the conclusion that, at a practical level, the activities of the executive authority were aimed at ensuring the stable operation of the state pension system in the face of an increasing rate of population aging, on the one hand, and obtaining electoral support for older British, on the other. In the ideological plane, the policy of D. Cameron's governments in the considered direction of social policy was of a neoliberal nature, which was expressed in the desire of the authorities to increase the individual responsibility of pensioners for their financial well-being by changing the regulation of the state pension system.

Keywords: UK, D. Cameron, conservatives, liberal democrats, neoliberalism, pension provision.

²² Сурма А.А. Социальная политика правительств Д. Кэмерона (2010–2016 гг.). – Л. 113.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Магалінскі І.У.</i> Метады даследавання хімічнага складу вырабаў з каляровых металаў X–XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі	2
<i>Гаршкоў А.Д.</i> Генезіс, храналогія, гістарычны лёс культуры бrome ў кантэксце асваення міжрэчча Заходняга Буга, Прыпяці і Нёмана ў познедавіковы час	6
<i>Кухарава К.А.</i> Шклянныя бранзалеты з тэрыторыі старажытнага Турава: марфалогія і тэхналогія вытворчасці	11
<i>Лучшавя У.А.</i> Аб новых знаходках сякерападобных падвесак на тэрыторыі Беларусі	18
<i>Коц А.Л.</i> Плінфа ў пахаваннях XI–XIV стст. у Полацку	24
<i>Лицкевич О.В.</i> Граница Великого Княжества Литовского с Ливонией в районе Дрисвят и Браслава (1426 г.)	29
<i>Емяльчанчык В.А.</i> Памятныя кніжкі губерняў як крыніца для вывучэння смяротнасці праваслаўнага насельніцтва Беларусі другой паловы XIX ст.	35
<i>Борун Е.Н.</i> Настоятели православных монастырей на территории Беларуси во второй трети XIX – начале XX в.: статус и роль в организации монастырской жизни	42
<i>Цветков М.А.</i> Интендантские заведения обозно-вещевой службы на белорусских землях в годы Первой мировой войны	46
<i>Бароўская В.М.</i> Пытанне персанальнага абмену ва ўзаемадачыненьнях БССР і Польшчы ў 1921–1939 гг.	51
<i>Калініна Г.С.</i> Нетрадыцыйная рэлігійнасць сярод праваслаўнага насельніцтва БССР у 1930-я гг. (па матэрыялах дзяржаўных архіваў Рэспублікі Беларусь)	56
<i>Мордвилко А.А.</i> Кадровая политика советской власти в западных областях Беларуси в 1939–1941 гг.	61
<i>Мартинкевич И.А.</i> Актуальные направления работы органов социального обеспечения БССР в первые послевоенные годы	65
<i>Корсак А.И.</i> Опыт изучения военно-мемориальной сферы Беларуси в социально-гуманитарном знании	72
<i>Гребень Е.А.</i> Борьба за выживание гражданского населения Беларуси в ходе карательных операций нацистов (по материалам устной истории)	81
<i>Сумко Е.В.</i> Жыццёвыя стратэгіі вясковага насельніцтва Паўночнай Беларусі ў пасляваенны перыяд	84
<i>Терентьев В.В.</i> Русский и белорусский языки в контексте реализации советской национальной политики: диалектика взаимосвязи	88
<i>Довгяло Н.В.</i> Полоцкий педагогический институт в системе подготовки педагогических кадров в БССР в 1953–1958 гг.	92
<i>Саватеева Д.С.</i> Основные направления в социальной политике ФРГ в 2005–2021 гг.	95
<i>Сурма А.А.</i> Политика правительств Д. Кэмерона в отношении британской государственной пенсионной системы (2010–2016 гг.)	100